

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования

«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Учебное пособие

В двух частях

Часть 2

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК 32.001(075.8)

ББК 66.0я73

С89

*Печатается по решению кафедры теоретической и прикладной
политологии Южного федерального университета
(протокол № 7 от 26 февраля 2017 г.)*

Рецензенты:

кандидат политических наук, доцент кафедры истории русской философии и теоретического россиеведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета
Н. А. Басенко;

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Южного научного центра РАН *Л. Б. Внукова*

Авторский коллектив:

М. С. Константинов (введение, 1.1), Т. А. Подшибякина (введение, 3.3),
Н. В. Гонтарь (2.1, 2.2), С. В. Чуев (3.1, 3.2), В. Н. Коновалов (1.3),
В. П. Макаренко (3.4), М. А. Петров (1.2), Р. А. Пупыкин (3.1),
А. М. Старостин (2.4), А. В. Тупаев (2.3)

С89   **Субдисциплины политической науки** : учебное пособие : в 2 ч. /
под ред. М. С. Константинова, Т. А. Подшибякиной ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2016–2018. – 220 с.

ISBN 978-5-9275-2738-0

Ч. 2. – 2018. – 220 с.

ISBN 978-5-9275-2739-7

В учебном пособии дана общая характеристика ряда основных субдисциплин современной политологии, освещены этапы их становления в современной России и за рубежом, рассмотрены их предметное поле и методология, а также вклад, внесенный в развитие политической науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех, кто хочет расширить свои знания о политической сфере жизни общества.

УДК 32.001(075.8)

ББК 66.0я73

ISBN 978-5-9275-2739-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-9275-2738-0

© Южный федеральный университет, 2018
© Оформление. Макет. Издательство
Южного федерального университета, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. КЛАССИЧЕСКИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	8
1.1. Политическая философия	8
1.2. Политическая история.....	25
1.3. Мировая политика и международные отношения	49
Глава 2. НОВЫЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	68
2.1. Политическая география.....	68
2.2. Геополитика	78
2.3. Институциональная политология	93
2.4. Политическая элитология	109
Глава 3. НОВЕЙШИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	127
3.1. Политическая коммуникативистика.....	127
3.2. Политический менеджмент	152
3.3. Экономическая политология.....	175
3.4. Политическая концептология	186

ВВЕДЕНИЕ

Данное учебное пособие является продолжением пособия «Субдисциплины политической науки. Часть 1», вышедшего в издательстве Южного федерального университета в 2016 г. Во второй части пособия авторы раскрывают содержание таких классических субдисциплин политической науки, как политическая философия, политическая история и мировая политика и международные отношения. К новым субдисциплинам авторы пособия отнесли политическую географию, геополитику, институциональную политологию и политическую элитологию, к новейшим – экономическую политологию и политическую концептологию. Содержание каждой из дисциплин представлено преподавателями, специализирующимися в соответствующей области политологического знания.

Раскрывая содержание политической философии, доцент Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, кандидат политических наук М. С. Константинов обращает внимание на сложность определения данной субдисциплины и подвижность ее предмета. Автор выделяет круг тем и проблем, которыми занимается политическая философия, дает характеристику основных этапов истории развития этой субдисциплины.

В параграфе, посвященном политической истории, преподаватель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета М. А. Петров выделяет этапы становления субдисциплины, характеризует определяющие черты каждого из них, описывает основные подходы, методы и концептуальный аппарат политической истории.

Мировую политику и международные отношения профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, доктор философских наук В. Н. Коновалов предлагает рассматривать как отдельную субдисциплину политологии, а не как междисциплинарную область исследования. В параграфе анализируются история субдисциплины, особенности ее методологического аппарата, основные

подходы к решению ключевых проблем и отмечаются некоторые тенденции развития данной субдисциплины.

Обращаясь к содержанию политической географии, ведущий научный сотрудник Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, кандидат географических наук В. Н. Гонтарь определяет данную субдисциплину как науку о пространственных проявлениях политических процессов. Автор описывает историю субдисциплины, дает характеристику ее категориального аппарата, отдельно останавливается на особенностях развития субдисциплины в России. В параграфе о геополитике В. Н. Гонтарь предлагает общую характеристику субдисциплины, основных подходов к решению ее задач, истории и перспектив развития. Особое внимание уделяется развитию геополитики в России.

В параграфе, посвященном институциональной политологии, преподаватель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета А. В. Тупаев детально описывает методологию субдисциплины, останавливается на различиях в подходах старого и нового институционализма, выделяет его виды и анализирует категориальный аппарат.

Рассматривая содержание политической элитологии, профессор кафедры экономики, мировой политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор политических наук А. М. Старостин описывает генезис элитологического подхода к анализу социальных процессов, этапы развития элитологической мысли, основные подходы к пониманию элит, принципы, установки и главные идеи современной элитологии. Особое внимание уделяется специфике элитогенеза в современном российском обществе.

Параграф, написанный в соавторстве кандидатом политических наук, доцентом, заведующим кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета Р. А. Пупыкиным и кандидатом исторических наук, доцентом

кафедры государственного управления и политических технологий, проректором Государственного университета управления С. В. Чуевым, посвящен политической коммуникативистике. Авторы описывают историю субдисциплины, останавливаются на анализе взглядов ее ключевых представителей, исследуют отличия политической коммуникативистики от близких понятий – пропаганды, агитации, публик рилейшнз, политической рекламы и т. д. Последние, по мнению авторов, относятся к коммуникативным технологиям политического менеджмента, содержание которого раскрывается в следующем параграфе С. В. Чуевым. Под политическим менеджментом понимается один из видов управленческих отношений, не предполагающий ни принуждения, ни служебной субординации. Автор описывает основные тенденции развития субдисциплины, дает характеристику ее категориального аппарата, последовательно проводит различия между политическим менеджментом и другими видами управленческой деятельности.

Раскрывая содержание экономической политологии, доцент Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, кандидат политических наук Т. А. Подшибякина характеризует причины возникновения новой субдисциплины, сложности определения ее предметного поля, основные подходы и методы экономической политологии, а также ее практическую значимость.

Последний параграф посвящен авторской субдисциплине, преподаваемой в Южном федеральном университете, – политической концептологии. Ее автор, профессор Института философии и социально-политических наук ЮФУ, доктор философских наук, доктор политических наук В. П. Макаренко, описывает исходную проблему, с анализа которой начиналась политическая концептология, дает ее определение, формулирует концептуальный аппарат и ключевые методологические принципы, а также раскрывает связи с другими субдисциплинами – аналитической политической философией, аналитической экономической теорией, аналитической политической наукой и т. д.

Авторы пособия ставили перед собой цель раскрыть только основные принципы и характеристики субдисциплин политологии. К каждому параграфу приложены список рекомендуемой литературы для дальнейшего изучения субдисциплины и вопросы для самоконтроля.

Глава 1. КЛАССИЧЕСКИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Политическая философия

«Существует ли политическая философия?» – с этого вопроса начинается одна из классических политико-философских работ всемирно известного французского философа Жака Рансьера «Несогласие: Политика и философия»¹. Несуразностью этого вопроса подчеркивается его парадоксальность: несколько странно в политико-философской работе спрашивать, существует ли политическая философия. Тем не менее эта парадоксальность сопровождает политическую философию почти всю ее современную историю – по крайней мере, с момента отмежевания политической науки от политической философии. Сам термин «политическая философия» одним из первых употребил Аристотель в своем труде «Политика»², отметив проблемный характер знания, которое получает эта дисциплина. Тем более проблематичность существования политической философии обнаруживается, когда «политика вступила в эпоху явленности своего отсутствия»³.

Действительно, дать **определение политической философии** непросто. Ее предмет, цели и задачи, категориальный и методологический аппараты всегда были и до сих пор остаются дискуссионными. На первый взгляд, разобраться в том, что такое политическая философия, несложно: достаточно прочитать и осмыслить определенный пласт литературы, проштудировать труды великих философов прошлого и современности.

---

¹ См.: *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 11.

² См.: *Аристотель.* Политика. IV, 1282b, 21 // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. С. 467.

³ См.: *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.: ИОИ, 2013. С. 9.

Однако знание истории политической философии отнюдь не то же, что знание предметной области самой политической философии: «Такое знание соответствует позиции внешнего наблюдателя за политической философией, но не того, кто находится внутри ее, чья мысль движется в ней и вместе с нею, кто относится к действительности в соответствии с присущим ей отношением... Это – позиция того, кто информирован о политической философии, но не научился ей»¹. Это делает предмет политической философии очень подвижным, что дает повод некоторым современным политическим философам говорить о его исторической неопределенности².

С одной стороны, проблема определения политической философии состоит в том, что само это определение входит в предметное поле политической философии. Говоря иначе, определить политическую философию до и вне контекста ее предмета нельзя. Каждый политический философ начинает свое исследование с собственной интерпретации сути и содержания политической философии, что, в свою очередь, определяет круг проблем, которые подлежат рассмотрению, методологию, средствами которой осуществляется исследование, позицию философа в оценке изучаемых явлений и т. д.

Но, с другой стороны, политическая философия не может претендовать на дисциплинарный статус, если ее предмет нельзя определить в принципе. Одним из решений данной проблемы является определение дисциплинарных границ политической философии посредством соотнесения ее с политической наукой (политологией), политической теорией и философией политики. Отношения между этими (суб)дисциплинами крайне сложны и запутанны, и нередки примеры их отождествления. Так, один из ведущих отечественных философов А. С. Панарин определил философию политики как «науку

---

¹ См.: *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (I) // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 83.

² См., например: *Магун А. В.* Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 127.

о наиболее общих основаниях и возможностях политики...»¹. Однако отождествление философии политики и науки весьма дискуссионно. В частности, один из классиков политической философии Лео Штраус настаивал на различии этих двух дисциплин². И его мнение отнюдь не уникально.

Часто под политической философией понимается отрасль или раздел «общей» философии, в рамках которых осуществляется рефлексия над смыслами, ценностями и условиями политической жизни. Например, подобную трактовку предлагает американская «Энциклопедия политической науки»³. В соответствии с этим, предметом политической философии полагается «исследование универсалий мира политического, относящихся к наиболее общим мировоззренческим, ценностным и методологическим основаниям политической теории»⁴.

Однако и это определение нельзя назвать беспроblemным. Дело в том, что понятая таким образом философия политики сводится к платоновскому «попечительскому искусству... о стаде двуногих кротких животных», которым должен владеть «подлинный царь и политик»⁵. Безусловно, это налагает на политика большой груз ответственности и требует, с одной стороны, обладания неким «истинным знанием»⁶ о том, что скрыто от взора «двуногих животных», а с другой стороны, потенциально связано с серьезными этическими издержками,

---

¹ См.: *Панарин А. С.* Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Новая школа, 1996. С. 7.

² См.: *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 13–15.

³ См.: *Kurian G. T. (Ed.).* The Encyclopedia of Political Science. Washington: CQ Press, 2011. P. 1268.

⁴ См.: *Василенко И. А.* Политическая философия: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 5.

⁵ См.: *Платон.* Политик // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. С. 27.

⁶ Там же. С. 47.

поскольку не исключает злоупотреблений властью, приобретаемой политиком благодаря обладанию этим «истинным знанием». В таком контексте утверждение профессора МГУ И. А. Василенко о том, что «в центре политической философии находятся проблемы духовного измерения политики, ее высшего смысла и назначения»¹, выглядит вполне логичным. Во втором случае политика становится «продолжением войны посредством... слов», посредством таких «милитаризованных концептов», как «стратегия», «тактика», «мобилизация», «задача дня», «наступление и оборона», «движение и позиции», «завоевание», «альянсы» и др.²

В любом случае представление о политике как об «объективной и даже неизменной данности всеобщего опыта» ставит перед политической философией цель «сформулировать мысль о политическом в сфере философии», но с позиций и по нормам этики³. Этим обусловлено характерное для античности фактическое сведение политической проблематики к этической, а также насчитывающие несколько тысячелетий поиски политическими мыслителями «хорошего» царя. Очень едко подобную установку высмеял Спиноза, который обвинил философов, размышляющих о политике, в том, что «людей они берут не такими, каковы те суть, а какими они хотели бы их видеть. В результате этого вместо *этики* они по большей части писали *сатиру* и никогда не создавали *политики*, которая могла бы найти приложение...»⁴.

Поэтому требование «покончить» с подобным образом понятой «политической философией»⁵ выглядит не менее логичным и понятным. Лео Штраус, например, следуя этой логике,

---

¹ См.: Василенко И. А. Указ. соч. С. 5.

² См.: Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. С. 83.

³ Там же. С. 103.

⁴ См.: Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 287.

⁵ См.: Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. С. 103.

связывал «подлинное познание политических вещей» с надеждой на то, что «политическая философия полностью уступит дорогу научному исследованию политики»¹.

Итак, едва мы подступились к определению предмета политической философии, как сразу же ее утратили, смирившись с существованием политической философии «до лучших времен» – до тех пор, пока политическая наука не разовьется в достаточной степени, чтобы окончательно вытеснить остатки политической философии из сферы знания о политике. Возможно, именно поэтому один из ведущих политических философов XX в. Ханна Арендт отказывалась позиционировать себя в качестве политического философа, предпочитая характеристику «политический теоретик»².

Согласятся ли с такой постановкой проблемы сами политические философы? Безусловно, нет. Так, по мнению одного из виднейших философов современной Франции Алена Бадью, отношения между философией и политикой загадочны и парадоксальны, и таковыми их делает «противоречие между истинной природой философии, которая, совершенно очевидно, является демократической концепцией аргументированного интеллектуального обсуждения и свободомыслия, и собственно политическими концепциями философии, которые часто соглашаются с наличием авторитарной рамки коллективной судьбы человечества и, во всяком случае, не испытывают никакого увлечения тем политическим режимом, который господствует в западном мире»³. В этой цитате французского философа зафиксированы две важнейших стороны политической философии – во-первых, ее принципиальное свободомыслие, что не позволяет нам свести эту дисциплину к «царскому знанию», и, во-вторых, проблемный характер того знания, который она получает.

---

¹ См.: *Штраус Л.* Указ. соч. С. 13.

² См.: *Арендт Х.* Разговор с Гюнтером Гаусом // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 4–5.

³ См.: *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. С. 34.

Действительно, ключевой критерий отличия политической философии от политической науки и философии политики – это отношение к фактам политической жизни с позиций *долженствования*. Если политическая наука, используя доступные ей методологические средства, говорит о том, «как есть» (как обстоят дела в политике) и «как может быть» (при сохранении *status quo*); если философия политики претендует на открытие сокрытого от глаз простого смертного участника политики, на знание о метафизическом, доступном лишь избранным, то политическая философия, во-первых, говорит о том, «как должно или не должно быть» (т. е., фиксируя и описывая факты политической реальности, политический философ всегда их оценивает с позиций *долженствования*, в отличие от политического ученого, который всегда стремится к объективности и ценностной нейтральности), и, во-вторых, она вся находится в «посюстороннем», в мире актуальной политики, и в этом состоит ее принципиальная антиметафизическая установка.

Если первый момент – отличие от политической науки – понять достаточно просто, то второй момент весьма любопытен и сложен. «Посюсторонний» характер политической философии означает установку на активное участие в политической жизни: политический философ, оценивая *status quo* с позиций *долженствования*, обращается к представителям того сообщества («мы», в терминах Б. Г. Капустина¹), частью которого он себя считает, призывая к тем или иным действиям/бездействию, побуждая, критикуя, (де)легитимируя и т. д. Этот момент в функциональном плане сближает политическую философию с политической идеологией. И действительно, довольно часто в современных источниках, посвященных политической философии, можно встретить отождествление этой дисциплины с идеологией². Наиболее четко

---

¹ См.: Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? (I). С. 83–96.

² См., например: Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.

это тождество артикулировал один из ведущих отечественных политических философов Б. Г. Капустин¹. Тем не менее есть существенное отличие политической философии от идеологии, которое состоит в уровне осмысления проблем: идеология ориентирована на того представителя массы, для которого политологи придумали эвфемизм «средний избиратель», поэтому язык идеологии не может существенно отличаться от языка этого «среднего избирателя»; язык политической философии, как правило, весьма высокого профессионального уровня, он не доступен среднему человеку и нуждается в «переводе». Поэтому политическая философия находится, скорее, в вершине пирамидальной структуры идеологии, которая своим основанием обращена к массам, переводя на доступный для них язык те идеи и ценности, которые декларируют политические философы на вершине этой пирамиды. И это отношение вскрывает еще одно подобие политической философии – на этот раз с политической теорией.

Последнюю можно в самом общем смысле определить как дисциплину, занимающуюся политическим устройством жизни людей: «Она обосновывает или критикует это устройство с помощью философских и исторических аргументов либо предпочитает какой-то альтернативный подход»². Уже в этом определении прослеживается сходство с политической философией в плане определяющего политическое теоретизирование модуса долженствования. И в научной литературе также нередки случаи их отождествления³. Однако и здесь, как представляется, не следует смешивать различные способы познания политики и различные познавательные установ-

---

¹ См.: Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 145–156.

² См.: Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 23.

³ См., например: Dryzek J. S., Honig B., Phillips A. (Eds.). The Oxford Handbook of Political Theory. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006; Gaus G. F., Kukathas C. (Eds.). Handbook of Political Theory. London: SAGE Publications, 2004.

ки. Политический теоретик все-таки стремится (не важно, насколько успешно он это делает) к научной объективности и ценностной нейтральности; для политического философа, напротив, оценка с позиций должного – исходный пункт его размышления (именно этим, кстати, объясняется избирательность политической философии в отношении одних фактов и поразительная слепота в отношении других, противоречащих ее установке на должное). В противном случае вся политическая наука будет сведена к эмпирике, а политическая теория – к идеологии.

Подводя предварительный итог, можно сказать следующее. При определении **предмета политической философии**, видимо, самым правильным будет исходить из объяснения, предложенного Б. Г. Капустиным: «Политическая философия по существу определяется не предметом, как бы существующим независимо от нее, а способом рассмотрения, создающим предмет „под себя“, причем создающим его не только в голове или в головах, но в интерсубъективной... действительности»¹. Из этого следует тематическое многообразие политико-философских проблем: потенциально любой из фактов общественной жизни может быть «политизирован», и в полном соответствии с утверждением Б. Г. Капустина о том, что «рассмотрение предмета в качестве политического делает его политическим предметом»², этот факт может стать предметом политико-философской рефлексии.

Поэтому потенциально круг **тем и проблем**, которыми занимается политическая философия, ограничен лишь фантазией политического философа и актуальной повесткой дня. Тем не менее существует некоторая тематическая совокупность, которая традиционно относится к видению политической философии. Уже с самого возникновения этой дисциплины одной из ключевых проблем, которые она пыталась осмыслить, стала проблема справедливости. Она имеет множество аспектов

---

¹ См.: *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (I). С. 87.

² См.: *Он же.* Что такое «политическая философия»? (II). С. 145.

применения: политические философы говорят о справедливом общественном устройстве, справедливой власти, справедливом распределении ресурсов и т. д. Соответственно, трактовка данного понятия также неоднозначна: можно понимать справедливость как воздаяние должного в зависимости от заслуг; как пропорциональное распределение; как распределение по принципу равенства; как распределение по потребности и т. д. В наиболее простой интерпретации выделяют идущие от Аристотеля два типа справедливости: уравнительную (распределение равным – за равное); распределительную (каждому – свое). В XX в. наибольшую известность получила теория справедливости, предложенная американским политическим философом Джоном Ролзом, который сформулировал два основных принципа справедливости:

«Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем»¹.

С проблемой справедливости тесно связана проблема равенства. Она также имеет множество трактовок: от материального равенства до равенства всех перед законом; от равенства возможностей до равенства ресурсов; от политического равенства до равенства экономического. Наиболее известны две концепции равенства – социалистическая (уравнивание материальных оснований жизнедеятельности людей) и либеральная (равенство всех перед законом и равенство стартовых условий, т. е. возможностей).

Третья проблема, особенно актуализировавшаяся в Новое время, – проблема личной свободы. В современной политической философии наибольшее распространение получила

---

¹ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 66.

концепция двух видов свободы – негативной и позитивной¹. Первая – это «свобода от», некое пространство личной свободы, которое ограничено свободой других и в которое никто не имеет право вторгаться без разрешения. Вторая – это «свобода для», возможность для индивида быть хозяином своей собственной жизни, ставить цели и достигать их. Человеку, далекому от политической философии, может показаться, что различие это надуманное и искусственное. Однако из двух трактовок свободы проистекают весьма конкретные рекомендации, например правительству, или требования определенным образом организовать «правильное» общественное устройство. Следствие из первой трактовки свободы (характерной для классического либерализма) – небезызвестное требование «Laissez faire!» («Не мешайте!»), принцип невмешательства в частную жизнь, в экономические отношения и т. д. Следствие из второй (характерной для социализма и социального либерализма) – требование предоставить возможности для реализации жизненных целей (определенный уровень образования, здравоохранения, благосостояния и т. д.), соответственно, из этого вытекает требование перераспределения ресурсов, что с необходимостью нарушает свободу других.

Соответственно, с проблемой реализации свободы связан целый спектр других проблем, активно обсуждающихся в политической философии: властной компетенции, ограниченный полномочий правительства, пределов частных эгоизмов и т. д. В этом же контексте – соотношения принципов свободы и равенства – обсуждаются проблемы демократии и политического участия, политического насилия и манипуляции, СМИ и пропаганды и т. д. Когда требования свободы и равенства преломляются сквозь призму половых, гендерных, расовых и иных различий, мы получаем дебаты по проблемам дискриминации, соотношения частного и публичного, дискуссии

---

¹ См.: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 19–43.

о противопоставлении этики справедливости и этики заботы и т. д. Не меньшее значение в истории политической философии занимает проблема прав человека, прав меньшинств и прав большинства. В XX в., в связи с актуализацией экологической проблематики, принципов равного распределения прав, эта концепция была расширена, и сегодня активно дебатуются права женщин, детей, животных и т. д.

В 80-е гг. XX в. в процессе дискуссии коммунитаристов и либералов актуализировалось еще несколько проблем, поставленных в античности, но подзабытых на некоторое время, – проблемы гражданской добродетели и братства. В целом можно повториться: ограничения учебного пособия не позволяют рассмотреть все богатство проблематики политической философии; потенциально любая проблема может быть актуализирована и стать предметом политико-философской рефлексии.

Политическая философия имела непростую *историю*. Зародившись в глубокой древности – в Китае, Индии, античной Греции – как способ критического размышления о власти, справедливости, идеальном государственном устройстве и т. д., она нередко вступала в конфликт с интересами власть предержащих, что отнюдь не способствовало спокойной и плавной эволюции политико-философских идей. Поэтому в развитии политической философии бросаются в глаза срывы преемственности, постоянное возвращение к одним и тем же проблемам и даже «хождение по кругу». Это дало повод одному из ведущих специалистов в области политической философии Лео Штраусу заявить, что «политическая философия – дисциплина неисторическая»¹. Тем не менее в истории ее развития можно выделить несколько поворотных вех. Принято считать, что у истоков политической философии стояли древнегреческие мыслители Сократ (470–399 до н. э.), Платон (427–347 до н. э.) и Аристотель (384–322 до н. э.). Они внесли существенный вклад в политико-философское осмысление проблем политики, справедливости, власти, государства,

---

¹ См.: Штраус Л. Указ. соч. С. 102.

форм государственного правления. Именно Сократ сместил философскую проблематику в политическую сферу, когда заявил «физиологам»: «Мне не интересны деревья в поле, не то что люди в городе». Этому философу принадлежит также постановка и обоснование классических политико-философских проблем. Дискутируя с софистами по поводу понятия справедливости, Сократ выдвинул важный тезис о вневременности данного понятия и его универсальности. Фактически, когда позднее император Юстиниан сформирует тезис о том, что справедливость – это постоянное стремление воздавать каждому должное, он лишь воспроизведет сократовскую трактовку в ее платоновской интерпретации. Не менее важными античные философы полагали проблемы политической власти, ее природы и сущности, «правильного» (справедливого) государственного устройства, общего блага, роли государства в жизни общества и т. д. В трудах Платона, Аристотеля и их последователей кроме названных обсуждаются вопросы природы человека, нравственных оснований политики, правильных форм правления, влияния географической среды на политическую деятельность людей, свойств политического темперамента. Но ключевой характеристикой этого этапа философствования о политике, которую подхватит средневековая политическая философия, является стремление свести политическую проблематику к этике. Средневековье добавит к этому религиозный аспект, трактуя политику как отражение Божественной воли. Наиболее четко эта проблематика выражена у Августина Аврелия (354–430) в его концепции «двух градов» – Града Земного и Града Божьего. Эта концепция получит дальнейшее развитие у Фомы Аквинского (1225–1274) в его стремлении развести авторитет государства и авторитет церкви.

Политико-философская проблематика существенно меняется в эпоху Возрождения в сторону большей технологичности, меньшей склонности к морализации и религиозному обоснованию политики. Этот поворот связан с Никколо Макиавелли (1469–1527), который поставил критерий эффективности по-

литической власти выше моральных норм и правил. Апогея эта идея достигнет в концепции «сверхчеловека» Фридриха Ницше (1844–1900). Ницшеанский сверхчеловек управляет толпой, используя самые низменные человеческие страсти и пороки и опираясь на прямое насилие. Рационально-технологической трактовке политики следуют и философы эпохи Просвещения. В это время возникают концепции конституционализма и разделения властей, авторами которых явились французский политический философ Шарль Монтескье (1698–1755), отцы-основатели США (Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, Джон Джей, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джордж Вашингтон) и др. В эту эпоху возникают и получают детальное обоснование целый ряд понятий и концепций, жарко дебатированных в современной политической философии: идеи прогресса, господства человеческого разума над природой и обществом, общественного договора и ограничения государственной власти, индивидуальной свободы и т. д. В Новое время эти идеи будут подхвачены классическими представителями политической философии, такими как Жан-Жак Руссо (1712–1778), Томас Гоббс (1588–1679), Джон Локк (1632–1704) и др.

В целом для эпохи Просвещения характерны безудержная вера в возможности человеческого разума по переустройству общественной жизни, борьба с «предрассудками» и «мифами». Есть серьезные основания считать, что именно просветители подготовили одно из поворотных событий Нового времени – Великую французскую революцию (1789–1799), после которой, собственно, начинается «наше время» – время национальных государств, политических партий и движений, идеологий, массовой политики и т. д. Все развитие политической философии в XIX в. проходит под влиянием этого события, в попытках осмыслить переворот в политике, совершенный в процессе революции. Конец XVIII–XIX в. – это время расцвета современной политической философии, время Иммануила Канта (1724–1804), Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831), Алексиса де Токвиля

(1805–1859), Карла Маркса (1818–1883), Фридриха Энгельса (1820–1895) и многих других политических философов, задавших высочайшие стандарты политической рефлексии по поводу ключевых политико-философских проблем: справедливости, свободы, долга, прав человека, полномочий правительства и т. д.

В XX в. ситуация резко изменилась. Сциентистские установки политической науки и связанное с этим стремление избавиться от «подозрительного» с точки зрения строгой научности ценностного политико-философского багажа привели к отмежеванию политической науки от политической философии и дискредитации последней как ненадежного, необъективного и потому «устаревшего» знания о политике. Так, Л. В. Сморгунов справедливо отмечает, что «вплоть до 70-х годов <XX в.> политическая философия теснилась на периферии политического и философского знания»¹. Однако уже в 70-е гг. исследовательский интерес к политико-философской проблематике возвращается, причиной чему послужили кризис позитивизма, контркультурное движение 60-х гг., кризис либеральной идеологии и т. д. На историческую сцену выходят такие политические философы, как Людвиг фон Мизес (1881–1973), Фридрих Август фон Хайек (1899–1992), Милтон Фридман (1912–2006), Джон Ролз (1921–2002), Рональд Дворкин (1931–2013), Роберт Нозик (1938–2002), Аласдер Макинтайр (р. 1929), Майкл Сэндел (р. 1953), Майкл Уолцер (р. 1935), Чарльз Тейлор (р. 1931), Макс Хоркхаймер (1895–1973), Теодор Визенгрудт Адорно (1903–1969), Герберт Маркузе (1898–1979), Эрих Фромм (1900–1980), Юрген Хабермас (р. 1929), Ханна Арендт (1906–1975) и многие др. Этот период характеризуется буквальным взрывом интереса к политико-философской проблематике и ее крайним разнообразием – от теории справедливости до концепции столкновения цивилизаций, от концепции ультраминимального государства

---

¹ См.: Сморгунов Л. В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОС-СПЭН, 2007. С. 40.

до рефлексии над проблемами либеральной нейтральности, от женской эмансипации до феминизма различий, от этики справедливости до этики заботы, от экологической проблематики до защиты прав меньшинств и позитивной дискриминации. Все эти вопросы и проблемы требуют специального изучения; для того чтобы хотя бы кратко описать спектр проблем современной политической философии, потребуется не один десяток страниц. Для более детального ознакомления с современной политической философией можно лишь порекомендовать обратиться к прилагаемому списку литературы.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит проблема определения предмета политической философии?
2. Каковы отношения политической философии и политической науки?
3. В чем суть противопоставления политической философии и философии политики?
4. Чем обусловлено тематическое многообразие политико-философских проблем?
5. В чем состоит проблема справедливости в политической философии?
6. В чем специфика политико-философской рефлексии политической власти?
7. Охарактеризуйте политико-философскую трактовку проблемы свободы.
8. В чем специфика политико-философского анализа государства?
9. Как политическая философия рассматривает проблему нации?
10. Охарактеризуйте основные этапы истории развития политической философии.

Рекомендуемая литература

1. *Алексеева Т. А.* Политическая философия. От концепций к теориям. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 400 с.

2. *Алексеева Т. А.* Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 244 с.

3. *Анкерсмит Ф. Р.* Политическая репрезентация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.

4. *Арендт Х.* Разговор с Гюнтером Гаусом // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 3–23.

5. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

6. *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.: ИОИ, 2013. 112 с.

7. *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.

8. *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 19–43.

9. *Василенко И. А.* Политическая философия: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 320 с.

10. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую философию: учебное пособие. М.: Логос, 2004. 336 с.

11. *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (I) // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 83–96.

12. *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 145–156.

13. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.

14. *Магун А. В.* Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.

15. *Макаренко В. П.* Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.

16. *Панарин А. С.* Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Новая школа, 1996. 424 с.

17. *Платон.* Политик // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. С. 3–70.

18. *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.

19. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.

20. *Сморгунов Л. В.* Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОССПЭН, 2007. 176 с.

21. *Спиноза Б.* Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 285–382.

22. *Тульчинский Г. Л.* Политическая философия: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 324 с.

23. *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М.: Логос: Праксис, 2000. 364 с.

24. *Bird C.* An Introduction to Political Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 311 p.

25. *Dryzek J. S., Honig B., Phillips A. (Eds.).* The Oxford Handbook of Political Theory. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 898 p.

26. *Gaus G. F., Kukathas C. (Eds.).* Handbook of Political Theory. London: SAGE Publications, 2004. 465 p.

27. *Kurian G. T. (Ed.).* The Encyclopedia of Political Science. Washington: CQ Press, 2011. 1942 p.

28. *Wolff J.* An Introduction to Political Philosophy. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. 247 p.

1.2. Политическая история

Прежде чем обратиться к содержательному рассмотрению субдисциплины, которой посвящен данный параграф, необходимо прояснить ряд «исходных» вопросов. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что политическую историю можно считать принадлежащей как исторической науке, так и политологии. При этом некоторый приоритет следует признать за исторической наукой, поскольку именно историкам приходится работать с источниками, содержащими информацию о событиях прошлого, осуществляя ее первичный анализ на достоверность и применяя весь комплекс методов, накопленных историческим источниковедением. Претензии некоторых философов и политологов, не обладающих необходимой источниковедческой подготовкой, решать соответствующий комплекс задач «альтернативным» путем, под которым обычно понимается использование неких глубоких и обобщающих теорий, будто бы открывающих перед исследователем качественно новые перспективы, недоступные историку в силу его ограниченности «традиционными» методиками, нельзя признать основательными. Подобные претензии чаще всего являются следствием дилетантской самоуверенности, когда при беглом знакомстве с дисциплиной стоящие перед ней проблемы кажутся гораздо проще, чем они видятся профессионалам.

И все же приоритет историков в изучении политических событий и явлений прошлого не носит абсолютного характера. У политологов, бесспорно, здесь имеется свое поле для исследования – анализ фактического материала, подготовленного историками на основе методов и подходов, выработанных политологической наукой. Можно сказать, что в рамках политологии субдисциплина «политическая история» имеет особое наполнение и методическую основу. Собственно «политологическое» прочтение политической истории предполагает акцентирование внимания на изучении формальных и неформальных политических институтов, властных механизмов (которые также всегда должны рассматриваться комплексно,

с учетом как легальных, так и теневых элементов), ведущих общественно-политических сил. Целью политолога, обращающегося к историческим сюжетам, должна быть систематизация процессов и явлений, связанных с властными отношениями в различных социоисторических условиях.

Особо следует оговориться, что материалы различных исторических эпох имеют неодинаковую ценность как объект политологического анализа.

Можно сказать, что целесообразность применения политологических подходов и методов обратно пропорциональна исторической и социокультурной дистанции. Так, при изучении политической истории обществ Древнего мира и Средневековья использование политологического инструментария требует как минимум большой осторожности, а во многих случаях просто не представляется уместным. Это связано прежде всего с недостаточностью источникового материала, который в лучшем случае позволяет реконструировать политические явления прошлого только в самых общих чертах. Но даже при относительном богатстве исторических данных сохраняется комплекс чисто источниковедческих проблем, оставляющих дискуссионными интерпретацию политических событий древних эпох, реконструкцию социальных институтов и связанную с ними аутентичную систему понятий и терминов. Нерешенность соответствующего комплекса вопросов (достаточно характерная для состояния исторических субдисциплин, изучающих ранние эпохи человеческой истории) не оставляет для политолога, даже хорошо знакомого с тем или иным периодом, реального поля для работы.

Однако чем ближе рассматриваемая эпоха к современности, тем большую актуальность приобретает научный инструментарий политологии. Впрочем, не стоит упускать из внимания то, что значение имеет не только хронологическая, но и стадияльно-типологическая дистанция. Даже сравнительно недавние периоды политической истории неевропейских обществ, сохранивших свой преимущественно традиционный облик, – не самый благодарный материал для чисто политоло-

логического исследования. Отсутствие политики как открытой конкурентной сферы, с ясными правилами и понятным внешнему наблюдателю набором институциональных элементов, высокая роль всякого рода традиционных механизмов в сфере отношений власти требуют от исследователя глубоких знаний в области истории и культуры подобного социального организма.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что обращение к проблемам политической истории (и особенно если речь идет о написании сводно-обобщающих монографий) даст наилучшие результаты при использовании комплексных подходов и методик, сочетающих необходимые знания историков с теоретическими средствами политологии.

На вопрос «когда именно зарождается политическая история?» сложно ответить однозначно. С одной стороны, к произведениям жанра политической истории можно отнести уже большинство древнейших исторических сочинений (летописи, хроники и пр.), поскольку их основными сюжетами, как правило, были разнообразные политические события. Кроме того, подобные сочинения часто содержали авторские оценки действий различных лиц, облеченных властью (как правило, верховных правителей), которые можно рассматривать как попытки теоретического объяснения политических событий.

С другой стороны, даже сегодня нельзя уверенно констатировать выделение собственно политической истории как полностью самостоятельной в рамках исторической науки. Часть историков и сегодня рассматривает политическую историю как изложение событий и описание ситуаций, объяснение которым дается в более широком историческом контексте без самостоятельного анализа сферы политического с использованием специальных теоретических приемов. Поэтому рассматривать историю субдисциплины нам представляется целесообразным в контексте развития общеисторических теорий, но при этом уделяя приоритетное внимание (насколько это возможно) их политическим аспектам.

Не вызывает сомнений, что определенная схема, объясняющая в том числе и события политической истории, появляется в обществе вместе с зарождением его идеологии. В стадильно ранних (как догосударственных, так раннегосударственных) социальных организмах политическая идеология была неотделима от религии и выражалась в культовых практиках и мифологии. Собственно, в мифологических сюжетах ценности и представления архаического общества получили наиболее подробное, текстуально развернутое отражение. Несмотря на огромное разнообразие мифов, присущих различным культурам, в интересующем нас аспекте можно выделить ряд универсальных представлений. К числу подобных констант архаического сознания, восходящих (что доказывается, например, австралийскими материалами) к эпохе ранней первобытности, относится примитивный этноцентризм¹. Его носителям собственная социальная среда, неразрывно связанная с территорией обитания, виделась наилучшей во всех отношениях, своеобразным центром мироздания. По мере удаления в пространстве от «своего» мира снижалась космическая упорядоченность и нарастал хаос. Обитатели далекой внешней периферии при этом часто рассматривались как существа не вполне человеческой природы.

Другой универсальной чертой, отличающей восприятие исторических событий и политических процессов в древности, было представление об их цикличности. Вместо естественного для современного человека линейного восприятия истории, происходящее вокруг представлялось носителю архаического сознания бесконечным повторением относительно одинаковых событий. Не случайно многие цивилизации древности начинали новое летоисчисление с начала царствования очередного правителя. Подобное мировосприятие, конечно, не исключало полностью попытки анализа политических процессов, однако

---

¹ Данное явление скорее можно назвать «эгосоциоцентризмом», поскольку существование этносов в раннем первобытном и даже в «типичном» первобытном обществе представляется более чем сомнительным.

предельно сужало его перспективы. Судя по дошедшим до нас памятникам мысли первых цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, их авторы стремились выяснить причины в основном катастрофических процессов, тогда как относительно нормальное течение истории считалось само собой разумеющимся. Впрочем, и объяснение социально-политических потрясений шло в русле «циклической истории». Кризисы рассматривались либо как закономерные этапы цикла (подобное восприятие в наибольшей степени характерно для индусской традиции), либо как нарушение космического порядка, ведущее к своеобразному сбою вселенского ритма. Виновниками, как правило, назывались правители, выполнявшие в архаическом обществе роль главных посредников между людьми и богами, либо иные «сакрально ответственные» лица.

Поскольку связь социальной и космической сфер мыслилась как абсолютная, то неправильное исполнение обрядов жизненного цикла либо нарушение высших предписаний (например, особых табу, накладываемых на правителя) влекло за собой потрясения глобального масштаба. Точно так же разрушение социальной иерархии должно было повлечь за собой «симметричные» деформации всего мироустройства.

Определенным шагом вперед в осмыслении явлений политической истории стали первые этико-провиденциалистские доктрины. В Ближневосточном регионе они нашли воплощение в ранних книгах Библии. По мере того как древнейший яхвизм-иудаизм обретает черты монотеистической религии, утверждается идея Божественной воли как первопричины всех событий земной истории, пришедшая на смену представлению о циклической истории. Люди не могут в полной мере постичь изначальный замысел Творца, но некоторым из них дается откровение свыше. А избранный народ Израиля к тому же получает заповеди, следование которым позволяет надеяться на благосклонность высших сил, хотя полностью и не гарантирует ее. Исторический процесс, таким образом, лишается прежней схематической заданности, а судьба правителей не обуславливается целиком их функцией сакрального

посредничества. Не менее важен нравственный облик власть имущих, а также моральная оценка происходящих в стране событий. В то же время высшая санкция за людские прегрешения не носит строго детерминированного характера, равно как и разнообразные бедствия, обрушивающиеся на людей, могут быть не наказанием, а испытанием свыше. Таким образом, умножается число факторов, способных стать причинами политических событий.

В Древнем Китае источником высшей воли и гарантом универсального нравственного закона выступало абстрактное и деперсонифицированное Небо. Еще в самые ранние периоды формирования китайской цивилизации возникает учение о «небесном мандате», которым обладает любая правящая династия. Утрата благосклонности Неба означала утрату этого мандата и, соответственно, власти. Со временем учение о небесном предопределении (дэ) приобретало все большее нравственное наполнение. Свое законченное выражение эта тенденция получила в конфуцианстве, с II в. до н. э. утвердившемся в качестве официальной идеологии Поднебесной империи. Благосклонность Неба отныне ставилась в прямую зависимость от моральных качеств императора и его окружения и проводимой в государстве политики. Социальные потрясения, смена династий и даже иноземные вторжения объяснялись отступлением от высоких моральных канонов конфуцианства со стороны власти.

Несмотря на фундаментальные различия между библейской и древнекитайской традициями, в интересующем нас аспекте между ними можно увидеть целый ряд сходств. Обе они, как уже было сказано, вводят этико-провиденциалистские основания политической истории, что значительно усложнило систему причинно-следственных связей в понимании политических явлений. Хотя ритуал продолжает играть важную роль (особенно в «официальном» конфуцианстве), ключевое значение постепенно приобретают универсальные моральные законы, следовать которым правители должны в той же мере (или даже в большей), что и подданные. Сколь

бы высокими ни оставались требования к внешнему благочестию правителя, в обеих системах более не было места для этического релятивизма, свойственного большинству древнейших политеистических культов и часто ставившего носителей сакрально-властной функции над моралью. В связи с тем что следование нравственному закону со стороны правителей и отчасти масс превращается в важный фактор исторического процесса, последний лишается прежней детерминированности и размеренной цикличности¹.

Вместе с тем обе традиции не только сохранили систему этноцентрических представлений, но и со временем – каждая по-своему – развили ее. В иудаизме учение о «богоизбранном народе» выносит на первый план этноконфессиональную идентичность, в Китае доктрина «Срединного государства», построенная на неразрывном единстве территориального и этнокультурного факторов, стала важной частью государственной идеологии и основой внешней политики. В рамках подобного мировоззрения весь мир делился на «свою» и «чужую» части, неравенство которых носило всеобъемлющий характер. События, протекавшие во внешней среде, представляли меньший интерес и к тому же в полной мере не подчинялись закономерностям собственного мира. Для китайских придворных историков долгое время все сопредельные народы выступали в слабо дифференцированном виде и как «варвары» не заслуживали особого исследовательского интереса.

Хотя историческая мысль Древней Греции немало заимствовала в ближневосточной традиции историописания, ее собственные достижения имели без преувеличения революционное значение. Собственно, именно на греческой почве

---

¹ Представления о циклическом характере исторических процессов, разумеется, не исчезают в одночасье, в китайской традиции они вообще оказались особенно живучи. Однако теперь картина существенно усложняется, понимание закономерностей политической истории становится более многофакторным, а событийная динамика и в кратко-, и в долгосрочной перспективе теряет прежнюю ритмичность.

в VI в. до н. э. зарождается история как самостоятельный повествовательный жанр, с самого начала развивавший в себе элементы научного метода. Подлинным «отцом истории» принято считать Геродота Галикарнасского, создавшего фундаментальный труд, название которого и дало имя исторической науке. Начиная с сочинения Геродота, характерной чертой античного историописания стало исключительное внимание как к политическим процессам, так и к институтам. Данная особенность обуславливалась полисной культурой активного участия граждан в политике и самоуправлении и, кроме того, – живым интересом к другим народам и культурам. При этом особый интерес при обращении к истории и современности других народов вызывали их политические порядки, которые часто сравнивались с полисными порядками эллинов.

Кроме того, в отличие от большинства восточных обществ, в которых собственные порядки рассматривались как оптимальные (или даже эталонные), а все прочие – как разного рода отклонения, к тому же малоинтересные, античным авторам были знакомо представление о различных формах правления и о возможности их чередования в рамках одного социального организма. Несмотря на то что в античной философии постепенно развиваются элементы линейного подхода к истории, основные концепции создаются в русле циклических представлений. Однако взгляды античных мыслителей можно считать большим шагом вперед, поскольку они знаменовали появление не только описательно-событийной, но и подлинно теоретической политической истории. Циклы истории теперь понимались не просто как чередование периодов процветания и упадка или смены династий, а как последовательная смена различных форм политического строя. При этом движущие силы данного процесса толковались вполне рационально, как объективное следствие изначального несовершенства каждого строя, что со временем неизбежно порождает типовые кризисные ситуации, преодоление которых происходит через установление иной формы

правления. В числе сменяющих друг друга форм обычно назывались аристократия, тирания, демократия, охлократия и олигархия. Учение о политических циклах для древнегреческих авторов не было исключительно умозрительной схемой, а во многом отражало реальные тенденции полисной истории.

Подобные взгляды получили законченное выражение в работах Аристотеля (384–322 до н. э.) и нашли неожиданное преломление в концепции греческого историка эллинистического периода Полибия (210–123 до н. э.). Последний, рассуждая о недостатках всех известных форм правления, сформулировал концепцию, совместившую принципы циклизма и телеологизма. Согласно Полибию, чередование различных видов политических режимов должно прекратиться после утверждения «смешанного правления», гармонично соединившего преимущества трех основных форм: монархии, аристократии и демократии. По мнению историка, смешанного правления впервые удалось достичь в Спарте, а в наиболее оптимальном виде – в Римской республике. Следует отметить что, согласно Полибию, даже эта, наиболее совершенная, форма политического строя не гарантирует государству вечного бескризисного состояния. Речь идет только о том, что политическая система, основанная на смешанной конституции, освобождается от действия закона цикличности.

В эпоху Средневековья в западноевропейской историографической традиции безраздельно утверждается теологический подход. Исторические события рассматриваются исключительно в провиденциалистском ключе, как воплощение Божьего замысла. Неотъемлемой частью данного комплекса представлений была христианская эсхатология – учение о конце света. Важную роль в объяснении политических процессов начинают играть представления о грехе и следующем за ним Божественном воздаянии. Своеобразной матрицей, в соответствии с которой выстраиваются и интерпретируются события политической истории, становятся библейские сюжеты. Однако, несмотря на значительную схематизацию

исторических представлений, надолго остановившую теоретическую эволюцию европейской традиции, теологический подход привел к окончательному отказу от идеи исторического циклизма в пользу линейного принципа и универсальной хронологии, которая отныне строится вокруг Рождества Христова.

Основные элементы средневековых представлений об истории были заложены в трактате Августина Аврелия (354–430) «О граде Божьем». Историю человечества он рассматривал как поле битвы между Богом и дьяволом, в итоге которой праведники обретут «град Небесный». Актуальным воплощением последнего на земле Августин считал церковь, ей противопоставлялся «град Земной», под которым, в частности, понимался институт государства. Его существование мыслилось как наказание человечеству за первородный грех. Поэтому во исполнение высшей воли людям следует повиноваться светской власти, за исключением тех случаев, когда она покушается на церковь. Таким образом, в русле теологического понимания истории политические институты ставятся в зависимое положение от церковной организации. В то же время главной заслугой Августина, несомненно, стал взгляд на историю как на глобальный процесс. Поскольку различные народы объединяются одной верой и, таким образом, подпадают под действие общих закономерностей.

В русле универсалистских представлений предлагаются и варианты всемирно-исторической периодизации, в основу которой кладутся эпохи существований «великих царств». Если Августин разделил историю человечества на семь периодов, то другой раннехристианский автор – Иероним (347–419) – выделил четыре главных этапа, совпадающих с последовательной сменой четырех крупнейших империй: Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской. Поскольку крушение Римской империи должно было предшествовать концу земной истории, принявшие данную периодизацию считали империю не погибшей, а «переволотившейся» в более поздних имперских образованиях.

На протяжении всего классического¹, а также большей части позднего Средневековья политические события далекого и недавнего прошлого в исторических сочинениях продолжали трактоваться с позиций провиденциализма. В зависимости от своей принадлежности к тому или иному политическому лагерю, хронисты стремились увидеть признаки высшего покровительства «своей» стороне, при этом особенно ценились всяческие чудесные предзнаменования. Восхваляемые успехи светских правителей нередко преподносились как свершившиеся вопреки неблагоприятным обстоятельствам, что нельзя было интерпретировать иначе как результат Божественного вмешательства. Поэтому, например, характерный для Средневековья обычай преувеличивать (иногда до совершенно невероятных масштабов) вражеские силы в проигранном ими сражении объясняется не только банальным желанием героизировать свою сторону конфликта, но и стремлением доказать факт высшего заступничества в ее пользу.

Как следствие, большая роль в объяснении политических явлений отводилась моральному фактору. Хотя Божественная воля считалась до конца непонятной простым смертным, все же наиболее популярной причиной того, что Господь помогает одним правителям и наказывает других, считалась мера их греховности либо праведности. При этом сфера греховных деяний правителя, имевших негативные политические последствия, не обязательно была связана с отправлением власти, а вполне могла касаться, к примеру, его семейной жизни.

Начало классического Средневековья было отмечено преобладанием исторических сочинений описательного характера – разнообразных «хроник». Несколько более теоретически содержательными были произведения в жанре «деяний», в силу их поучительного характера. Определенный отход от чистой фактографичности происходит и в сочинениях, создававших-

---

¹ Период с XI по XIV в. называют также «высоким Средневековьем».

ся в жанре «всемирной истории», наподобие «Хроники» Оттона Фрейзингенского, появившейся в середине XII в.

Новым этапом в развитии политической истории стало появление жанра мемуаров. Их авторами традиционно выступали лица, занимавшие высокое общественное положение и неплохо знавшие подоплеку современных им политических процессов. В силу жанровых особенностей мемуарных сочинений, в центре которых находилась личность рассказчика, много внимания уделялось объяснению событий и мотивов их участников. Стремление отдельных авторов, в соответствии с духом эпохи, придать своему повествованию назидательный характер и одновременно продемонстрировать глубокое знание и понимание скрытых от большинства механизмов власти нередко выводило их на уровень теоретических обобщений.

Ярким примером являются написанные в конце XV в. «Мемуары» Филиппа де Коммина, в разные годы своей жизни служившего при дворе бургундского герцога Карла Смелого и французского короля Людовика XI. Данный автор часто рассматривается как идейный предшественник Н. Макиавелли, поскольку в своем сочинении сумел достаточно далеко отойти от морализаторства и нравоучительности классического Средневековья. Оценки политических решений Ф. де Коммина имеют исключительно прагматический характер, а столь ценная им «мудрость правителя» начисто лишена какого-либо этического содержания и понимается как синтез ума и практического опыта. Сам исторический процесс в его представлении сводился к политической истории, творцами которой выступали власть имущие. Поэтому накопление исторических знаний, ради которого пишутся исторические труды, включая его собственный, согласно де Коммину, необходимо прежде всего для использования опыта предшествующих поколений действующей политической властью.

Взгляды, представленные в «Мемуарах» Ф. де Коммина, безусловно, отражают влияние идей Возрождения, центром которого изначально стала Италия. Именно в трудах итальянских мыслителей XIV–XV вв. происходит утверждение идей

гуманизма, продолжавших традиции античности и знаменовавших постепенный отход от теоцентрического взгляда на историю и политику, свойственного классическому Средневековью. В трудах ранних гуманистов зарождаются элементы подлинно научного подхода к историческому процессу: развиваются приемы критики источников, применяется периодизация, отражающая вместо прежней библейской мифологии реальные исторические эпохи (Древность, Средневековье и Новое время, под которым понималось возрождение идеалов античности), в объяснении исторических событий все чаще применяется аналитический метод. При этом отказ от пассивно-провиденциалистской концепции, когда любые события объяснялись Божьей волей, отрицательной стороной имел резко усилившуюся политизацию исторических сочинений, необъективность и конъюнктурность которых нередко вели к прямым подтасовкам и фальсификациям. История, как недавняя, так и античная, все в большей степени становится инструментом актуальной политической борьбы.

Говоря об историографии Возрождения, невозможно обойти вниманием сочинения Никколо Макиавелли (1469–1527). Поскольку более подробный анализ его взглядов приводится в другой главе настоящего учебника, остановимся на аспектах, связанных с проблематикой политической истории. В своих сочинениях Н. Макиавелли полностью отходит от исторического провиденциализма, признавая решающее значение объективных закономерностей. При этом ему была не чужда античная идея циклического чередования политических режимов. Присущий Макиавелли имморализм, столь шокировавший современников и потомков, также следует рассматривать как результат десакрализации власти в глазах автора. Поскольку моральная составляющая власти в понимании средневековых мыслителей напрямую вытекала из ее богоданного характера, то примененный автором «Государя» прагматический подход не позволил обнаружить какие-либо объективные основания имманентности этических начал в политике.

Дальнейшее развитие гуманистической традиции происходило в Англии, Франции и Германии. В трудах европейских гуманистов XVI–XVII вв. развивается критический метод, зарождается идея линейного прогресса, понимаемого прежде всего как развитие общества. Кроме того, обращение к историческим сюжетам все чаще используется для обоснования концепций правильного общественного устройства. В сочинениях итальянского мыслителя Ф. Патрици (1529–1597) «Десять диалогов об истории» и французского историка и публициста Ж. Бодена (1530–1596) «Метод легкого познания истории» была предпринята попытка взглянуть на историю как на подлинную науку, стремящуюся постичь истину. Подобный подход предполагал усиление связи между историческим знанием и актуальной политикой, поскольку знание и, что особенно важно, понимание событий прошлого выступали необходимой частью профессиональной подготовки действующего политика.

Тенденции рационализации исторического знания и установления его прямой связи с политической практикой получили наибольшее выражение в XVII в. При этом фундаментальные открытия точных и естественных наук породили у большинства мыслителей того периода ложную уверенность в том, что основные законы мироздания уже открыты и при этом они имеют универсальный характер. Рационализм, почти что напрямую переносивший на общество законы ньютоновской механики, таким образом, принял довольно наивный характер. Соответствующая система взглядов, позже получившая наименование *механицизма*, при этом не только претендовала на верное понимание истории, но и содержала в себе рецепты по правильному, «научно просчитанному» переустройству общества.

Различные версии теории общественного договора выросли на почве рационалистического подхода к историческим процессам. Свойственная данному подходу схематичность и прямолинейность в полной мере наложила отпечаток на концепции Т. Гоббса, Дж. Локка и даже Ж.-Ж. Руссо, представляв-

ших сложный, противоречивый и в историческом плане достаточно длительный процесс политогенеза как единовременный волевой акт, основанный на разумном расчете. Нельзя не отметить, что стремление приверженцев теории общественного договора распространить представления о рационально-волевых основаниях политической власти на все предшествующие эпохи диктовалось прежде всего актуальными политическими соображениями. Если власть была некогда учреждена по общему согласию, то ничего не мешает «переучредить» всю политическую систему в настоящем. Особо следует отметить, что, ставя во главу угла логику и разум, сторонники договорной теории действовали, таким образом, в полном соответствии с принципами традиционного общества, в котором все актуальные практики (даже возникшие недавно) легитимировались через их декларируемую древность и изначальность.

Принципы рационализма стали конституирующими и для наступившей в XVIII в. эпохи Просвещения. Именно в трудах французских просветителей в законченном виде была сформулирована концепция прогресса. Несмотря на то что первоначальные версии теории общественного прогресса отличались крайней умозрительностью и чрезмерным историческим оптимизмом, важным достижением здесь можно считать эволюционный подход к изучению политических институтов и процессов. Кроме того, в трудах просветителей особое внимание уделялось революциям, которые рассматривались не как периодические потрясения, а как необходимые переходные состояния, вызванные потребностями общественного развития. Решающую роль в историческом развитии большинство мыслителей данного направления уделяли разуму и просвещению, поставленному на службу выдающимися правителями. Одновременно такие авторы, как Кондорсе, Тюрго, Робертсон и Фергюсон, начинают высказывать мысли о важной роли материальных факторов: торговли, промышленности и т. д.

Общая для большинства представителей Просвещения идея прогресса трактовалась по-разному в зависимости от

понимания ведущих факторов исторического процесса. При этом некоторые мыслители склонялись к синкретическим концепциям, соединявшим идею прогресса с циклизмом. Ж.-Ж. Руссо уподоблял развитие отдельных цивилизаций стадиям роста и упадка человеческого организма. Итальянский мыслитель Ж. Вико (1668–1744) идею универсальных «возрастных» стадий развития отдельных обществ дополнил мыслью о своеобразной эстафете прогресса между ними, позволяющей каждому народу начинать свое развитие с более высокого уровня.

События Французской революции 1789 г. серьезно подорвали веру современников во всепобеждающую силу разума и возможности волевого преобразования общества. Вопреки надеждам просветителей, попытки спроектировать и внедрить эффективные политические институты быстро показали утопичность замысла. Поэтому в XIX в. в науке постепенно утверждаются подходы, основанные на принципах историзма. Согласно ему, всякое явление (и в первую очередь – политические институты) рассматривается с точки зрения его происхождения и развития. Постепенно утверждается и мысль о тесном взаимодействии различных общественных подсистем.

Такой взгляд был, в частности, присущ сторонникам романтического направления в исторической мысли. Целью изучения истории романтики видели постижение прошлого, не ставя перед собой каких-либо назидательных задач. Представление об исторической изменчивости отдельных обществ они сочетали с учением о неизменном «духе», свойственном каждому конкретному народу. Своеобразным синтезом собственного понимания прогресса и представления об инвариантных признаках субъектов исторического процесса стало введенное в науку понятие «органического развития». В зависимости от отношения к прошлому в его сравнении с современностью, историографию романтизма принято делить на консервативное и либеральное направления.

Заметное влияние романтических взглядов прослеживается в творчестве такого классика исторической мысли, как

Франц Леопольд Ранке (1795–1886), впервые провозгласившего принципы историзма, предполагавшие строгое следование фактам, которые нельзя подчинять воззрениям исследователя. В анализе исторических процессов этот ученый стремился достичь уровня естественно-научной или даже математической объективности. Универсальным для всех эпох законом функционирования политических институтов Л. Ранке считал стремление государства к усилению собственного могущества, и прежде всего – во внешнеполитической сфере.

Особое место в исторической мысли XIX в. занимают взгляды Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, изложенные в основном в его «Философии истории». Применив к историческому процессу диалектический метод, Гегель наглядно продемонстрировал, как свойственные любому обществу внутренние противоречия выступают не препятствием, а главной движущей силой исторического развития. Философу был присущ глобальный взгляд на историю, суть которой он видел в воплощении и саморазвитии абсолютного (мирового) духа. С древности до современности мировой дух воплощался в разных обществах, проходя таким образом основные «возрастные» стадии собственного развития. Критерием его развития Гегель видел осознание степени свободы, которое было наименьшим в цивилизациях Ближнего Востока (свободен только правитель), возрастает в цивилизациях античности (свободны немногие – граждане), а своего наивысшего развития мировой дух достигает в современной ему Пруссии. Поскольку ключевая категория исторического процесса, в соответствии с философией Гегеля, имела идеальную природу, то и ее максимальное развитие, как мы видим, никак не связано с формально-политическими институтами.

Кризис просветительских идей в конце XVIII – начале XIX в. тем не менее не означал полное прекращение традиции. Свое новое воплощение она обрела в концепциях, тесно связанных с актуальной политикой, и в частности в трудах так называемых утопических социалистов. Виднейшим представителем данного направления стал Анри Сен-Симон. Развивая

идею прогресса, мыслитель в качестве его ведущих факторов впервые провозгласил материальное производство и связанный с ним уровень личной свободы (степень эксплуатации). Социально-политическая эволюция в понимании Сен-Симона была напрямую связана с последовательной сменой ведущих общественных сил (классов). Предложенная Сен-Симоном периодизация исторического процесса основывалась на комплексном принципе, объединявшем как состояние интеллектуального развития общества, так и господствующие формы собственности и трудовых отношений вместе с типами политической власти. В конечном счете мыслитель остановился на четырехступенчатой периодизации истории, включавшей первобытность (догосударственную стадию), греко-римскую стадию (основой которой было рабовладение), средневековую (феодально-крепостническую) и современную стадию промышленного общества. Современная мыслителю история Европы знаменовалась, соответственно, превращением военного общества в промышленное. Значительный разрыв между реальной ролью различных социальных групп и их политическим влиянием приводит к революции, ускоряющей переход с одной стадии на другую. В его родной Франции, согласно Сен-Симону, революция еще не закончена. Ее финалом должен стать переход власти от правивших паразитических элит к «индустриалам», под которыми мыслитель понимал все трудящиеся слои.

Учеником А. Сен-Симона был основоположник позитивизма Огюст Конт, который во многих вопросах отошел от идей своего учителя. Предложенный Контом позитивистский подход предполагал четкое разделение фактов и объясняющей их теории, которая основывалась на созданной им новой науке – социологии. Развивая просвещенческую традицию, в которой главным критерием прогресса являлось развитие разума, Конт разделял всю историю на три большие стадии: религиозную, метафизическую и научную.

Под влиянием позитивизма, с его социологическим углом зрения, в европейской историографии XIX в. получила рас-

пространение идея борьбы классов как движущей силы исторического развития. Такой подход был, в частности, присущ историкам либеральной исторической школы. При этом их понимание классов было достаточно широким, во многом оно носило ситуативный характер.

В XIX в. происходит постепенное утверждение подлинно научных принципов в российской историографии. При этом в центре внимания историков всех направлений находились прежде всего политические институты. Автор первого фундаментального труда по отечественной истории Н. М. Карамзин (1766–1826), придерживавшийся консервативных взглядов, отстаивал идею сильной самодержавной власти как главного созидательного начала в России от древности до современности. Вопрос о правильных социально-политических институтах также был одной из ключевых тем споров западников и российских традиционалистов – славянофилов. Обе стороны сходились как в мысли о неизбежности самодержавного правления в России, так и в необходимости его ограничения. Однако если западники выступали за постепенный перенос на российскую почву некоторых западных институтов, то славянофилы настаивали на возрождении традиционных механизмов обратной связи, основанных на принципах соборности.

Событием исключительного масштаба в развитии как исторической мысли в целом, так и собственно истории политической стало появление в середине XIX в. марксизма. В своих работах К. Маркс синтезировал идеи предшественников (Гегеля, Сен-Симона, а также английских политэкономов) и, дополнив их собственными, создал весьма стройную теорию общественных формаций. В глазах многих современников она стала (а для многих и остается по сей день) подлинно «коперниковским» переворотом в исторической науке¹.

---

¹ См., например: *Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

Исторический процесс, согласно Марксу, представляет собой смену исторических стадий развития (общественных формаций), в основе которых лежит состояние производительных сил и соответствующих им производственных отношений, в своем диалектическом единстве образующих способ производства. Понятие «производительные силы» объединяет средства и условия производства, а также непосредственных производителей благ, под «производственными отношениями» подразумеваются отношения, возникающие между людьми в процессе общественного производства, куда помимо собственно производства (создание) включено и распределение благ. Согласно диалектическому взгляду К. Маркса, развитие производительных сил на определенном этапе всегда отрицает прежнюю форму производственных отношений, что и приводит к смене формаций.

На самых ранних этапах истории человечества состояние производительных сил находилось на столь низком уровне, что было способно обеспечить только удовлетворение минимальных потребностей, поэтому производство и потребление имели общественный характер, исключавший имущественное неравенство и эксплуатацию человека человеком. Такой тип производственных отношений соответствовал первобытной формации, которая носила неантагонистический характер. Однако развитие производительных сил, в определенный момент позволивших получать устойчивый излишек, быстро превратившийся в прибавочный продукт (т. е. создаваемый для содержания лиц, не участвующих в производстве), привело к разрушению первобытно-общинной формации и смене ее классово-антагонистической. Все последующие формации, существовавшие в человеческой истории, основывались на эксплуатации непосредственных производителей, инструментом которой К. Маркс считал собственность господствующих классов на средства производства. Вопрос о числе и порядке формаций был прояснен Марксом не в полной мере, в различных его трудах их «номенклатура» варьируется.

В частности, в своих ранних сочинениях в качестве первой послепервобытной формации он указывал азиатскую, основанную на специфическом азиатском способе производства, для которого характерно преобладание государственной собственности на средства производства, и эксплуатации. Вопрос о господствующих при данной формации классах, да и самой природе формации, остался не вполне проясненным¹, а в поздних работах К. Маркса данная формация перестала фигурировать. В итоге структура и наименование формаций оказались близки к периодизации А. Сен-Симона, в окончательный список антагонистических формаций по Марксу вошли три: рабовладельческая, феодальная и капиталистическая.

Каждая из них представляла собой стадию развития классового общества, ключевым признаком которого является непримиримое противоречие между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами, проявляющееся в классовой борьбе. Первые антагонистические формации основаны на внеэкономическом принуждении производителя, тогда как последняя классовая формация – капиталистическая – использует принуждение экономическое. Итоговой формацией, по сути завершающей привычный для нас исторический процесс, будет формация коммунистическая, к которой человеческое общество должно перейти одновременно. Если развитие производительных сил на раннем этапе привело к отрицанию первобытного коммунизма, то на новом витке оно же обеспечит наступление коммунизма, основанного на всеобщем достатке материальных благ. Правда, единственным возможным вариантом перехода к новой бесклассовой формации К. Маркс видел революцию, в которой решающую роль сыграет рабочий класс (пролетариат).

В марксистской теории общественных формаций довольно четко прочитывается концепция политической истории. Вся совокупность политических институтов, включая госу-

---

¹ *Виткин М. Л.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

дарство, отнесена Марксом к надстроечным явлениям, тогда как базис общественных отношений составляет экономика. И если в первобытном обществе политическая сфера отсутствует как таковая, поскольку нет какого-либо принуждения, то в любом классовом обществе власть всегда находится в руках господствующего класса. Само государство, согласно Марксу (в духе представлений, впервые высказанных Руссо), представляет собой инструмент классового господства, лишь по необходимости выполняющий некоторые общественно полезные функции. Именно в политической истории отдельных обществ ярче всего отражаются перипетии классовой борьбы, а также процессы упадка одних господствующих классов и возвышения других. Характер политических институтов целиком определяется природой господствующего класса либо межклассовым отношением сил.

Смена формаций всегда происходит в результате революций, которые представляют собой высшее проявление классовой борьбы. При этом уже современникам бросалось в глаза, что тезис об исключительно революционном характере межформационных переходов основан только на европейской истории Нового времени, тогда как переход от рабовладельческой формации к феодальной и уж тем более от первобытной к любой из классово-антагонистических так и остался не подкреплён примерами.

Несмотря на присущие ей внутренние противоречия, а также все более усиливавшееся расхождение с историческим материалом по мере его накопления, марксистская теория общественных формаций оказала огромное влияние на историческую и политическую науку не только XIX, но и XX в., и во многом сохраняет свои позиции до сих пор. Отдельные положения марксизма берутся на вооружение даже теми авторами, которые предпочитают не именовать себя марксистами и достаточно негативно относятся к революционно-футуристическим аспектам учения. Современные исследователи, далекие как от безудержной апологетики, так и от тотального отрицания идей К. Маркса, наиболее удачной частью его исторической

концепции обычно считают анализ современного ему капиталистического общества, при этом ставя в вину необоснованную экстраполяцию черт, присущих капитализму (таких как монополизация средств производства господствующим классом, его контроль над политической системой, ситуация классовой борьбы и т. п.), на более ранние исторические эпохи.

Идейным течением, во многом близким к марксизму, был эволюционизм, зародившийся в конце XIX в. под влиянием открытий Ч. Дарвина. Отталкиваясь от базовых представлений об универсальных закономерностях биологической эволюции, некоторые исследователи попытались спроецировать концепцию о неуклонном развитии от простых форм к сложным на общественные процессы. Классические эволюционисты (Э. Тэйлор, Л. Г. Морган, Э. Бахофен) абсолютизировали универсальные закономерности (и, как следствие, – стадии) общественного развития, которые они пытались обнаружить в самых различных человеческих обществах. Очевидная неудача подобных попыток привела к упадку эволюционизма уже в начале XX в. После Второй мировой войны эволюционизм переживает второе рождение в форме неэволюционизма. Приверженцы последнего отказались от чересчур прямолинейных и однобоких построений эволюционистов, допуская отныне вариативность путей и форм социально-исторического развития, его неравномерность в различных подсистемах, а также стагнацию и обратимость.

Основоположник неэволюционизма Л. Уайт (1902–1972) выдвинул энергетическую теорию культуры, согласно которой развитие общества характеризуется неуклонным ростом объемов создаваемой энергии в расчете на душу населения. С концепцией многолинейной эволюции выступил Дж. Стюард (1900–1975), делавший акцент на экологических аспектах неравномерности развития отдельных обществ. Важную роль в изучении проблематики, рассматриваемой в данной главе, сыграли и работы в области такой субдисциплины, как политическая антропология, предметным полем которой традиционно является изучение генезиса и эволюции отношений

власти в архаических обществах. Здесь следует упомянуть таких авторов, как М. Салинз (р. 1930), Э. Сервис (1915–1996), создавших концепцию общей и специфической эволюции, а также Р. Карнейро, Р. Коэн, Р. Кэррол, М. Фрид.

Идеи неозволюционистов оказали заметное влияние на развитие теории модернизации, рассматривавшей исторические (историко-культурные) предпосылки перехода от традиционного общества с его авторитарно-корпоративными политическими институтами к современному, политическая подсистема которого была бы основана на принципах либеральной демократии. Достижения политической антропологии позволили прежде всего выработать четкую систему дифференцирующих признаков, отделяющих традиционное общество от современного, а в рамках самого первого выявить стадии и подтипы. Наиболее заметные успехи в этом направлении были достигнуты в работах Ф. Саттон и М. Леви. Теория модернизации и связанные с ней исследования стали тем полем, где происходит, пожалуй, наиболее плодотворное взаимодействие методов исторической и политической науки.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы границы применимости методов политологии в отношении исторического материала?
2. Опишите наиболее характерные представления о политической истории, присущие архаическим обществам.
3. В чем отличие античной циклической концепции истории от древневосточной?
4. Как изменилось понимание политической истории с наступлением эпохи Возрождения?
5. Каково значение идей Л. Ранке для исследования политических институтов прошлого?
6. Каковы движущие силы политических процессов в различные исторические эпохи, согласно К. Марксу?

Рекомендуемая литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. *Виткин М. Л.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.
3. *Гринин Л. Е.* От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории. М.: ЛКИ, 2012.
4. *Илюшечкин В. П.* Теория стадийного развития общества: История и проблемы. М.: Вост. лит., 1996.
5. *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010.
6. *Коммин Ф. де.* Мемуары М.: Наука, 1986.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1–50. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981.
8. *Полибий*. Всеобщая история М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
9. *Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

1.3. Мировая политика и международные отношения

В данном параграфе мировая политика и международные отношения будут рассматриваться как отдельная область политологии или как ее субдисциплина, но не как междисциплинарная область исследования. Точно так же как эта проблематика исследовалась в фундаментальном труде «Политическая наука: новые направления» под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна¹. Один из авторов книги К. Гоулдманн в своем разделе «Международные отношения: общие проблемы» выделил теоретические проблемы большой важности, включая те, по которым есть существенные разногласия, по-

---

¹ Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999.

казал общее состояние исследований международных отношений как самостоятельной научной дисциплины.

В самом начале своего пути в качестве научной и учебной дисциплины, возникшей в первой четверти XX в., международные отношения (англ. international relations) рассматривались как междисциплинарная область исследований на стыке прежде всего истории, экономики и права. Английский исследователь Джон Грум к числу главных, тесно связанных между собой проблем относил причины войн и условия мира. При этом основной структурной аналитической единицей выступало государство. Аналитики пытались выявить сущностные процессы, приведшие европейскую историю к катастрофическим последствиям в ходе Первой мировой войны.

Формально начало теоретических исследований международных отношений и соответствующих учебных курсов было связано с созданием первой кафедры (отделения) по истории и теории международных отношений в Абериствите (Уэльс, Великобритания) в 1919 г. Однако фактически теория международных отношений как полноценная и самостоятельная дисциплина сформировалась из множества дисциплин (история, международное право, экономика, социология, философия и др.) уже после окончания Второй мировой войны.

В 1948 г. эксперты Международной ассоциации политических наук, действующей под эгидой ЮНЕСКО, приняли решение использовать термин «политическая наука» в единственном числе. В предмет политической науки вошли следующие аспекты:

1. Политическая теория (ее задачей определялось формулирование гипотез о явлениях, фактах, действиях в мире политического и их систем объяснения; сюда же входит история политических идей).

2. Политические институты (анализ центральных и местных правительственных учреждений и их многообразных функций).

3. Партии, группы и общественное мнение (исследование групп давления, выборов, информации и пропаганды).

4. Международные отношения (изучение внешней политики государств, теории и практики международных отношений, международных организаций и механизмов, которым они подчиняются).

Основной поток исследований международных отношений сосредоточен на «государственном центризме». Программным заявлением может послужить положение, опубликованное Р. Плейтигом в 1969 г. Он утверждает, что «содержательное ядро международных отношений – взаимодействие правительств суверенных государств»¹. Таким образом, исследовательская программа научной дисциплины сфокусирована на государственно-центристской модели международных отношений.

Международные отношения – род общественных отношений в сфере межнационального и межгосударственного общения.

Международные отношения характеризуются также совокупностью связей и взаимозависимостей между народами, государствами и системой государств. Так, в международной энциклопедии социальных наук международные отношения рассматриваются как «человеческая деятельность, в процессе которой индивиды из более чем одного государства, индивидуально или в группах, взаимодействуют». Западные политологи считают, что международные отношения – это «взаимодействие между двумя или более государствами», а внешняя политика понимается как внешнее действие одной нации на другие.

Многообразие точек зрения на понятие международных отношений сводится, по существу, к двум способам исследования этих отношений. В первом случае международные отношения рассматриваются как особый род или вид общественных отношений, в другом – сводятся к взаимодействию их участников.

С одной стороны, виды международных отношений непосредственно связаны с основными сферами обществен-

---

¹ Цит. по: Политическая наука: новые направления. С. 390.

ной жизни, с содержанием экономических, политических, военно-стратегических, культурных, идеологических и иных отношений. К важным видам связей, в которые вступают участники международных отношений, относятся: дипломатические (осуществляются в рамках официальных правительственных структур); экономические (выступают в качестве материальной основы всей системы международных отношений); социальные (формируются за счет международных контактов неправительственных структур – политических партий, профсоюзных, научных, экологических и других общественных организаций и движений); военные, культурные и др.

С другой стороны, международные отношения рассматриваются на основе взаимодействующих участников, т. е. как межгосударственные отношения, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями и т. п.

В теории международных отношений большое внимание уделяется проблеме многофакторного взаимодействия участников международных отношений. Выделяются следующие виды влияния участников или субъектов международных отношений на мировой политический процесс: индивидуальное и коллективное; добровольное и принудительное; традиционное и новаторское; «гармоничное» и конфликтное (К. Дойч).

Определенную методологическую сложность представляет разграничение понятий мировой политики и международных отношений. Основным участником системы международных отношений является суверенное государство. Помимо него как традиционного субъекта в число активных участников международных отношений входят международные организации, которые подразделяются на правительственные и неправительственные. Примером наиболее влиятельного участника первого вида в системе международных отношений является Организация Объединенных Наций (ООН). К международным неправительственным организациям относятся политические и общественные организации типа Социнтерна – междуна-

ного объединения социал-демократических партий, Гринписа – международной организации экологов и т. д.

Тенденции, наблюдаемые в системе международных отношений, говорят о расширении числа участников, о росте многообразия их взаимодействий, формировании нового механизма поддержки стабильного развития отношений на мировой арене. Расширяющееся число субъектов международных отношений вызвало к жизни понятие «мировая политика».

Если символическими персонажами межгосударственных отношений являются образы «дипломата» и «солдата», то в области теории мировой политики таковыми становятся «турист» и «террорист».

В практике современных международных отношений обнаружилось определенные закономерности, имеющие разные векторы. С одной стороны, можно наблюдать максимальную реализацию государственности и суверенитета участников международных отношений, когда национальные общности заявляют о себе как о равноправных субъектах на мировой арене. С другой стороны, действует тенденция усиления интеграции все большего числа участников международных отношений, упрочения институциональных форм широкого гуманитарного, экономического и политического сотрудничества.

Так, политический реализм в силу требований парадигмальной логики не придает должного значения взаимосвязям между внутригосударственными и международными факторами.

Основной посылкой «реалистов» является тезис, согласно которому «международная политика как политика вообще есть борьба за власть». Г. Моргантау считал, что независимо от конечных целей ближайшей целью международной политики является власть. Когда политики приступают к реализации своей цели средствами международной политики, они делают это путем борьбы за власть.

В теоретическом построении политические реалисты исходили из следующих постулатов: основной субъект системы международных отношений – национальное государство, выражающее свои интересы в категориях силы; борьба госу-

дарств за расширение своего влияния во внешней среде; реализация политики баланса сил.

Центральным элементом политического реализма является концепция «национальных интересов». Создана даже обстоятельная классификация национальных интересов, выделены постоянные, основополагающие интересы. К ним относятся «интересы национальной безопасности» (защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности); «национальные экономические интересы» (развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов частного капитала за границей); «интересы поддержания мирового порядка» (взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса).

Другой основополагающей категорией политического реализма является «государственное (национальное) могущество». Оно включает в себя ряд разнородных элементов: географию, национальные ресурсы (продовольствие и сырье), состояние промышленности, численность населения, военный потенциал, национальный характер, моральный дух общества, качество дипломатии и правительства. Последние два относятся к изменчивым факторам могущества.

Поэтому внутренняя политическая жизнь страны (политический режим, общественное мнение и т. п.), которая может меняться и меняется в зависимости от различных обстоятельств, не рассматривается представителями данного направления как способная повлиять на природу национального интереса.

Вопросы, на которые пыталась дать ответы школа политического реализма, можно сформулировать так: «Как привести государственные цели в соответствие с имеющимися ресурсами? Какие цели считать главными? Как добиться их реализации?»

В такой интерпретации для (нео)реализма оказалось сложным объяснить и предсказать взаимосвязанные процессы радикальных изменений на внутринациональном и международном уровнях в условиях становления нового мирового политического порядка.

(Нео)либерализм и более поздние теоретические рефлексии (постмодернизм), напротив, выделяют те аспекты политической реальности, которые свидетельствуют об универсальности процессов взаимовлияния и взаимодействий внутренней и внешней политических сфер, т. е. принимают более радикальные интерпретации делегализации политических процессов, тотального взаимопроникновения внутренней и внешней политики.

Возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение.

Существенное влияние на подобный подход оказали выдвинутые Дж. Розенау еще в 1969 г. идеи о взаимосвязи внутренней жизни общества и международных отношений, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутренние», на первый взгляд, события, и т.п.

Как считают отечественные исследователи, в конце 1970–1980-х гг. сформировалось новое научное направление – мировая политика. Поначалу оно ориентировалось на международные отношения, придавая основное значение межгосударственному взаимодействию. В этом смысле показателен учебник «Мировая политика» (World Politics: An Introduction) одного из основоположников новой дисциплины, директора Института транснациональных исследований Университета Южной Каролины (США) Джеймса Розенау, написанный в 1976 г. в соавторстве с двумя другими исследователями – Кеннетом Томпсоном и Гэвином Бойдом. Учебник состоит из четырех частей. Первые три посвящены анализу внешней политики государств и межгосударственному взаимодействию и лишь последняя, четвертая – обсуждению общих тенденций развития мира¹.

В многочисленных работах, анализирующих современное состояние международных отношений, все активнее заявляет

---

¹ Мировая политика и международные отношения / под ред. Ю. Косова. СПб., 2012. С. 18–19.

о себе тема радикальных трансформаций в системе суверенных наций – государств, которая со времени Вестфальского мира (1648) играла определяющую роль в функционировании международного режима.

Основополагающими принципами этой системы или модели являются абсолютный суверенитет нации-государства, т. е. право выступать высшим арбитром в национальных границах, территориальная целостность и независимость государства. Существование конфликтов, к примеру, свидетельствует о незавершенности формирования новых национально-государственных образований и борьбе за установление полного контроля над своими территориями. Но контроль над своей территорией (верховенство) не полностью характеризует понятие суверенитета. Это внутренний аспект, внутренний суверенитет. Внешний аспект связан с признанием независимости, самостоятельности в осуществлении внешней политики или суверенного права ведения войны. «Верховенство», «полновластие» и «независимость» являются важнейшими атрибутами суверенитета, которые в силу своей дуальной динамической связи в состоянии раскрыть существо суверенитета и его развитие.

События в Югославии в конце 90-х гг. XX столетия внесли очень серьезные коррективы в так называемую третью волну дискуссий о теории международных отношений, начавшуюся после окончания холодной войны. В этой дискуссии брошен вызов позитивистскому консенсусу начала 1970-х гг. Продолжение теоретических споров проявляется сегодня в столкновении двух тезисов. Один из них заключается в следующем: государственно-центристская модель, ставшая основой не только политической науки, но и теории международных отношений, умирает. Аргументом является то, что государство становится далеко не единственным участником внутриполитического и международного пространства. Контртезис, отраженный в классической теории международных отношений (политический реализм), таков: точкой отсчета политической науки было и остается государство, фундаментальным атрибутом которого является суверенитет.

Критики государственно-центристской модели международной жизни считают, что без переосмысления принципиальных теоретических и философских позиций традиционных теорий нельзя дать адекватное объяснение современного порядка. К ним относятся дихотомические пары внутреннее – внешнее, тождество – различие, пространство – время, которые содержатся в принципе суверенитета, а также закрепление суверенитета территориальными границами (Р. Уокер).

Трансформация привычной картины мира стала предметом осмысления политологов.

Дж. Розенау (США) в своей работе «Турбулентность в мировой политике» подчеркивает, что в рамках возникающей сегодня новой «постмеждународной политики» контакты между различными структурами осуществляются принципиально по-новому. Рождается «второй, полицентрический мир международных отношений», который характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью.

А. Самюэль (Бельгия) в книге «Новый мировой пейзаж» пишет, во-первых, о переходе от биполярного мира к комплексному, а во-вторых, о непредсказуемости переходного мира. Проблемы международной безопасности больше не могут решаться и даже не встают в терминах равновесия военных сил.

Б. Бади и М.-К. Смуц (Франция) считают, что современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия.

Феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции наблюдаются сегодня практически во всех странах. Концепции нового международного политического порядка и отражают эти вполне реальные тенденции в мировом политическом процессе.

Понятие «порядок», на наш взгляд, адекватно представлено определением Хедли Булла, который рассматривал порядок, исходящий из «смысла общих интересов в элементарных целях социальной жизни», предначертанных правил, «кото-

рые поддерживают эти цели», и «институтов, которые помогают сделать эти правила эффективными»¹.

«Под международным порядком, – подчеркивал Х. Булл, – я понимаю образец деятельности, которая направлена на поддержание элементарных, или первичных, целей международного общества»². Что касается понятия мирового порядка, то он тоже рассматривается как образцы деятельности, направленной на поддержание элементарных, или первичных, целей социальной жизни уже всего человечества, а не только его межгосударственной составляющей.

Указанное понятие трактуется как порядок среди всего человечества в целом, который шире, фундаментальнее порядка международного. Надо признать, что данное понятие используется часто в неопределенном, пропагандистском смысле, и это затрудняет поиски его содержательной строгости.

Помимо понятия порядка (международного и мирового), Х. Булл ввел в академический оборот и понятие «мировое общество» (точнее, «мировое международное общество»), которое непосредственно коррелирует с международным сообществом, и более того, составляет его неотъемлемую часть. При этом субъекты мирового общества, составляя меньшинство, представляют передовую часть международного сообщества, поскольку обладают не только военно-техническим и экономическим, но и моральным превосходством. Именно они руководствуются в отношениях между собой общепринятым кодексом поведения, включающим в себя признаваемые и разделяемые ими нравственные ценности. В силу этого обстоятельства мировой порядок имеет отчетливо выраженное западное происхождение, формы и стандарты поведения, задаваемые ему мировым обществом.

Можно согласиться с точкой зрения, распространенной среди теоретиков, согласно которой расширение, экспан-

---

¹ *Bull H.* Anarchical society: A Study of Order in World Politics. L.: Macmillan, 1997. P. 65.

² *Ibid.* P. 8.

сия мирового общества на планете стали главной тенденцией международной жизни в 90-е г. XX в., продолжающейся и сегодня. Эвристичность концепции Булла заключается и в том, что он зафиксировал тенденцию к глобализации мирового порядка.

Экспансия мирового порядка (мирового общества) происходит за счет других составляющих международного сообщества. В фундаменте подобной экспансии лежат глобализационные процессы как материального, так и иного характера.

В ряде высказываний теоретиков глобализации отмечается, что в процессе глобализации территориальность перестает быть организующим принципом социальной и культурной жизни; глобализирующиеся социальные практики соотносятся с миром как целым, а не с его локальным или национальным сектором, начинают свободно пересекать пространственные границы. В этом глобальном пространстве происходят сдвиги «в сторону трансконтинентальных или межрегиональных рамок действия, взаимодействия и осуществления власти» (Д. Хелд). В глобальном обществе интенсификация мировых отношений связывает отдельные территории таким образом, что на местное развитие влияют события, происходящие на расстоянии многих миль, и наоборот (Э. Гидденс).

Известные теоретики глобализации Р. Робертсон, А. Аппадурай, М. Уотерс определяют процесс формирования глобального общества как «сжатие мира», «преодоление границ», «расщепление территориальности», проявление экстерриториальных сфер социальной жизни.

Так, американский исследователь глобализации Аржун Аппадурай констатирует, что в позитивном плане глобализация означает прежде всего становление транснациональных сфер публичной жизни людей, ранее связанных территориально определенными публичными сферами соответствующих наций. В статье «Разъединение и различие в глобальной культурэкономике» (1990) и книге «Современность в полный рост: культурные измерения глобализации» (1996) Аппадурай сфокусировал внимание на примате культурного – символическо-

го и феноменологического. При этом локальное как выражение этнокультурной идентичности, религиозный фундаментализм, общинная солидарность не предшествуют исторически глобальному, а производятся/конструируются из тех же культурных потоков образов, которые конституируют глобальное. Это пять культурно-символических пространств-потоков: этнопространство; технопространство; финанспространство; медиапространство и идеопространство. Современное локальное столь же детерриториализовано, как и глобальное.

В теоретической модели Аппадурай первоначальная дихотомия «локальное/глобальное» замещается, по сути, дихотомией «территориальное/детерриториализованное», а глобальность и локальность выступают как две составляющие глобализации, аналогичные структурной гомогенности и социальной гетерогенности в модели Робертсона¹.

Логика замещения дихотомии «локальное/глобальное» дихотомией «территориальное/детерриториализованное» обнаруживается также в работе Малькольма Уотерса «Глобализация» (1995). Автор трактует глобализацию как совокупность тенденций, ведущих к детерриториализации социального, обусловленной экспансией символических обменов. По М. Уотерсу, глобализация – это «социальный процесс, в котором ограничения, налагаемые географией (территорией. – В. К.) на социальное и культурное устройство, ослабевают и в котором люди это ослабление все в большей мере осознают². Для Уотерса глобализация общества – процесс, определяемый преобладанием культуры над экономикой и политикой. Экономика и политика глобализируются в той мере, в какой они пронизаны символическими обменами.

Политика в большей мере глобализируется в тех ее измерениях, где проблематизируются ценности, а не материальные интересы³.

---

¹ См.: *Иванов Д. В.* Императив виртуализации. СПб., 2002.

² *Waters M.* Globalization. L.; N.Y., 1995. P. 3.

³ *Ibid.* P. 118–119.

«Глобальное» у Аппадурои и Уотерса, означающее что-то непространственное, нематериальное, символическое, гетерогенное и т. д., позволило создать модели, учитывающие новые тенденции в мире, связанные с ростом сепаратизма, культурного и религиозного фундаментализма и др. Новые тенденции описываются и объясняются при помощи дихотомического различия «территориальное/детерриториализованное», которое предстает как модификация дихотомии «локальное/глобальное».

Действительно, наблюдается рост самых разнообразных акторов (субъектов), представленных на международной арене: формальных и неформальных союзов и коалиций, правительственных и неправительственных международных организаций, различных экономических, торговых, военных союзов, сложившихся на двусторонней или многосторонней основе, и т. п. Появляются постсуверенные или потерявшие свою суверенность государства. Незыблемость государственного и национального суверенитета ставится под сомнение. Спектр отношений к демократическим институтам – от военного вторжения до циничного к ним пренебрежения.

Стала подвергаться коррозии основа взаимоотношений между государствами – суверенное равенство государств.

Однако вооруженные конфликты последнего времени высветили одно из главнейших противоречий в современном мире. Это несовместимость принципов Устава ООН, основанных на государственном суверенитете, и принципа защиты прав этнического и религиозного меньшинства, закрепленного во Всеобщей декларации прав человека, Заключительном акте Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе и других документах. Данная коллизия разрешается в пользу защиты прав человека в странах, нарушивших их, без соблюдения суверенитета этих стран над собственной территорией.

Сегодня особенно внимательно относятся к интересам и правам народов как этнокультурных общностей. В современных концепциях единой Европы как федерации сообществ очень важную роль играет концепция этноплюрализма. Для

сторонников этой концепции централизованные государства с их стремлением ассимилировать этнические меньшинства, разрушая тем самым их идентичность, являются основным препятствием этноплюралистической Европы. Поэтому нарушение прав религиозного или этнического меньшинства неизбежно влечет острую реакцию со стороны международных организаций, объединений государств и отдельных правительств. Появилось понятие «гуманитарная интервенция» (впоследствии замененное на понятие «обязанность защищать»), которое выражает сегодняшнюю потребность в активном принуждении к миру тех, кто при решении этнополитических конфликтов практикует насилие.

Происходит то, что Ю. Хабермас назвал «нормативным обузданием суверенной государственной власти». Наблюдается своего рода морализация мировой политики. Нормативные аргументы становятся базовыми при формировании нового мирового порядка. Одной из главных проблем в сфере международных отношений XXI в. будет являться проблема «международное право» vs «права человека».

Тем самым нормативная модель с ее объяснительным потенциалом начинает конкурировать со структурной моделью на предмет их относительных возможностей в теории международных отношений и мировой политики. Сегодня уже многие исследователи признают, что использование лишь единого методологического подхода и сведение международных отношений к одному основанию не дает искомого результата. Анализ международных отношений, таким образом, предполагает комплексность и всесторонность. Такая комплексность обеспечивается многообразием методологических подходов с учетом различных оснований мировой политики. Эволюция международных отношений показала со всей очевидностью соответствие выбора методологического инструментария определенной общественной среде, структурному контексту эпохи. Тот или иной тип общества порождает не только соответствующий характер взаимодействий акторов на мировой арене, но и методологию его анализа.

В исследовании конфликтов в международных отношениях большую роль играл и продолжает играть поведенческий методологический подход, поскольку значимой составляющей конфликта является конфликтное поведение.

Отметим, что поведенческая динамика играет важную роль в международном конфликте, во многом дополняет структурный и функциональный анализ и обогащает резолюционистский подход (анализ, основанный на теории разрешения конфликтов). Бихевиоралистский подход придает большое значение количественной обработке эмпирического материала и математическому моделированию поведения. Так, для систематического анализа событий и ядерного сдерживания исследователи обращаются к теории игр, глубоко укорененной в бихевиоралистском подходе. Модель искусственного международного конфликта Т. Саати задействует игру с положительной суммой «Дилемма заключенного» (условно отражающую международную экономику) и игру с отрицательной суммой «Петухи» (противостояние двух стран, предполагающих, что их противник пойдет на уступки)¹.

Мировая политика, ориентированная преимущественно на идеи и ценности(нео)либерализма, теории «глобального общества», взаимозависимости и транснационализма, стала альтернативой исследованиям по международным отношениям, опирающимся на позиции теории реализма.

Тем не менее, несмотря на различия в теоретических позициях, наблюдается тематическое сближение мировой политики и теории международных отношений за счет нахождения общих вопросов, возникающих на пересечении их предметных областей. Отечественные исследователи М. М. Лебедева и А. Ю. Мельвиль в своей работе «Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие пред-

---

¹ См.: *Боршшопец К.* Методы, методики и продукты прикладного анализа международных отношений // *Международные отношения: социологические подходы.* М., 1998. С. 174–176.

метных областей»¹ выделяют один из таких вопросов, имеющий прикладное значение, – взаимодействие государственных и негосударственных структур в современных конфликтах.

Такое взаимодействие, по мнению ученых, породило два направления в дипломатии – официальное, или «первое направление дипломатии», и неофициальное, или «второе направление дипломатии». Большую популярность приобретает новое направление, которое получило название «мультинаправленная дипломатия». Оно предполагает сотрудничество официальных лиц с неофициальными представителями.

«Первое направление дипломатии» включает в себя официальные дискуссии, как правило, с участием политических и военных руководителей высокого уровня и сосредоточение внимания на прекращении огня, мирных переговорах, договорах и других соглашениях.

«Второе направление дипломатии» предполагает неофициальный диалог и решение проблем путем деятельности, направленной на построение отношений и поощрение нового мышления, в котором задействованы влиятельные религиозные лидеры, руководители негосударственных структур и других субъектов гражданского общества.

Практическая деятельность на международной арене порождает также новые формы дипломатических направлений. Некоторые аналитики используют термин «трек 1.5» («полуторное направление дипломатии»), чтобы обозначить ситуацию, когда официальные и неофициальные акторы работают вместе для разрешения крайне сложных конфликтов, требующих совместных усилий государственных и негосударственных структур.

«Третье направление дипломатии» представляет собой народную дипломатию, осуществляемую отдельными лицами и частными группами, чтобы стимулировать взаимодействие

---

¹ Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 130–140.

и взаимопонимание между враждующими общинами. Такая деятельность, как правило, сосредоточена на низовом уровне, этот тип дипломатии часто предполагает организацию встреч и конференций, генерируя воздействие средств массовой информации, а также политической и правовой деятельности по защите интересов маргинальных слоев населения и общин.

М. М. Лебедева и А. Ю. Мельвиль выделили и такую группу проблем, которая возникла на стыке исследований международных отношений и мировой политики и связана не с сотрудничеством правительств с неправительственными организациями, а, напротив, – с их противостоянием. Имеются в виду террористические организации, объявляющие войну тем или иным государствам. Глобализация террористической угрозы для государств привела к приравнению этой борьбы к войне. Появилась аббревиатура ГВПТ – «глобальная война против террора» (GWOT – Global War on Terror). Сформировался международный альянс государств, которые раньше находились по разные стороны баррикады.

«Мультинаправленная, или многоканальная, дипломатия» используется во взаимодействии нескольких треков одновременно, в том числе официальных и неофициальных усилий по разрешению конфликтов, для научных обменов, международных деловых переговоров, международных культурных и спортивных мероприятий, а также других совместных инициатив. Эти инициативы могут исходить от правительства, профсоюзов, предприятий, церквей, средств массовой информации, частных граждан, университетов, активистов и спонсоров и др.

Разногласия между учеными, исследующими международные отношения и мировую политику, можно свести к двум основным вопросам, по которым ведутся интенсивные дискуссии. Вопрос первый: на чем акцентировать свое теоретическое внимание – на государственных или негосударственных акторах? Какие участники формируют новый вектор общественного развития в международной сфере? Второй вопрос: способны ли негосударственные акторы кардинальным образом менять современную мировую ситуацию?

Следовательно, необходимо внимательно и целенаправленно изучать все те явления и процессы, которые наблюдаются в этой сложной и важной сфере общественных отношений в настоящий момент, и те изменения, которые нас ожидают в ближайшей и дальней перспективе.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите основные методы исследования международных отношений.
2. Какие отношения характеризуют совокупность связей и взаимозависимостей между народами, государствами и системой государств?
3. Какими процессами международного взаимодействия характеризуется мировая политика?
4. По каким критериям разграничиваются понятия мировой политики и международных отношений?
5. Что лежит в основе аналитической схемы государственно-центристской модели международных отношений?
6. Объясните суть изменений в так называемой третьей волне дискуссий о теории международных отношений.
7. Что понимается под международным порядком (мировым обществом, мировым международным обществом)?
8. В чем суть взаимоотношений «международное право» vs «гуманитарное право»?

Рекомендуемая литература

1. Барри Бузан: «Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств...» // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3. С. 73–82.
2. Громыко А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18–31.
3. Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: разви-

тие предметных областей // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 130–140.

4. Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики, 1998. 352 с.

5. Мировая политика и международные отношения / под ред. Ю. Косова. СПб., 2012. 382 с.

6. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 816 с.

7. Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

8. Современные международные отношения: учебник для вузов / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.

9. *Bull H.* Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan, 1997.

10. *Waters M.* Globalization. London; New York, 1995.

Глава 2. НОВЫЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Политическая география

Политическая география – это наука о пространственных проявлениях политических процессов. Согласно взглядам ряда исследователей, она определялась как: наука о пространственных аспектах международных отношений; размещенческий подход к изучению власти и конфликтов; пространственный анализ политических явлений¹. С точки зрения американского географа Р. Хартшорна, политическая география изучает политические единицы (районы) в рамках государственных или политико-административных границ, а также пространственные сходства и различия таких районов. Географы С. Коэн и Л. Розенталь определяли политическую географию как науку о динамике и пространственных проявлениях политического процесса как контроля над политической единицей; американский географ Н. Паундс указывал, что предмет данной науки – государство с точки зрения его генезиса, обеспеченности ресурсами, обусловленности конкретных географических форм.

В силу того что такой подход принимал во внимание лишь формально закрепленные границы, политическая география, по сути, выполняла роль «политической хронологии».

Советский ученый И. М. Маергойз дал определение политической географии как «особой географической науки, изучающей территориальную расстановку (размещение, сочетание, соотношение) политических сил, главным образом классовых»². Шире были определения политической географии как

---

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

² Маергойз И. М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы экономической

науки о «политико-территориальной организации общества в географическом пространстве» или «законах формирования и развития политико-территориальной организации общества как функции способа производства».

В целом политическая география изучает территориально-политические системы (ТПС). Различают два их основных типа: ТПС де-юре, функционирующие в установленных границах (государства, их союзы и внутренние политико-административные единицы, специальные зоны, создаваемые для решения практических задач, избирательные округа и т. п.) и объективно существующие ТПС¹.

Политико-географическое пространство сегодня представляется в качестве формы бытия политических феноменов и политико-географических объектов, их сосуществования, соразмерности, взаимного расположения, взаимодействия, интенсивности и т. п. Объект политической географии – территориально-политические системы в их взаимодействии друг с другом и с географическим пространством. Разнообразие частных объектов политической географии обусловлено сложностью самого феномена политической жизни, который включает: политические отношения между социальными группами, нациями и этносами, партиями, общественными движениями, государствами, прочими акторами по поводу завоевания, удержания и использования политической власти; систему социальных институтов, реализующих различные функции политической власти; деятельность по проведению отдельными людьми, социальными группами, институтами своих политических интересов.

Структурно политическая география включает такие объекты, как интегральные, многокомпонентные и отраслевые территориально-политические системы. Следует выделить также такие элементы политической географии, как электоральная география, политический регионализм и терри-

---

и политической географии зарубежных стран. М., 1971. Вып. 1. С. 33–50.

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Указ. соч.

ториальные аспекты формирования партийно-политической системы¹.

Как отмечает И. Ю. Окунев², в последнее время в российской политической науке получили значительное развитие темы суверенитета и государственной состоятельности, включая проблемы самопровозглашенных и несостоявшихся государств. Работы исследователей МГИМО и ИНИОН РАН концептуализируют понятия суверенности и государственной состоятельности, которые вытекают из политико-географического понимания государственности политики, формирующейся вокруг центра принятия решений, обязательных для всей территории страны, который извлекает для этого на данной территории ресурсы для самовоспроизводства. При этом уделяется внимание разнице между государственной статусностью (*statehood*), т. е. внутренним и внешним признанием существующего государства и режима, и государственной состоятельностью (*stateness*), т. е. потенциалом функционирования в качестве территориальной политики с оформленным центром.

Вопросы суверенности были объектом политической географии с давних пор, поскольку государство традиционно понималось через суверенность. Так, нормативное понимание суверенитета как концепта, связывающего власть и общество легитимацией на определенной территории, уже содержит в себе политико-географический аспект. В современной политической географии существует два доминирующих подхода к суверенности: в первом суверенитет выступает непреложным атрибутом государства, во втором, напротив, государство становится субъектом суверенности.

Первый подход, *атрибутивный*, опирается на вестфальское понимание суверенитета, согласно которому мир состоит из суверенных государств, полностью контролирующих свою

---

¹ Туровский Р. Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999.

² Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоциальных государств) // Политическая наука. 2011. № 4. С. 162–174.

территорию. Государства, в духе социал-дарвинизма, как автономные единицы, отображают в своем поведении некие монолитные внутренние интересы и выступают в качестве объектов международных отношений. При втором подходе, *субъектном*, государство – это не источник власти, а производное от суверенитета, от политических процессов, происходящих под именем данного государства на определенной территории, при которых власть и общество связываются внутренней и внешней легитимацией и формируют единую идентичность. Государства при таком подходе становятся лишь одним из субъектов международных отношений. Согласно второму подходу, можно выделить два территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности.

Переосмысление государственности требует пересмотра отношения к территориальности. В современной политологии и теории доминирует «территориальная» парадигма мироустройства, предполагающая, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты. Но многочисленные исторические примеры доказывают, что политике не обязательно обладают территориальностью; в этом понимании территориальность является лишь одной из стратегий развития политики¹.

Эволюция политико-географических воззрений восходит к Ф. Ратцелю, опубликовавшему в 1897 г. работу «Политическая география». Если первый этап развития науки (до окончания Первой мировой войны) отмечался теоретическими, то второй (с 1918 г. по конец 1940-х) – преимущественно прикладными разработками, в том числе в нацистской Германии, во Франции, Великобритании и США. Практическая ориентированность науки этого периода обусловила, в частности, занятие экономико-географами государственных постов в ряде стран (Исайя Боумен в США и др.).

С середины 1950-х до середины 1970-х гг. развитию науки способствовал послевоенный рост с сопутствующими ему про-

---

¹ Окунев И. Ю. Указ. соч.

странственными особенностями и трансформацией социально-го устройства развитых стран в сторону welfarestate.

Период с середины 1970-х гг. ознаменовался становлением «новой политической географии». В числе значимых идей второй половины XX в. можно назвать поиск соотношения между центростремительными и центробежными силами, действующими в каждом государстве и способствующими его целостности и могуществу или дезинтеграции; разработку теории «единого поля» американского географа С. Джонса, анализ разницы между существующими де-юре политическими единицами, их уникальности; применение с развитием ЭВМ математико-статистических методов в традиционных для политической географии типологиях стран.

Вместе с тем сравнительно мало внимания уделялось реальной дифференциации политико-географического пространства¹. В объяснениях нередко выпячивались субъективные факторы в ущерб долговременным объективным, в том числе роли экономических структур. Увлечение фрагментарными подходами продемонстрировало непродуктивность редукционизма при объяснении политико-географических явлений (обоснование общих процессов действием одной группы факторов – экономических, психологических или иных).

Фактор цифровой революции обусловил расхождение траекторий англо-американских и континентальных европейских исследований. Если первые интересовались поиском количественных зависимостей между отдельными факторами, определяющими итоги выборов в разных районах, и гораздо шире применяли математико-статистические методы, то вторые утверждали, что из-за сложности и мозаичности политико-географического пространства, исторических традиций эти методы лишь детализируют известные явления.

Трансформация предмета политической географии в рамках новой политической географии заключается в приоритете анализа проблем районов расселения этнических и религи-

---

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Указ. соч.

озных меньшинств, развитии «городской» политической географии (исследование эволюции крупных агломераций и социально-территориальных контрастов в них в контексте территориальной расстановки политических сил и деятельности местных властей). Новый импульс получили исследования по теме воздействия государственных границ на хозяйство, расселение, жизнь людей в приграничных районах.

В начале 1980-х гг. новый глобализационный тренд обусловил рост исследований по макрорегиональной и глобальной проблематике, в том числе в рамках политической картографии. Основой новой политической географии стало изучение взаимосвязей между классической триадой «территория (границы) – государство – идентичность». К главным теоретическим достижениям современного этапа развития дисциплины относят также теорию «мировых систем» Валлерстайна – Тейлора; критическое переосмысление функций и роли современного государства, в том числе на основе теории государства Э. Гидденса; постмодернистские концепции и в особенности теорию «конструирования» пространства в ходе общественного развития и роль в этом процессе политического дискурса¹.

Теория «мировых систем» И. Валлерстайна оперирует такими понятиями, как единый мировой рынок; наличие нескольких равнозначных стран-лидеров; наличие иерархии ядро – полупериферия – периферия. Эта теория учитывает в первую очередь иерархию на базе территориального разделения труда.

Практически значимым выглядит подход (на базе исследований французского философа М. Фуко и английского географа Д. Харви), согласно которому важность, восприятие и использование человеком пространства не фиксированы и меняются в зависимости от социальной практики, в силу чего страна или социум характеризуются особым, часто мифологизированным восприятием окружающего пространства,

---

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Указ. соч.

нередко антагонистическим по отношению к картине мира сопредельных этносов или иных социальных групп.

В России начало развития идей политической географии можно отнести к дореволюционным работам русских географов – Н. П. Огарева (его районирование России включало и политико-географические элементы), В. П. Семенова-Тян-Шанского и др. Территориальной дифференциации политической жизни общества уделяли внимание и советские географы довоенного и послевоенного периода, в частности такие ведущие ученые, как Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, И. М. Маергойз, О. В. Витковский; была предпринята попытка разработать теоретические основы политической географии и обосновать ее место в рамках советской системы общественных наук.

С середины 1970-х гг. географами Москвы и Ленинграда была выполнена серия исследований по политической географии Италии, Франции, США, Канады.

Значимыми исследованиями по политической географии, включая электоральную географию стран Запада, занимались такие географы, как С. Б. Лавров, Л. В. Смирнягин, К. Э. Аксенов, Н. В. Каледин, В. В. Лаврухин и др. К новым направлениям можно отнести политико-географические исследования развивающихся стран (Ю. Н. Гладкий, Ю. Д. Дмитриевский, Я. Г. Машбиц, В. С. Сухоруков, В. С. Ягья), Мирового океана, исследования воздействия этнокультурных различий, регионализма, географии влияния партий и других политико-географических факторов на региональное развитие и государственное устройство, происхождение и идейные основы федерализма.

С разрушением социалистического строя в СССР и возникновением ряда новых (часто острых и негативных) территориально-политических процессов объектами политической географии стали этнические конфликты (в частности, в 1986 г. – в Алма-Ате, в 1988 г. – в Нагорном Карабахе), электоральная география в СССР (сборник «Весна-89» о первых свободных выборах в СССР в 1989 г., изданный в 1991 г.). К концу 1990-х гг. была создана уникальная база данных по открытым

и латентным этнотерриториальным конфликтам. Большое внимание (например, таких географов, как В. А. Колосов, О. И. Вендина, А. П. Катровский и ряда др.) привлекает проблематика обширного нового зарубежья (стран СНГ), проблема новых государственных границ РФ со странами СНГ, жизнь населения в данных ареалах и политические процессы в них.

Пока не сформулированными окончательно являются принципы политико-географического районирования (так, Л. В. Смирнягин отмечает подход, предполагающий районирование по «плавающим», разным в зависимости от района, признакам). Наконец, значимыми являются проблемы эволюции административно-территориального деления, лимология (исследование форм, значения, эволюции границ).

В части публикационного обеспечения исследований по проблемам политической географии выделяется ряд периодических изданий. Так, в 1982 г. был основан международный журнал *Political Geography Quaterly* (ныне – *Political Geography*).

В 1983 г. на международной конференции в Оксфорде группа географов, призывавшая к разработке теории новой политической географии, выступила с инициативой повышения ее статуса в Международном географическом союзе (МГС). В 1984 г. на Международном географическом конгрессе в Париже была создана исследовательская группа, в 1988 г. преобразованная в полноправную комиссию, успешно действующую и поныне (в Международной ассоциации политических наук комитет по политической географии под руководством Ж. Лапонса и Ж. Готтманна начал работать еще раньше). В комиссии МГС еще в начале 2000-х гг. состояло более 500 членов-корреспондентов почти из 80 стран. Характерно, что сегодня президентом Международного географического союза является В. А. Колосов, видный российский географ и крупнейший специалист по политической географии.

С 1996 г. выходит международный журнал *Geopolitics and International Boundaries* (в 1998 г. переименован в *Geopolitics*).

Много политико-географических статей публикуется в журнале *Environment and Planning*, в журнале *Progress in Human Geography* с 1977 г. практически ежегодно печатаются теоретические обзоры по политической географии. Регулярно появляются политико-географические статьи в таких международных журналах, как *Urban Geography* и *Applied Geography*, в национальных журналах – *Annals of the Association of American Geographers* и *Transactions of the Institute of British Geographers*. Во Франции с 1976 г. издается широко известный журнал «Геродот» (*Herodote*), имеющий подзаголовок «Журнал по географии и геополитике». В Румынии начат выпуск журнала «Политическая география». В Польше ежегодно издаются на английском языке материалы общеевропейских тематических конференций, организуемых кафедрой политической географии университета в Лодзи, и т. д. В странах за пределами Северной Америки и Западной Европы уже сформировались или успешно складываются политико-географические школы – например, в Китае, Индии, Японии, Корее, Бразилии, в большинстве стран Центральной и Восточной Европы и даже в Бенине. Комиссии МГС прилагают усилия по расширению «географии политической географии». В ней явно доминируют англоязычные географы из США, Великобритании и Канады¹.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные подходы к определению политической географии?
2. Что является предметом политической географии?
3. Какова структура политической географии?
4. Что такое политико-географическое пространство?
5. Каковы основные подходы к суверенности государства?
6. Охарактеризуйте основные этапы развития политической географии.

---

¹ Колосов В. А., МIRONENKO Н. С. Указ. соч.

7. Какие новейшие исследовательские направления появились в политической географии за последние десятилетия?

8. В чем состоит специфика политической географии в России?

Рекомендуемая литература

1. *Бусыгина И. М.* Политическая география. Формирование политической карты мира: учебник / МГИМО (У) МИД России. М., 2011.

2. *Каледин Н. В.* Политическая география. Истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., 1996.

3. *Карпюк С. Г.* Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 27–44.

4. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география: учебник для студентов вузов, обучающихся по геогр. специальностям. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

5. *Колосов В. А., Петров Н. В., Трейвиш А. И.* Объективные и субъективные факторы дезинтеграционных тенденций в России (опыт количественной оценки) // Географические проблемы стратегии устойчивого развития природной среды и общества. М., 1996. С. 140–148.

6. *Колосов В. А., Трейвиш А. И.* Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов // Полис. 1996. № 2.

7. *Колосов В. А., Туровский Р. Ф.* Типология новых российских границ // Известия РАН. Серия географическая. 1999. № 5. С. 40–48.

8. *Маергойз И. М.* Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1971. Вып. 1. С. 33–50.

9. *Миллер А. И.* О дискурсивной природе национализма // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 14. С. 141–152.

10. *Окунев И. Ю.* Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрореспублик) // Политическая наука. 2011. № 4. С. 162–174.

11. *Попов Ф. А.* География сепаратизма в современном мире. М., 2012.

12. *Улунян А. А.* Новая политическая география: переформируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX века – начало XXI века / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. М., 2009.

13. *Шведов В. Г.* Историческая политическая география: Обзор становления, теоретические основы, практика / Российская акад. наук, Дальневосточное отделение, Ин-т комплексного анализа рег. проблем. Владивосток, 2006.

14. *Dikshit P.* The Political Geography of Federalism. Delhi, 1975.

15. *Duchacek I.* The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. Boulder and London, 1986.

16. *Elazar D.* From Statism to Federalism // A Paradigm Shift. International Political Science Review. 1996. Vol. 17, № 4. P. 417–429.

2.2. Геополитика

Геополитика – отрасль научного знания на стыке политологии и наук о Земле, берет свое начало в географических науках. В качестве «изобретателя» самого понятия «геополитика» называется Р. Челлен (1864–1922). В энциклопедии Americana геополитика определяется как наука, изучающая в единстве географические, исторические, политические и другие взаимодействующие факторы, оказывающие влияние на стратегический потенциал государства.

Долгое время данная наука развивалась в странах Запада, а также в Японии. В России в советский период истории геополитика не изучалась, будучи фактически под запретом. Отношение сменилось на нейтральное в период перестройки, когда в «Советском энциклопедическом словаре» появилась

дефиниция геополитики как политологической концепции, где «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами». Совокупность такой политики, исходящей от различных государств, создает геополитическое пространство как итог сочетания географических (размер территории, особенности географического положения, природные, людские, хозяйственные ресурсы, военная мощь) и социокультурных факторов.

В основе геополитики лежат географические подходы, предполагающие анализ связей между свойствами пространства Земли и балансом (соперничеством или сотрудничеством) мировых центров силы и полей силы. Базовым методологическим подходом является при этом анализ от общего к частному – с планетарного до локального уровня (включая вопросы границ, спорных территорий, межгосударственных конфликтов). Геополитика выявляет объективно существующие пространственные целостности, имеющие политический смысл, вносит вклад в объяснение и прогнозирование расстановки сил в мире.

Геополитика анализирует и прогнозирует пространственные границы силовых полей разного характера (военные, экономические, политические), в основном в масштабе мира в целом. При этом в числе агентов формирования геополитических трендов учитываются не только государства, но и ТНК, группировки государств и пр. Складывающаяся геополитическая структура анализируется в том числе такими методами географии, как районирование, в том числе на основе центрo-периферийного подхода.

Выделяются практические геополитические работы (преобладающие) и академические. Академическая геополитика предполагает суждения, свободные от национальных предрассудков, в виде всеобщих закономерностей.

К числу ключевых категорий геополитики причисляют «экспансию» как выражение «государственных интересов»¹.

---

¹ *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.

Она состоит в военных акциях, экспансии в информационном, культурном, религиозном поле, а также в проведении политики утверждения своих экономических интересов.

«Интересы» разного рода (национальные, государственные и т. д.) составляют, следовательно, основу геополитического дискурса. Объяснением реализации разного рода интересов являются выживание нации, суверенитет стран, сохранение территорий, обеспечение благосостояния населения.

На данных положениях основаны наиболее известные подходы в геополитике, представленные такими авторами, как Х. Маккиндер и К. Хаусхофер. В то же время к числу значимых (в рамках культурно-психологического подхода) в геополитике относится гипотеза Сэмюэла Хантингтона (Институт стратегических исследований при Гарвардском университете) о конфликтах цивилизаций. Эта гипотеза основана на мнении о сохранении в мире роли национальных государств при одновременном разделении государств по цивилизационному принципу. Среди ключевых разломов Хантингтон называет таковой между Западным миром (Атлантическая цивилизация и прозападная Япония) и остальными цивилизациями. Другие разломы: Запад – Ислам; западная и восточная ветви христианства. Вместе с тем авторы наиболее емкого учебного тома по геополитике и политической географии В. А. Колосов и Н. С. Мироненко¹ расценивают такой подход как достаточно односторонний при анализе современных конфликтов.

Большинство геополитиков стоит на позициях реализма (позитивизм в геополитике). В начале XX в. реалисты стремились к формулированию законов международных отношений, объективным интегральным геополитическим объяснениям мировой истории. Такой подход нашел выражение в теориях «стратегии быстрого реагирования», «взаимно гарантированного уничтожения», «железного занавеса», «холодной войны».

---

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: учебник для студентов вузов, обучающихся по геогр. специальностям. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

В противоположность данному, идеалистический подход в геополитике был представлен попытками реализации иной парадигмы. Так, президент США В. Вильсон на Парижской конференции (по итогам Первой мировой войны) постулировал необходимость того, чтобы мировой контроль осуществлялся с помощью коллективной деятельности всех государств мира, рассматривая гармонию и чувство мировой общности как подлинные основы взаимодействия на планете. Эта идея отчасти воплотилась в создании Лиги Наций в начале XX в.¹

Эволюция подходов, лежащих сегодня в основе геополитики, берет начало от итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (1469–1527), чьи труды представляют собой анализ причин успешного государственного правления и попытку выявить общие закономерности политической жизни (трактат «Государь»). Жесткий реализм Н. Макиавелли породил термин «макиавеллизм» как обозначение оправдания победы любыми средствами.

Карл Клаузевиц (1780–1831) – одна из ключевых фигур геополитики, полководец русской и прусской армий и ученый. В работе «О войне» (1832–1834), проанализировав более 180 войн и походов, изложил свой взгляд на сущность войны, опираясь на тезис о том, что война «есть... продолжение государственной политики иными средствами».

Другим основателем геополитики принято считать немецкого географа Ф. Ратцеля (1844–1904). Его ключевые труды по политической географии – «Законы пространственного роста государств» (1896), «Политическая география» (1897), «Море как источник могущества народов» (1900) – обосновывают пространственный подход к анализу политических процессов.

---

¹ Идеалистические идеи постепенно оформились в иренологию (от греч. ειρήνη – мир). Противоположное по названию научное течение – полемология (от греч. polemos – война) исследует войны и вооруженные конфликты. Ведущими иренологическими учреждениями считаются Международный институт исследований мира в Осло, созданный в 1959 г. Й. Галтунгом, а также Стокгольмский институт исследований мира (СИПРИ) и Международный институт мира в Вене.

Ф. Ратцелю принадлежит формирование представлений о «жизненном пространстве» наций (*Lebensraum*), преследовании власти среди других стран, что формирует «мировую державу» (*Weltmacht*). Динамичный территориальный рост при этом полагался им признаком процветающих государств.

Р. Челлен (профессор университетов в Гётеборге и затем в Уппсале) причинами силы государства видел территорию, хозяйство, народ, общество, власть (для анализа которых политическая наука должна была включать пять соответствующих дисциплин). Сильное государство при этом противопоставлялось государству, соблюдающему законы; само государство полагалось самостоятельной целью (а не средством в руках общества, что отличает либеральный подход). Целью государства Р. Челлен считал достижение своего рода самообеспечения, в том числе за счет расширения «жизненного пространства».

Сердцевинная теория разработана британским географом Хэлфордом Джоном Маккиндером (1861–1947). Его книга «Британия и Британские моря» (1902) была первой из работ по геополитике, где оценивалось место Британии в геополитической структуре мира и вводилось понятие «Колумбова эра», охватывающее огромный по времени период европейской экспансии и мирового господства. Ключевой тезис автора – о переходе доминирования от морских к континентальным державам (дихотомия континентальных и океанических держав была ключевым посылом теоретических построений). Теория Хартленда (Сердцевинной земли), озвученная ученым в 1904 г. (доклад «Географическая ось истории»), постулировала деление мира на геополитические соперничающие полушария: континентальное и океаническое. Данное деление следовало в русле другого заметного автора в области геополитики – Альфреда Тайера Мэхэна (1840–1914).

Хартленд Маккиндера (Евразийские пространства) окружен «внутренним полумесяцем» в составе таких стран, как Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай. Полумесяц за-

щищает Хартленд, будучи объектом экспансии морских держав. За «внутренним полумесяцем» следует «внешний полумесяц» (Британия, Южная Африка, обе Америки и Япония). Доработанная с учетом результатов Второй мировой войны (союз СССР, США, Великобритании и Франции) модель Хартленда включала СССР и Север Атлантики (в том числе Западную Европу и Англо-Америку со странами Карибского бассейна). Противостоял данному полюсу другой полюс в составе Индии и Китая.

Идеи «жизненного пространства» (*Lebensraum*) и «пространства как фактора силы» получили развитие в трудах Карла Хаусхофера (1869–1946) и его последователей. Идейной основой построений была неудовлетворенность Германии границами, определенными ей Версальским договором по итогам Первой мировой войны. Хаусхофер обосновал идею панрегионализма как интерпретацию понятия глобальных экономических регионов. Основу панрегионов составляла не столько экономика, сколько панидеи (схоже с трендами и проблемами развития). Деление мира согласно такому подходу фактически совпадает с центро-периферийным подходом: три пояса с ядром (*core*) и периферией (*periphery*) – Пан-Америка с ядром в США, Евро-Африка с ядром в Германии и Пан-Азия с ядром в Японии. Особым панрегионом стала Пан-Россия со сферой влияния в Иране, Афганистане и Индостане.

Военные успехи начала XX в. оказали влияние на популярность геополитики в Японии. В 1907 г. глава первой кафедры географии в Японии С. Комаки написал «Манифест японской геополитики». В целом киотская школа геополитики основывалась на «школе национальной науки» (*кокугакуха*), сформированной в конце периода Токугава. Основу подходов японской школы первой половины XX в. также составляла интерпретация теории *Lebensraum*, но применительно к Японии, а кроме того, принципы и методы пространственного планирования (*Raumordnung*) для внутренней Японии и ее владений в Маньчжурии, Корее, Формозе. В октябре 1940 г. был открыт Институт по изучению проблем тотальной войны,

в 1941 г. – Японское геополитическое общество. В числе идей японской экспансионистской геополитики можно отметить пан-азиатизм и японское евразийство.

Противоположные экспансионистским идеи разрабатывались, в частности, в рамках французской школы П. Видалем де ла Блашем и его последователями Ж. Анселем, А. Деманжоном (1872–1940).

Фактором формирования идейного наполнения французской геополитики стали поражения Франции от коалиции европейских держав в 1815 г. и от Германии в 1870 г. Как следствие, де ла Блаш (1845–1918) сделал упор не на географическое положение и пространственность, а на человека, критикуя при этом подход Ратцеля. В теории де ла Блаша подчеркивалась значимость способности к творческому восприятию и усвоению внешних влияний как фактора богатства и динамизма европейской цивилизации.

Идея дисбаланса размеров и значимости государств обосновывалась Ж. Готтманном (1915–1994), который отдавал приоритет не размерам, а географическому положению государства и его организации (примерами такого подхода были страны Европы, владевшие обширными колониями).

После Второй мировой войны первенство в формировании повестки геополитической науки захватили США. К числу ключевых идеологов здесь можно отнести американского географа Исаяю Боумена (1878–1950), который выступил против изоляционизма США, в силу того что изолированное географическое положение – недостаточное условие для безопасности страны.

Географ Николас Спикмен (1893–1944) из Института международных отношений в Йельском университете, интегрируя идею Мэхэна о «морской мощи» и теорию Хартленда Маккиндера, обосновывал тезис о том, что геополитика – это инструмент формирования политики безопасности страны с учетом географических факторов. Идея глобальной системы безопасности США определялась им как «интегрированный контроль над территорией».

Ключевым объектом построений Спикмена был «внутренний полумесяц» Евразии Маккиндера, или Римленд (англ. rim – дуга), т. е. прибрежные государства Евразии. Эта «материковая кайма» – буферная зона конфликта между континентальными и морскими державами – подлежала «интегрированному контролю», поскольку здесь осуществляется противостояние между океаническим доминантом США и владельцем Хартленда СССР. В соответствии с такой моделью США реализовывали «политику сдерживания» по отношению к СССР. Элементом инфраструктуры сдерживания являлись военные блоки, включая НАТО.

Концепция «динамического сдерживания» К. Грэя, отражавшая изменения после окончания холодной войны, отмечала формирование многополярного мира. Однако Грэй предостерегал от демонтажа американской оборонной инфраструктуры ввиду угрозы смены возникшей в России демократии на новое тоталитарное правление.

Окончание холодной войны породило также концепцию «третьего мира», представляемого в качестве нового элемента мирового порядка. Отправной точкой идеи «третьего мира» стала Бандунгская конференция 1955 г. Однако сегодня более прочным концептом является обоснованное Р. Уолтерсом деление мира на «Север» и «Юг»¹.

Американский геополитик Дональд Д. Майнинг внес вклад в понимание значимости культурной компоненты как элемента экспансии, который должен был бы уравновесить грубую силу при реализации внешних интересов за пределами США.

Состояние полицентричности, характерное для мира после окончания противостояния двух блоков (США и СССР), стало предметом анализа Й. Галтунга, который выдвинул гипотезу о «семиполярном мире», оговариваясь при этом, что шесть из семи центров «в некотором смысле координируются... США»².

---

¹ *Walters R. E. The Nuclear Trap. Harmondsworth, 1974.*

² *Galtung J. Coexistence in Spite of Borders: On the Borders in the Mind // W. Galluser, ed. Political Boundaries and Coexistence. Bern, 1994. P. 5–14.*

Отражением мировых реалий являлись во второй половине XX в. идеи Пьера Галлуа (1911–2010), генерала и специалиста по ядерному оружию, который именно фактор обладания последним полагал ключевым источником распределения влияния и контроля в мире, нивелирующим прочие географические факторы (территория, население).

Интеграция геополитикой идей других наук (в частности, экономики) отразилась в разработке идей цикличности мирового политического развития по аналогии с цикличностью в экономике, которая весьма подробно исследовалась русским ученым-экономистом Н. Д. Кондратьевым в начале XX в. Анализ такой политической цикличности представлен А. Тойнби в «*A Study of History*»¹, где им выделен 115–120-летний цикл «великих войн», включая прелюдию войны; саму великую войну; передышку после нее; ее эпилог; всеобщий мир.

Дж. Голдстейн выделял 40–50-летние циклы «больших войн» с XVII в. по первую половину XX в., вычленяя «эры» от завершения одной «великой войны» до конца следующей и объединяя их в одном восходящем движении².

В свою очередь, И. Валлерстайн говорит о трехфазных циклах гегемонии, включающих мировую войну, гегемонию одной из великих держав и упадок. Так, цикл гегемонии Голландии определяется периодом 1618–1672 гг.; Британии – с 1792 по 1896 г.; США – с 1914 г.

Наконец, длинные циклы развития мировой геополитики, выделенные политологами из США Дж. Модельски и В. Томпсоном, определяются как «циклы лидерства», смена которых трансформирует структуру мирового политического устройства, способствуя выдвиганию новых мировых лидеров.

Полагаем важным подчеркнуть тезис о том, что мировые гегемонии твердо основываются на достижении великой державой прежде всего экономического превосходства. При этом

---

¹ *Toynbee A. A Study of History*. London, 1954.

² *Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. Yale, 1988.

одним из ключевых является контроль над мировой финансовой системой.

К новым направлениям исследований можно отнести философию геополитики – сравнительно новую область политической философии. Ее предпосылкой стала концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона (акцент на культурном, а не на экономическом основании цивилизационных конфликтов). С учетом также идей Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, «человеческой географии» П. Видаль де ля Блаша, евразийской геополитики П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, концепции пассионарности Л. Н. Гумилева философия геополитики получает обоснование в социокультурной методологии, в том числе глобальной истории, одним из направлений которой является историческая геополитика. Иначе говоря, история и философия геополитики предстает как новая отрасль теоретического знания, объектом которой выступает диалектика временных и пространственных изменений в жизни геочивилизаций¹.

Насыщение геополитической аналитики философской рефлексией продиктовано потребностью выявления места и роли человека в глобальных геополитических процессах. Геополитика обрела свое действующее лицо – человека, принадлежащего к той или иной цивилизации, привязанного к определенной историко-культурной зоне, веками пестующей образ жизни и образ мысли.

Существенно, что сама геополитика в последние два десятилетия вошла в новую фазу своего развития – фазу глобальной геополитики. Ее характерные черты – множественность акторов геополитических процессов, не ограниченная лишь государствами. С учетом этого философия геополитики предстает как направление политической философии, которое выявляет бытие политического в контексте социокультурной динамики. Особое внимание при этом уделяется сравнительному анализу современных геополитических школ и идей, которые,

---

¹ Кефели И. Ф. Философия геополитики. СПб., 2007.

отталкиваясь от классических представлений, выражают новые социальные реалии, тенденции развития и цивилизационную память. Это касается, в частности, региональной и цивилизационной геополитики¹.

В России геополитические исследования сегодня во многом индуцированы процессами включения страны в мировое политическое поле после многих лет изоляции. В своей фундаментальной работе В. А. Колосов и Н. С. Мироненко подчеркивают роль изолированности России (Руси) вследствие длительного монголо-татарского ига, а затем возникновения Тевтонского ордена на путях в Европу как источника отсталости, в том числе в научном осмыслении политических процессов. Характер государственности при этом стал близок восточным деспотиям².

Последующее постепенное территориальное расширение страны и формирование соответствующих представлений о роли и месте России в мире получили болезненный удар после поражения в Крымской войне, что привело к обострению дискуссии между славянофилами и западниками. Однако еще раньше в России сформировалась идеология «Третьего Рима» («Москва – Третий Рим»), носившая панправославный характер. В XIX в. православные народы Европы (сербы, болгары, греки, румыны) освобождались от власти Османской империи, что способствовало распространению в России идей панправославия.

Однако наиболее заметной остается именно дискуссия между западниками и славянофилами. Западники А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев, П. В. Анненков и другие интеллектуалы противостояли в России славянофилам А. С. Хомякову, братьям Киреевским, братьям Аксаковым, Ю. Ф. Самарину. Западники считали развитие России аспектом развития общечеловеческой цивилизации, где лидерство (в реализации принципов прогресса и свободы)

---

¹ Кефели И. Ф. Философия геополитики. СПб., 2007.

² История России. Россия в мировой цивилизации / ред. А. А. Радугин. М., 1998.

принадлежит Западной Европе; славянофилы настаивали на самобытности жизни народов, считая прозападные веяния (включая реформы Петра I) ударом по образу жизни России.

Еще одной заметной концепцией (в том числе возрождающейся сегодня) явилось евразийство. Это идейно-философское движение сформировалось в среде русских эмигрантов в начале 1920-х гг. Идеологами его стали географ П. Н. Савицкий (1859–1968), филолог князь К. С. Трубецкой (1890–1938), историк Г. В. Вернадский, богослов Г. В. Флоровский (1893–1979) и др.

П. Н. Савицкий и его последователи определяли Россию как исключительную страну, непохожую на Европу и имеющую большое родство с Азией (концепция России-Евразии). Границы этого мира отождествлялись с границами Российской империи. Л. Н. Гумилев трактовал складывавшийся в Евразии культурный тип как скифско-сибирский «степной» стиль¹.

Фактор евразийской самобытности при этом характеризуется якобы присущей России «миссией» хранительницы православия по восточному, греческому образцу (народ как хранитель православной традиции), что опровергается самим фактом наличия карательного религиозного законодательства в царской России: только в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. можно насчитать более 20 статей с подробным перечнем способов наказания за отклонение от веры².

Отторжение евразийством европейского опыта было основано на тенденциозных идеях об индивидуализме и личных правах как отражении «эгоизма» в противоположность российской «соборности» и «любви».

Основа евразийства – идея о существовании целостной евразийской нации, развивающейся на почве объединяющей идеи православия, так же как и более позднее учение о совет-

---

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез биосферы Земли. Л., 1990.

² «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. // Сайт РГБ <http://rsl.ru>.

ском народе, оказалась не более чем идеальным, желаемым образом. Как отмечается в упомянутой выше работе¹, идея евразийства перекликается с фашистской идеей национальной исключительности. Это течение сегодня представлено А. Г. Дугиным и рядом авторов, создавших идеологию крайне правых в России.

В контексте данного течения мысли следует отметить неоевразийство Л. Н. Гумилева, который определял русских не просто как восточных славян, а как особый этнос, вобравший тюркские и славянские элементы. Татаро-монголы в его концепции выступают не в качестве поработителей, а в роли хранителей русского государства от католической агрессии Европы².

В современных условиях в России стала формироваться концепция геополитики взаимодействия, автором которой является российский географ В. А. Колосов³. В концепции не отвергается роль географических факторов в глобальных отношениях, а геополитика взаимодействия субъектов международных отношений отличается такими чертами, как: акцент на взаимодействии между территориальными системами (государствами, их коалициями, регионами и т. д.), а не только на их различиях и конфликтах; «многомерность» взаимодействий, необходимость новых культурологических и иных подходов; изучение новых (негосударственных) субъектов политической деятельности на мировой арене, включая неинституционализованные (политические движения народов, не имеющих государственности, партизанские и подпольные движения и пр.).

---

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Указ. соч.

² Там же.

³ Колосов В. А. Территориально-политическая организация общества: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1992.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение геополитики как субдисциплины политической науки.
2. Назовите основные категории геополитики.
3. Кого можно считать основателем геополитики?
4. В чем состоит суть подходов Х. Маккиндера и К. Хаусхофера?
5. В чем заключается суть культурно-исторического подхода в геополитике?
6. Каковы основные идеи и принципы французской школы геополитики?
7. Как развивалась геополитика после Второй мировой войны?
8. В чем суть философии геополитики?
9. Каковы характеристики глобальной геополитики?
10. В чем состоит специфика развития геополитики в России?

Рекомендуемая литература

1. *Бедрицкий А. В.* Империи и цивилизации // Русский геополитический сборник. 1998. № 3.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
3. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 2.
4. *Гумилев Л. Н.* Этногенез биосферы Земли. Л., 1990.
5. История России. Россия в мировой цивилизации / ред. А. А. Радугин. М., 1998.
6. *Кефели И. Ф.* Философия геополитики. СПб., 2007.
7. *Клаузевиц К.* О войне. М., 1994.
8. *Колосов В. А.* Территориально-политическая организация общества: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1992.
9. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география: учебник для студентов вузов, обучающихся по геогр. специальностям. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

10. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
11. Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915.
12. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
13. Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. СПб., 1995.
14. Тревиш А. И. Российская геополитика от Гостомысла до наших дней: краткий обзор идей и фактов // Знание – сила. 1995. № 8.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845 // Сайт РГБ <http://rsl.ru>.
16. Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры: эссе. М., 1999.
17. Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
18. Galtung J. Coexistence in Spite of Borders: On the Borders in the Mind // W. Galluser, ed. Political Boundaries and Coexistence. Bern, 1994. P. 5–14.
19. Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. Yale, 1988.
20. Parker G. Geopolitics. Past, Present and Future. London and Washington, 1998.
21. Soppelsa J. Geopolitique de 1945 a nos jours. Mementos de geographic serie. Paris, 1994.
22. Taylor P. J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. London: Longman, 1993.
23. Toynbee A. A Study of History. London, 1954.
24. Walters R. E. The Nuclear Trap. Harmondsworth, 1974.

2.3. Институциональная политология

Вопрос исследования организаций и правил взаимодействия всегда являлся одним из ключевых в экономической и политической теории. В XX в. интенсивное развитие получил институциональный подход в политической науке, это связано с необходимостью анализа политических институтов и существующих практик индивидуального поведения, оценки процесса институционального транзита и методологического совершенствования институционализма в политической науке. Институционализм имеет различные течения, среди которых в политической науке особенно развиты теория рационального выбора, бихевиоризм, историко-социальный подход. В основном становление и развитие институционализма происходило в американской экономической и политической мысли. Основателями теории являются Д. Коммонс, Т. Веблен, У. Митчелл, их работы, наполненные анализом американской действительности, сформировали представления о важности изучения многообразия социальных связей, мотивации поведения и максимизации выгоды. Таким образом, фундамент для институциональных исследований сформировался в западной политической мысли, отечественные ученые заинтересовались институциональной теорией только в последние двадцать лет¹.

Следует отметить, что институционализм в экономической теории изучается на высоком теоретическом и методологическом уровне, исследования характеризуются тщательной проработкой ключевых для экономики вопросов, которые актуальны для развития государства, а также формирования институциональных систем. В политической науке основными векторами институциональных исследований являются практики взаимоотношений таких институтов, как государство и гражданское общество. Также важны наличие рационального

---

¹ Институциональная политология: Современный институционализм: политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.

выбора в политической сфере, влияние политических традиций на становление государственных и правовых институтов.

Подводя итог вступительному слову, можно констатировать, что отечественная политология активно и конструктивно использует институционализм для анализа процессов постсоветской трансформации основных государственных институтов, составляя собственные теоретические модели и принципы функционирования методологии институционализма. Следуя логике институциональной теории, рассмотрим ее историческое становление.

Истоки институционализма в политической науке сформировались во времена античной философии (Платон, Аристотель). Философы того времени интересовались тем, что в современной политологии называется институтами (государство, правовая система, конституция). В политической науке Нового времени Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и Гегель выдвигали предпосылки нового, современного понимания института. Так, для Гегеля понятие института укладывается в описание государственного строя, рационализирующего поведение отдельных индивидов¹. Институты в политической философии Нового времени рассматривались в рамках *Staatswissenschaft* (государствоведения) без определения роли поведения конкретного индивида в институтах, именно этот вопрос и стал основным для дальнейшего развития институциональной теории.

Обратимся к самому термину «институт», который происходит от латинского слова *institutum*, что означает «установление, учреждение, обычай». С течением времени рамки понимания этого слова незначительно расширились, однако изменилась и существенно расширилась сфера его применения в научно-теоретической области. В современной политической науке понятие «институт» определяется следующим образом:

– политическое установление комплекса формальных и неформальных принципов и норм поведения, которые обуслов-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

ливают и регулируют деятельность человека в социальной сфере;

– политическая организация, учреждение или другая политическая структура;

– форма или тип политического поведения, который выражается в определенной системе индивидуальных действий, подчиненных коллективным формам взаимодействия.

Нужно отметить, что в современной политической науке активно используются термины «институт», «институционализм», «институциональная среда», «институциональная теория», они характеризуют разноплановость не только института, но и методологических принципов использования институционализма.

Деление институционализма связано прежде всего с кризисом старой школы институционального изучения политики и развитием бихевиоризма. Впоследствии институционализм учел свои ошибки и опыт бихевиоризма, который фокусировал свой взгляд только на индивиде. Он становится менее формальным и жестким, получает новые возможности для исследования политической сферы.

Изначально понятие институтов было заимствовано из юриспруденции, что стало одной из причин кризиса, так как юридическое определение институтов очень узкое из-за правового нормативизма и при этом достаточно размытое из-за того, что оно касается разных сторон жизни людей.

Поворот от понимания института как государственоведческой концепции произошел под влиянием работ Герберта Спенсера «Человек и государство», Эмиля Дюркгейма «Правила социологического метода» и Макса Вебера «Политика как призвание и профессия», которые в своих классических трудах высказали идеи, создающие противовес государственно-правовому пониманию политических институтов.

Основой иного понимания роли институтов становится социологический подход Э. Дюркгейма. Эта концепция заключается в представлении институтов в виде продукта: с одной стороны – идеального образования в виде обычаев и верова-

ний, а с другой – обычаев и стереотипов, которые материализуются в практической деятельности социальных организаций различных времен и народов. Такое представление о функционировании института дополняется социальным действием индивида, делает его не четкой структурой, а формой мотивации деятельности, характерной для данного социума.

Э. Дюркгейм заложил истоки французского «социального институционализма», последователями которого являются М. Прело, Ж. Бюрдо, М. Дюверже. В своих работах французские исследователи выделили две основные составляющие, входящие в содержание любого политического института:

– идеальную модель самой системы социальных отношений;

– наличие организационных структур, воспроизводящихся в коллективной политической практике в соответствии со стереотипами и матрицами исторического развития.

Следуя этой логике, институт формируется, основываясь на «моделях человеческих отношений», с которых копируются конкретные отношения, и они «приобретают в дальнейшем характер стабильных, устойчивых и сплоченных»¹.

Последующее становление институциональной политологии в XX в. происходило в рамках теории организации и принятия организационных решений в экономике. В написанной Г. Саймоном и Й. Ольсеном концептуальной статье «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» пересматривается процесс изучения политических институтов и отношений между различными институциональными характеристиками, а также политическими действиями. Авторы убеждены, что формируется новое качество политических и экономических институтов. Этот момент принято считать отправным пунктом в изучении институциональных процессов в политической науке. Стоит отметить, что в 1978 г. Г. Саймону была присуждена Нобелевская премия «за

---

¹ *Duverger M.* Institutions politique et droit constitutionnel. Paris, 1970.

новаторские исследования процесса принятия решений в экономических организациях, в фирмах», что свидетельствует об актуализации институциональных исследований и результатах, достигнутых в экономической теории благодаря институционализму.

Й. Ольсен также сотрудничал с другим известным ученым – Д. Марчем, их публикации «Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics» и «The new institutionalism: organizational factors in political life» включали в себя модернизированные идеи относительно институционализма. Так, понятия «институт» (institution/institute), «институциональный» (institutional) прочно вошли в научный обиход и стали встречаться во многих работах по поводу и без него, зачастую не отражая истинную суть исследования.

В свое время Марч и Ольсен выступили против господствующих на тот момент представлений о политике, против понимания ее только как отражения общества, они отказались сводить ее только к политической деятельности и процессу принятия политических решений. Авторы считали, что политика организована вокруг понимания жизни и развития смысла, направления, цели. Политика имеет свойство укореняться в «неэффективной» истории и культуре, а институты – самостоятельны и независимы. Марч и Ольсен подчеркивали эндогенный и социально-конструктивный характер политических институтов. Поэтому обращение к социальному конструктивизму при политико-институциональном анализе выглядит вполне естественным и даже многообещающим, поскольку означает возвращение культуры в политические исследования. Это относится и к попыткам формирования других, близких к основному замыслу, подходов.

Новый этап развития теории связан с проникновением институционализма в политические исследования. Проблема возникновения и функционирования политических институтов становятся доминирующей для политической теории. Изучение демократических политических институтов, их способности реализации принципов либерализма и вос-

производства эффективной политической системы позволило говорить о возможности реализации институционального транзита посредством институциональной системы. Однако существует много примеров расхождения институциональной теории и практики, особенно в странах третьего мира. В 50-е гг. прошлого столетия институциональная теория проходит через внутреннюю методологическую реконструкцию. Слабые черты институционализма связаны с уверенностью практиков институциональной теории в том, что при помощи институтов возможно перестроить традиционные общества по примеру демократических государств, но практика продемонстрировала необходимость корректировки теоретических предпосылок.

Уже после окончания Второй мировой войны институционализм обнаружил ряд слабых черт, вызванных его явной демократической ангажированностью. С. Хантингтон указывает на то, что институционалисты, в силу их чрезмерной веры в демократическую систему, не смогли понять степень расхождения институционалистской теории и практики¹.

Анализ конституций и конституционных систем с позиций институционализма предполагает, что демократические принципы, обозначенные в конституциях, реализуются на практике. Однако политические реалии продемонстрировали множество противоположных примеров. Советский Союз с демократической конституцией сложно назвать демократическим государством, тем более не подходят под это определение многие развивающиеся страны Азии, Африки. Таким образом, мы можем вывести в качестве основополагающих характеристик институционального подхода политического исследования изучение возникновения и функционирования политических институтов и их соотношения с законодательством. Для институционализма несомненна ориентация на либерально-демократический принцип общественного устрой-

---

¹ *Huntington S.* The third wave; Democratization in the late twentieth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

ства, образцом которого является знаменитая «Вестминстерская модель», используемая в качестве критерия либеральной демократии (в данном случае основными требованиями, предъявляемыми по этому критерию, являются правление партии большинства, обладающей политической программой и формирующей кабинет министров; существование государственной службы, сохраняющей политический нейтралитет; наличие институционализированной оппозиции).

В начале нового периода стали господствовать идеи нового институционализма, а именно возникает исторический институционализм, институционализм рационального выбора, который дополнялся дескриптивной, сравнительной, организационной версиями институционального подхода.

Появление феномена нового институционализма в политологии можно сравнить с культурным поворотом в истории. Реагируя на него, исследователи стали постепенно представлять государство как совокупность институтов, которые направлены на структурирование и упорядочивание политического конфликта.

При этом новое направление институционализма стало скорее неким ориентиром и набором убеждений, нежели точным научным методом изучения политических процессов, где важна вера в то, что институты и институциональные процессы являются самыми значимыми.

В политологии укоренились следующие определения понятия «институт»: 1) совокупность формальных и неформальных норм, обеспечивающих функционирование и регулирование политической системы; 2) политическое объединение людей в организованную структуру для выполнения узконаправленных действий; 3) постоянный и широко распространенный тип поведения индивидов в общественной и политической жизни.

Все эти определения, в принципе, представляют одно и то же направление с разных сторон. Из этого можно сделать вывод, что институционализм рассматривает все массовые явления как совокупность индивидуальных действий и предпочтений.

Индивидуальные интересы стали отражать реальную ситуацию, они стали важной частью политики, а институты начали генерировать эти интересы. Демократизация политики идентична механическому суммированию и учету этих интересов, но не все институциональные школы разделяют первые два положения.

Новый институционализм и вовсе отказывается от каких-либо описаний процессов в пользу построения теоретических конструкций. В своей методологии это направление отошло от представления о человеке как об исключительно рациональном существе. Для нового институционализма возможности разума человека ограничены, к тому же он, даже при сильном желании, не может точно просчитывать все свои действия правильно. Это происходит из-за неполной осведомленности и некомпетентности народных масс по поводу политических вопросов, которые требуют больших знаний и опыта.

Старая школа институционализма пыталась не обращать внимания на различные классовые, гендерные и иные социальные интересы, считая это необоснованным. Новый институционализм же учитывает неформальные институты, которые рассматривают систему более широко: не только с точки зрения внутригосударственных процессов, но и с точки зрения взаимодействия государства с социальными, экономическими институтами.

Главное различие старой и новой школы состоит в том, что последняя рассматривает поведение институтов через призму неформальных (в данном случае уместно сказать «реальных») правил игры.

В свою очередь, новый институционализм делится на «тонкий», с преобладанием аналитического стиля, основанного на классических институциональных теориях, где главенствующую роль занимает тщательное исследование действий индивидов; главный недостаток такого направления – плохая изученность процессов на макроуровне; и «толстый», с преобладанием изучения государства, общества, различных поли-

тических сообществ, ему не хватает данных о микроуровне, который исследуется в «тонком» неоинституционализме.

Уже в конце 1970-х гг. Теда Скочпол, представитель нового институционализма, сделала предположение, что причиной многих революций являются не восстания, которые инициированы «снизу», а ненадежное существование структур «сверху». Новая школа, возникшая на основе этой гипотезы, был названа «историческим институционализмом», но само понятие появилось лишь в 1992 г., хотя исследования в данном направлении проводились и раньше.

Квинтэссенцией идей данного времени можно назвать доклад Питера Холла и Розмари Тэйлор на конференции «Что такое институционализм сегодня?» в Мэрилендском университете и на ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки в 1994 г.

Но уже в 1995 г. в свет вышла работа Уильяма Ричарда Скотта, в которой он первым постарался объединить теорию институтов и теорию организаций, а затем предложил новую классификацию версий институционализма в экономике, социологии и политической науке применительно к совершенно разным сферам человеческой деятельности.

Многие последователи теории рационального выбора, которые моделировали политику на основе рациональных действий, стали включать институты в свои исследования. Теперь политика рассматривается как набор дилемм коллективного действия, а политические институты выступают в роли инструментов для их решения. Таким образом, политические институты получили весомое значение в исследовании различных процессов, происходящих в политике и обществе.

Современный институционализм включает в себя несколько подходов, которые несколько разнятся, но при этом дополняют друг друга. Объединяет их то, что они базируются на общей теоретической основе, а именно на теориях общественного выбора, агентских отношений, регулятивных структур.

Методы институциональной политологии таковы:

1. Нормативный институционализм. Институты в этом методе определяются через нормы, обычаи, ценности и т. п. Этот подход ничего не скажет нам о том, каким образом сформировались институты. Но он объясняет различные типы развития институтов: эволюционный (институты строятся «снизу вверх») и институциональный дизайн («сверху вниз»). В данном случае институты понимаются в узком смысле слова – как формальное соглашение между членами общества, где их поведение регулируется четким сводом правил, а контроль осуществляется специально уполномоченным(и) лицом или группой лиц.

2. Французский неинституционализм. Метод объясняет функционирование институтов с помощью теории соглашений: в ней политические институты рассматриваются как различные миры или подсистемы, координирующие общество. Здесь выделяют рыночную, индустриальную, традиционную, гражданскую, экологическую подсистемы, подсистему общественного мнения и творческой деятельности. В данной теории главное, чтобы институты грамотно взаимодействовали на стыке подсистем и не мешали функционированию друг друга.

3. Подходы рационального выбора. В этой теории члены общества – рациональные акторы, находящиеся в матричном мире выигранных возможностей, а институты – способы для преодоления их рациональных потребностей. Во многом действия институтов определяются с помощью теории невозможности Эрроу, которая утверждает, что любое проведенное демократическое голосование, где побеждает большинство, может быть заменено альтернативным предложением альтернативного большинства. То есть в сравнительной части институционализма система должна сравниваться со своими альтернативными вариантами. Кроме того, рациональный институционализм представлен теорией общественного выбора, которая пришла в политологию из экономики. Соответственно, она рассматривает политику как аналог рынка. Это зна-

чит, что и политики, и избиратели (так же как и в рыночной экономике) пытаются достичь в политической сфере экономических благ и максимизации прибыли. Например, политики будут делать все, чтобы в бюджет поступало как можно больше налогов, а избиратели в обмен на это получают военную защиту, социальные блага и т. п.

В последующие десять лет начинают формироваться новые институциональные подходы, а именно: *конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, когнитивный, сетевой*.

В 2006 г. была завершена разработка научно-издательского проекта Оксфордского энциклопедического справочника по политическим институтам, где обобщается развитие этой дисциплины, оценивается ее нынешнее состояние, ставятся задачи и описываются перспективы продвижения институциональной теории и методологии.

Появление новых видов институционализма можно объяснить тем, что это направление при концептуализации в научном контексте имеет разные основы и происхождение.

Институциональный поворот произошел не только в политической науке, но одновременно и в социологии, юриспруденции, экономике, антропологии, психологии и других социальных науках. Многие ученые считают, что он еще далек от своего завершения и на сегодняшний день произошла только небольшая часть изменений. Наиболее характерное из них – сближение антропологии, культурологии и истории и постепенное движение политической науки в сторону экономики.

Именно новые виды институционализма подтолкнули политологию и экономику друг к другу. Новое направление получило название «*позитивная политическая экономия*». В его основу положено применение различных экономических методов к изучению и поиску решения проблем в политической сфере. В этот период в политологической среде становится популярной *теорема Коуза*, согласно которой общество может само выбирать правильный и эффективный путь экономического развития государства независимо от того, какие

группировки и представители какой политической элиты находятся во главе государства. Со временем эта идея сдала свои позиции, так как при более детальном исследовании некоторые ее положения были опровергнуты.

Несмотря на различия в теоретико-методологической базе и акцентах, все направления институционализма сходятся в том, что любые коллективные решения формируются под огромным организационным давлением, а сами институты влияют на направление агрегирования.

Сейчас некоторые институционалисты стараются вновь развить учение и начинают ставить вопрос о формировании так называемого *критического институционализма*. Они опираются на прошлые исследования, обращаются к временам, когда ряд американских экономистов и социологов (Т. Веблен, У. К. Митчелл, Д. Р. Коммонс, Ч. Кули) создали уникальный синтез экономики и социологии, известный под названием «институционализм». Критический институционализм, как и современный неинституционализм, возник в эпоху смены капиталистического режима, в период экономической дестабилизации. Его критическая позиция основывается на масштабной теоретической работе. Налаживание связи между классическим критическим институционализмом и новыми концептуальными инструментами позволит повысить охват и мощь институционального анализа глобального капитализма.

В *неинституционализме* есть своя теория государства, разработанная Дугласом Нортгом в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». В его представлении отношения между государством и подданными регулируются контрактом, по которому правитель является собственником, продающим защиту и владеющим верховной властью, но в противовес этому у подданных есть издержки выхода и право на смену правителя. Отсюда исходит «парадокс подчиненного» (Дж. Бьюкенен): с одной стороны, общество само отдает государству часть своих прав, т. е. без этой передачи не было бы и государства, с другой – государство, овладев мощным аппаратом принуждения, мо-

жет заставить подданных исполнять те приказы, которые противоречат интересам общества.

Отсюда можно выделить два типа государства: контрактное и эксплуататорское.

В первом случае государство учитывает интересы общества, используя монополию на насилие ограниченно, не задевая подданных, частную собственность и т. д. Государство здесь предоставляет гражданам экономическую свободу и находится в жестких конституционных рамках.

Во втором случае монополия на насилие для государства – это способ максимизации прибыли, подданные выступают в роли «ресурса» и не являются частью системы. Естественно, в такой ситуации государство пытается увеличить свою ренту собственности, даже если это сильно вредит обществу. Государственный аппарат становится «оседлым бандитом», проводящим экспансию во все сферы жизни общества.

Теория рационального выбора в неинституционализме пытается ответить на вопрос о происхождении институтов.

Истоки этого направления можно найти в творчестве М. Вебера, в частности в его теории бюрократии, которая возникла из-за конкурирующих процессов на рынке, а также расширения рынка. Он разрастается настолько сильно, что бюрократия нуждается в постоянном координированном взаимодействии, поэтому возникает необходимость в создании регулирующих норм. Причина институционализации – легитимность рациональных структур. С течением процесса модернизации увеличивается и степень институционализации.

Дополняет эту теорию *концепция изоморфизма*, разработанная П. Димаджио и У. Пауэллом. Она утверждает, что формальные организации конкурируют не только за ресурсы и клиентов, но и за политическую власть.

Эти две теории объединяет постулат о повышении эффективности институтов благодаря легитимации.

Сама бюрократия появляется в так называемом организационном поле, месте, где происходит стык государства и гражданского общества или других организаций. Это обуслов-

лено тем, что там, где встречается множество интересов, нужен посредник. Бюрократия как раз выполняет такую роль.

В теории организации подчеркивается важность символических кодов и роль институтов в организации значений. Согласно этой теории, акторы не знают свои интересы, а разного рода ограниченность заставляет их полагаться на институциональные процессы. Также в нормативной сфере ей свойственна импликация бюрократической власти и связанной с ней рациональности. Актор является когнитивно зависимым. Власть зависит от позиции в организационной вертикали. Институциональный механизм вычисляет интересы через процедуры, нормы и институциональные рутинны.

С точки зрения исторического институционализма интересы общества являются интерпретацией акторами своих интересов, которые формируются коллективными организациями и институтами. Политический процесс представляется конституцией институтов, госструктур, групп интересов, политической сети. Актор, согласно этой теории, саморефлексирующий субъект, но его мышление основано на исторически-социальных и культурных нормах. Власть зависит от признания государством, доступности к принимаемым решениям и представительства в политической сфере. Институты развиваются исторически, и впоследствии их трудно изменить. Они вычисляют интересы и формируют цели с помощью собственных правил и идей. Главные методологические темы: альтернативная рациональность, контекстный характер причинности как сложной конфигурации факторов и историческая случайность. Развитие институтов зависит от предшествующих действий и решений, которые задают дальнейший вектор развития институтов.

Новые институционалисты предложили ряд новых понятий, которые вызвали дебаты в научном сообществе, так как нуждаются в дальнейшем теоретическом развитии и эмпирическом обосновании. При всех сложностях институционалистам удалось обновить прежние представления о политике. Дискуссии вокруг нового институционализма продолжают-

ся до сих пор, но его сторонники полагают, что этот подход позволяет показать новые стороны политического процесса. Критики же сомневаются в новизне этого подхода и не спешат заменить им существующие.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные различия между старым и новым институционализмом?
2. Как соотносятся понятия «институт», «институциональная среда», «институциональная теория»?
3. С чем связана необходимость «нового открытия институтов» в политической науке?
4. В чем специфика неоинституциональной трактовки понятия «институт»?
5. Каковы основные методы институциональной политологии?
6. Назовите и охарактеризуйте основные виды нового институционализма.

Рекомендуемая литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.
2. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М., 1984.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
4. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
5. Дюверже М. Политические партии: пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000.
6. Дюркгейм Э. Правила социологического метода // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и предназначение. М.: Канон, 1995.
7. Коммонс Дж. Р. Институциональная экономика // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 3. С. 69–76.

8. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право: сб. статей / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Капельюшников. М.: Новое издательство, 2007.

9. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.

10. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

11. *Руссо Ж. Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. М., 1969.

12. *Скочпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева; науч. ред. пер. Д. Карасев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

13. *Спенсер Г.* Личность и государство. М.: Социум, 2007.

14. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

15. *Duverger M.* Institutions politique et droit constitutionnel. Paris, 1970.

16. *Duverger M.* Sociologie politique. Paris, 1970.

17. *Hall P., Taylor R. C. R.* Political science and the three new institutionalisms // Political studies. Guildford, 1995. Vol. 55, № 1. P. 936–957.

18. *Huntington S.* The third wave; Democratization in the late twentieth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

19. *March J. G. and J. P. Olsen (eds.).* Ambiguity and Choice in Organizations. Bergen Universitetsforlaget, 1976.

20. *March J. G. & J. P. Olsen.* Democratic Governance. New York: The Free Press, 1995.

21. *March J. G. & J. P. Olsen.* Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics. New York: The Free Press, 1989.

22. *March J. G. and J. P. Olsen.* The new institutionalism: organizational factors in political life // American political science review 78.03 (1983): 734–749.

23. Olsen J. P., Cohen M. D., and March J. G. A Garbage Can Model of Organizational Choice // *Administrative Science Quarterly* (1). 1972. P. 1–25.

24. *Prelot M. La science politique. Paris, 1961.*

2.4. Политическая элитология

Элитология и элитологический подход к анализу социальных процессов: генезис и развитие

Анализируя современную научную литературу, так или иначе трактующую механизмы и движущие силы социально-политических процессов, мы можем констатировать возрастающую значимость и популярность элитологического подхода. В этом видится симптом не только эвристических возможностей самого по себе элитизма, но и более широких парадигмальных изменений в современной политологии. Суть этих изменений состоит в перемещении центра внимания с объективистских схем и логических систем ко все более пристальному изучению роли социально-политических субъектов разного уровня в происходящих социальных трансформациях. В свою очередь, среди субъектов разного порядка обращается внимание на наиболее деятельных и активных, которые, зачастую и могут рассматриваться как своеобразные коллективные (или индивидуальные) режиссеры динамичных изменений в обществе, влекущих значимые и даже революционные перемены.

В итоге выстраивается методологическая схема, в рамках которой триада «масса – элита – лидер» начинает рассматриваться не только в качестве стержневой, где акценты расставлены по нарастающей: от первого к последнему члену триады, но и в рамках данной системной триады детально изучаются роль и место, отводимые каждому ее ключевому члену, а также механизмы, обуславливающие их эффективное взаимодействие.

Нужно отметить, что сам элитологический подход сформировался еще в конце XIX – начале XX в. в острой мето-

логической полемике и оппозиции к марксистской методологии. Да и в первой половине XX в. в социально-гуманитарном познании он был недостаточно востребован. Эгалитарские и массово-демократические ценности оказывали мощное мировоззренческое воздействие на формирование как фундаментально-теоретических подходов (конфликтологический, бихевиористский, системный и структурно-функциональный), так и приложений к системе социального управления.

Поворот во второй половине XX в. от «восстания масс» к «восстанию меньшинств»¹ произвел методологическую ревизию и на парадигмальном уровне социально-гуманитарного знания, что вновь востребовало элитологический подход и заставило иначе взглянуть на движущие механизмы всего общества.

Несмотря на не столь уж продолжительную историю, можно выделить несколько этапов развития научной элитологической мысли.

В классической элитологии, созданной усилиями Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса и их последователей, в составе элит выделялись прежде всего властвующие группы, положение которых определялось их аристократическим происхождением, владением крупной собственностью и финансами, возглавляющие государственные институты (крупная бюрократия, военные). Особенно подчеркивалась роль этакратической элиты (государственная бюрократия) в структуре политических элит. Анализ классических работ политической элитологии показывает, что всю совокупность теорий, касающихся: а) происхождения элиты, б) ее функций и места в обществе, в) состава элиты, можно разделить условно на две группы: **властные и меритократические теории элиты**. Первые понимают элиту как властные структуры общества, вторые – как самых достойных членов общества.

Сторонники **понимания элиты как власти** – это прежде всего Г. Моска, Г. Лассуэл, А. Этциони. Элитой они называют

---

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. М., 1998; *Лэи К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

тех, кто занимает ключевые позиции в управлении обществом, имеет реальную власть. При этом совершенно не важно, обладают ли эти люди какими-то личными достоинствами или заслугами. Лидерами нации их делает власть, а не личные качества. Последователи властной теории элиты по-разному толкуют власть. Эта разница диктуется двумя подходами, а именно – структурным и функциональным. Согласно структурному подходу, к элите относят тех, кто занимает высшие должностные позиции в формальной иерархии (министры, директора, военачальники), а согласно функциональному – тех, кто реально принимает важнейшие управленческие решения, даже не будучи облеченным формальными полномочиями, например теневой кабинет.

Представители **меритократического подхода** убеждены в том, что в обществе в ходе эволюции утвердился принцип выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев. Термин «меритократия» (от лат. *meritus* – достойный и греч. *kratos* – власть, букв. «власть наиболее одаренных») был введен английским социологом М. Янгом. Данная концепция нашла отражение в работах М. Вебера, В. Парето, А. Тойнби. Власть элиты оправдана в том случае, если у руля общества находятся самые светлые умы и самые здоровые нравственные силы нации. В демократическом обществе, по мнению приверженцев этой теории, так и происходит. Нужно подчеркнуть, что властный подход был более представлен в классической элитологии и вполне закономерен. Он обусловлен прежде всего достаточно четко просматривающейся классовой структурой классического буржуазного общества или традиционного общества и местом правящих групп в них. Классическая элитология имела дело с вполне определенной формой организации политической власти.

Постепенный отход от чисто властно-диспозиционного и этакратического понимания элиты и переход к меритократическому, существенно расширившему круг претендентов на место в элите, был связан со значительными изменениями

как в самом обществе (демократизация, менеджеризация, научно-техническая революция), так и во взглядах на природу политической власти.

Здесь прежде всего мы должны отдать должное функционально-технологическим концепциям элиты, появившимся в 40–50-е гг. XX в. (Т. Веблен, Дж. Бернхэм, Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и др.).

Один из основателей этих теорий Т. Веблен считал, что поскольку главную роль в современном производстве играет инженерно-техническая интеллигенция, то именно она и должна быть элитой общества. Эти взгляды носили печать утопизма. И не случайно в годы Великой депрессии 1929–1932 гг. перепуганная угрозой забастовок и смут бизнес-элита относила Веблена и его сторонников к «розовым», поскольку те отстаивали идеи демократизации управления, необходимости передать бразды правления профессионалам-управленцам, прежде всего из технической интеллигенции.

Второе поколение сторонников технологического детерминизма возглавил Дж. Бернхэм, который в своем программном произведении «Менеджерская революция»¹ утверждал, что на смену капитализму придет не социализм, а «менеджеризм». По его мнению, менеджерская революция приведет к власти новый правящий класс – элиту управляющих. Если Веблен призывал инженеров и техников оттеснить бизнесменов и взять в свои руки руководство индустрией и социальной жизнью в целом, то Бернхэм считал неправомерным относить к элите рядовых инженеров и техников. Он именует их просто «квалифицированными исполнителями». К элите менеджеров он относит директоров, председателей советов, президентов крупнейших корпораций – тех, кто «фактически управляет процессом производства, независимо от юридической и финансовой формы – индивидуальной, корпоративной, правительственной».

Ссылаясь на разделение собственности и контроля, Бернхэм утверждал, что в индустриально развитых странах произошло

---

¹ *Burnham J. The Manageria Revolution. N. Y., 1941.*

отчуждение функции управления от функции собственности и что первая приобрела решающее значение. Отсюда вывод: подлинной элитой являются не капиталисты, а управляющие и высшее звено администрации.

Бернхэм представляет менеджеров как новый класс, не связанный с капиталистами, а рекрутируемый из всех классов общества, вбирающий в себя наиболее способных людей. Положение, роль и функции менеджеров, по его мнению, ни в коей мере не зависят от сохранения капиталистической собственности, они связаны с расширением государственного регулирования экономики. Государственно-монополистические тенденции рассматриваются как фактор подрыва устоев капитализма. К новой элите Бернхэм относит, помимо управляющих промышленными корпорациями, руководителей правительственных учреждений. Он пишет, что в менеджерском обществе происходит политизация всех сторон жизни. В капиталистическом обществе политика и экономика – отдельные сферы социальной жизни, в «менеджерском» это различие исчезает, равно как и границы между политиками и «капитанами индустрии». Капиталисты контролируют государство косвенно, менеджеры непосредственно. Если в капиталистическом обществе власть сосредоточена в парламентах, то в менеджерском – в административных органах.

Идеал общественного устройства Бернхэм видит в государственно-монополистическом капитализме, при котором элита менеджеров управляет массами и живет за их счет. Он откровенно признает, что пропагандируемая им социально-политическая система может быть названа «типом корпоративной эксплуатации... Менеджерская группа эксплуатирует остальное общество».

Утверждения теоретиков «элиты управляющих» о том, что класс менеджеров становится новой элитой, оправдались лишь отчасти, поскольку старый класс оказался способен к значительным перегруппировкам и ответам на вызовы времени. Он просто «приватизировал» новые функции и социально-профессиональные роли. Исследования западных со-

циологов показывают, что большинство высших менеджеров являются выходцами из привилегированных слоев общества.

В 80-е гг. XX в. не вполне оправдались надежды технократических теоретиков на развитие техники как панацею от всех социальных противоречий. Выявились схематизм и неполнота представлений научно-технической интеллигенции о процессах управления обществом, ее политические амбиции не реализовались. Власть капитала и бюрократии оказалась сильнее надежд интеллигенции на достижение паритета по отношению к власти, что способствовало охлаждению к либералистским концепциям.

Описанный выше аспект социально-структурных изменений, связанный с формированием постиндустриальных укладов и обслуживающих их интеллектуальных групп, необходимо включить в социально-политический контекст, обусловленный новым уровнем демократизации общества и возникновением более сложных форм политического управления.

Появление влиятельных научно-технических, менеджерских, культурных элитных групп существенно сказывается на властных взаимосвязях, все более задействуя ресурсы власти как влияния.

*Принципы, установки и основные идеи
современной элитологии*

Следует подчеркнуть, что в отечественном обществознании, и прежде всего в политологии, в последние годы были предприняты значительные усилия по разработке элитологического подхода, который в настоящее время, с нашей точки зрения, может претендовать на статус парадигмы.

Хотелось бы более подробно остановиться как на анализе итогов самих усилий и результатов политической элитологии, так и на статусе элитологической парадигмы в современной политологии.

Прежде всего подчеркнем, что дилемма «элитизм – эгалитаризм» является основополагающей для философии и обще-

ствознания. Их противостояние прослеживается на протяжении многих веков в истории философской мысли и общественного сознания. Эгалитаризм исходит из идеи равенства имущественного положения, социальных возможностей или результатов деятельности. Эгалитаризмом пронизано христианское вероучение. Светский эгалитаризм получил широкое распространение начиная с буржуазных революций (Г. Бабеф, Ж.-Ж. Руссо и др.). Не случайно Ницше не видел большой разницы между идеологией Французской революции и социализмом, с одной стороны, и христианством, с другой, которые он считал тождественными по духу и пронизанными «рабской моралью».

Эгалитаризм объясняет свою правомерность, выделяя антропологические, ценностно-гуманистические, этические, экологические и иные основания. В них включены такие параметры человеческого (индивидуального и социального) бытия, как альтруизм и забота о ближнем, идентификация с другими, солидарность и склонность к общежитию в составе крупных социальных организаций, неустойчивость конфликтующих крупных социальных организаций и др.

Влияние разных форм эгалитаризма приводило к утверждению различных форм демократического устройства и системы демократических ценностей. Отступления от этих форм, аристократизация, в особенности в условиях высокой общественной динамики и массовой социальной стандартизации, приводили к «восстанию масс» и утверждению эгалитаризма в масштабе целых государств и сообществ государств.

Элитистские идеи и установки вплоть до конца XIX в. развивались в рамках социально-философских концепций (Платон, Конфуций, Карлейль, Ницше). В конце XIX – начале XX в. начинает формироваться элитология как научное направление (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, П. Сорокин, Н. Бердяев и др.). Элитизм основан на утверждении о естественном антропологическом, интеллектуальном, социальном неравенстве людей и их неизбежном расслоении на группы, среди которых доминирующая роль, несмотря на действие сдерживающих социальных механизмов, так или иначе отхо-

дит немногочисленной (2–5 %) аристократической (или меритократической) группе, определяющей путем властного или иных форм воздействия пути развития общества. Наличие руководящего (правлящего) класса обусловлено в первую очередь все возрастающей ролью управленческой деятельности в обществе и неравными способностями и склонностями (желанием участвовать) различных людей в этой сфере.

Таким образом, как подчеркивает ряд отечественных и зарубежных политологов, значимость элитологического знания возрастает прежде всего в силу действия реальных факторов политических процессов, что обуславливает формирование парадигмальных запросов к элитологическим исследованиям и знаниям, а не только узконаучных. В этом ключе важно осознание таких компонентов парадигмы, как базовые принципы и регулятивы исследований, фундаментальные концептуальные положения, выводы и следствия, интерпретирующие все стороны политического процесса, а не только связанные непосредственно с предметом элитологического познания.

Характеризуя систему принципов элитологии, хотелось бы отметить, что одна из первых попыток их систематизации и обоснования была предпринята нами еще в середине 90-х гг. XX в. и в последующем развита¹. Данные принципы и основания элитологической парадигмы описаны ниже.

Система объективных факторов, обуславливающих дальнейшее развитие и даже рост элитарных факторов в социальном развитии, составляет содержание **принципа социальной и антропологической детерминации элит**. К этим факторам следует отнести: 1) антропологическое неравенство; 2) продолжавшуюся в процессе социального и цивилизационного развития профессионализацию управленческого труда и растущую социальную значимость управленческой деятельности; 3) асимметричное (ввиду положения управленцев) разделение

---

¹ См.: Понеделков А. В., Старостин А. М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998. С. 17–21; Старостин А. М. Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов н/Д, 2005. С. 42–46.

распорядительных и контрольных функций в социальном управлении, доминирование первых над вторыми (и порой подавление последних); 4) узкоизбирательные формы политической и управленческой активности широких масс населения (электоральное поведение, акции протеста) и преобладание политической и управленческой пассивности.

Естественно, что действие перечисленных факторов со временем меняется, но не отменяется. Исходя из принципа активной социальной и антропологической детерминации, разрабатываются те или иные критерии элитности.

Анализ элитологической мысли и практики в ее западной, восточной (которая изучена значительно слабее) и российской версиях показывает существенную зависимость той или другой из них от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующих культурно-мировоззренческих ориентаций. Если западные культурно-мировоззренческие ориентации строятся на таких опорных категориях, как «индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум», то восточные – на таких универсалиях, как «государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность». Своеобразие российских культурно-мировоззренческих ориентаций образуют такие базовые элементы, как «общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость». Есть свои особенности и на региональном уровне.

Данные проявления относятся к сфере действия **принципа цивилизационного своеобразия элит**. В частности, этот принцип позволяет более концентрированно осмысливать особенности деятельности российских элит.

Цивилизационная и геополитическая специфика России и в наше время разрушает все попытки перенесения на ее почву западно-ориентированных схем и механизмов социального развития и управления¹.

---

¹ См., например, работу А. П. Прохорова «Русская модель управления» (М., 2002), где данный подход получает подробное обоснование.

Указанные элитологические принципы следовало бы дополнить и теми положениями, которые были сформулированы еще в рамках классической элитологии.

К важнейшим из них следует отнести **принцип циркуляции элит**, или принцип В. Парето. Согласно этому принципу, развитие общества осуществляется посредством чередования или циркуляции различных типов элит: более авторитарные и жесткие сменяются более демократичными и склонными к компромиссам. Отметим, что данный принцип в разной форме высказывался, по существу, всеми классиками элитологии.

С нашей точки зрения, применительно к современным условиям можно говорить о существовании «малой» и «большой» циркуляции. В рамках «малой» происходит смена элитных групп аристократического типа. «Большая» циркуляция приводит к их замене, а также, усиливая эгалитарные тенденции, существенно меняя социально-политическую систему, приводит к власти политический режим с эгалитарными установками.

Наметки к обоснованию данного принципа мы находим в ряде современных работ, в которых предпринимаются шаги к тому, чтобы доказать объективность действия в обществе сил не только поступательной направленности, но и циклической¹.

Еще один важный принцип был сформулирован в рамках классического периода – это **принцип олигархизации элит**, или принцип Р. Михельса. Суть его в том, что, как полагал Р. Михельс, в обществе действует «железный закон олигархических тенденций», который проявляется в том, что создание крупных организаций неизбежно ведет к олигархизации общества и формированию элиты вследствие действия целой цепочки взаимосвязанных факторов.

Человеческая цивилизация невозможна без наличия крупных организаций. При этом руководство ими не может осу-

---

¹ См., например: *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005; *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. М., 2003; *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М., 1992.

ществляться всеми членами организаций. Деятельность таких организаций требует рационализации функций, выделения руководящего ядра и аппарата, которые постепенно, но неизбежно выходят из-под контроля рядовых членов, отрываются от них и подчиняют политику собственным интересам руководства, заботятся в первую очередь о сохранении своего привилегированного положения. Массы же членов организаций недостаточно компетентны, пассивны и проявляют равнодушие к повседневной деятельности организаций и политике в целом.

Действие принципа Р. Михельса некоторым образом пересекается с принципом социальной и антропологической детерминации. Но далеко не полностью. В частности, его собственное действие приводит к образованию иерархии элитных групп, а также к эффекту «оборачивания» во взаимодействии «аппарата» (бюрократии) и «учредителей».

К перечисленным положениям, по нашему мнению, следовало бы также добавить **принцип консолидирующих механизмов** в элитогенезе и функционировании элит. Ибо без установления реальных механизмов, позволяющих элитным группам возникнуть и успешно конкурировать между собой, бороться за власть и эффективно использовать ее, неясны факторы, которые помогают тем или иным элитным группам сплотиться в правящий класс и достаточно долго (десятилетиями, а то и столетиями) оставаться у власти. Активное поведение верхушки элитной группы, направленное на ее консолидацию, привлечение к совместным действиям субэлитных групп и широких масс и осуществление долговременных целенаправленных действий, позволяет говорить о проявлениях политической воли и эффективности деятельности элит.

Наряду с отмеченными принципами, раскрывающими содержательную сторону элитогенеза и функционирования элит в обществе, следует отметить значимость гносеологических принципов, без опоры на которые элитология останется на феноменологическом (описательном) и ситуативном уровне.

Ранее уже указывалось на важность для элитологии **принципа идеалов и норм научной рациональности**¹. Прежде всего он означает признание равноправия (и отсюда – плюрализма) различных моделей элит в процессе их исследования. Естественно, что эти модели конкурируют между собой, однако результатом длительного диалога между представителями разных моделей является, скорее всего, не «поражение» одной или утверждение в качестве «единственно верной» другой, а взаимная дополнительность или конвергенция.

Что касается конкретизации данных принципов на теоретическом уровне, то речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. Обозревая те из них, которые появились в нашей элитологической мысли и получили известность: концепции региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской элитологических школ, концепцию этнократических элит М. Х. Фарукшина, концепцию социально-управленческих типов взаимодействия элит А. Е. Чириковой и Н. И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О. В. Гаман-Голутвиной или концепцию ценностной обусловленности деятельности элит А. К. Магомедова, практически везде можно увидеть не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретную характеристику российских политических процессов того или иного исторического периода.

Иными словами, мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии.

Особенности элитогенеза в современном российском обществе

Если говорить о российских условиях, то здесь недоостроенность взаимоотношений ветвей и уровней государственной власти, неполнота правовой базы и почти полное отсутствие

---

¹ См.: Понеделков А. В., Старостин А. М. Указ. соч. С. 20.

эффективных институтов гражданского общества приводят к тому, что публичная власть зачастую становится лишь декорацией для непубличных действий и решений. Именно такого рода действия и принято считать теневыми. Они выстраиваются в систему, которую затем трудно сломать.

Сопоставление социального контекста и факторов нового российского элитогенеза позволяет понять не только перспективы «ростков нового» на уровне элит, но и истоки их отчуждения от общественных интересов, а также воспроизводства стилевых поведенческих форм, которые, казалось бы, давно ушли в прошлое.

Углублению этих представлений способствует также структурно-функциональный анализ элит и внутриэлитных отношений.

На основе анализа динамики развития постсоветских элит, включая их региональный уровень, можно утверждать, что специфика распределения российского «властного капитала» (и ныне, и в номенклатурные времена) состоит в монополизации властных функций узким кругом лиц, в существовании формального или неформального «политбюро» – центра политических решений. Далее – включение (зачастую неформальное) в «высший» состав лиц, входящих в околоэлитное окружение, но не имеющих формальных элитных прерогатив: это помощники, советники, начальники вспомогательных служб (например, охрана), политические обозреватели и консультанты, редакторы газет, лечащие врачи, родственники и т. д. Серьезное воздействие на подготовку и принятие решений оказывают аналитико-информационные отделы и службы, осуществляющие работу с информацией и документами и ведающие правом доклада руководству или допуска на доклад: канцелярия, общий отдел, Администрация Президента – вот примерно эквивалентные по значимости структуры, обслуживающие высшую власть России и серьезно влияющие на принятие государственных решений. Словом, в составе групп влияния на власть присутствует большое число полуэлитных, неэлитных и непрофессиональных элементов, кото-

рые проще обозначить старым и понятным русским словом – «двор». Власти недостает рационально-бюрократических признаков. Отмеченные особенности высшей политической элиты России проецируются по вертикали – на высшие политические эшелоны регионального уровня и по горизонтали – на другие центры власти (правительство, парламент, центральные аппараты политических партий и общественных движений).

Важным в характеристике политических элит выступает анализ механизмов формирования, выстраивания карьерной лестницы, инфильтрации элит между собой. Новая российская элита прошла период «первичной стабилизации» и в значительной мере «утрамбовалась». От открытого состояния элита опять постепенно движется в состояние закрытости. Действует в полной мере тенденция «аристократичности», открытая Г. Москвой. Внутри ее высшего эшелона возможны и неизбежны перестановки, но они связаны не с прорывами совершенно новых, свежих сил, а с перегруппировкой первого, более возрастного эшелона и второго – более молодого. Он выдвигается на ведущие позиции подобно тому, как это уже было в начале 1990-х гг.

Этот этап, с одной стороны, сближает современную российскую элиту с институционализированными формами воспроизводства и продвижения, характерными для западных элит. Но с другой – сохранилась преемственность с номенклатурной ротацией кадров. Типичной стала ротационная кадровая схема: «политическая элита – административная элита – бизнес-элита». Она как бы воспроизводит в обратной последовательности прежнюю номенклатурную схему: «хозяйственный руководитель – административный работник – политический руководитель». Указанная особенность, с одной стороны, маргинализирует элиты, а с другой – за счет повышенной циркуляции и инфильтрации повышает степень их корпоративности. В этом отношении новая российская политико-административная элита ближе к номенклатурной, нежели к западному типу политико-административной элиты.

Что касается деятельностных характеристик, то следует обратить внимание на то, что современная политическая элита России так и не смогла «капитализироваться» и по-прежнему действует административными методами в руководстве политическими и экономическими процессами. Они направлены не на создание и приращение новых возможностей, а по преимуществу на передел и перераспределение имеющихся ресурсов. Доминирующей остается перераспределительная (или редистрибутивная) черта.

Стилевые характеристики деятельности российской политической элиты могут быть дополнены также сопоставлением используемых у нас и на Западе методов управленческого воздействия. В этом плане российская элита сохраняет приверженность программно-целевым подходам. Это отражает, вероятно, не только преобладание технократических характеристик в ментальности элит, но и действие ряда объективных факторов.

Анализ политических, социально-экономических и цивилизационных особенностей развития России показывает, что, в отличие от западных государств, для российской действительности программно-целевой метод политического управления оказывается наиболее адекватным и единственным, позволяющим сохранить государственную целостность и идентичность в условиях сложившихся геополитических и географо-климатологических реалий. Что касается социально-представительского типа управления, к которому тяготеет Запад, то он более адекватен для развития России на региональном уровне, да и то – не повсеместно (значительная часть северных и восточных территорий не сможет длительное время существовать без опоры на программно-целевые методы и на региональном уровне).

Так что воспроизведение современной политической элитой некоторых форм и методов номенклатурной системы объясняется не только генетическими причинами, но и цивилизационными особенностями России.

В отношении новой конфигурации российских политических элит нужно сказать, что она начинает просматриваться

в последние 10–15 лет не только в связи с появлением прагматичного и рационально мыслящего лидера (президента), но и в связи со значительными изменениями внутреннего и внешнего политического порядка.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на заметное восстановление роли и места силовых элементов в составе политических элит. Это связано не только с личностью президента В. В. Путина, которому ближе и понятнее, в силу профессионального воспитания, стиль и методы военно-административных подходов. Это также обусловлено, с одной стороны, существующими геополитическими реалиями и значительной утерей России военно-стратегических ресурсов и прежнего военно-политического имиджа, который продолжал ее предохранять от традиционных для ее истории угроз безопасности. С другой стороны, речь следует вести о создании долговременных гарантий новому классу собственников, которые в существенной мере создает именно силовая составляющая государственной власти.

Касательно других изменений в конфигурации элит следует подчеркнуть продолжающееся замещение влияния научно-технических и гуманитарных элит информационной элитой. Вместе с тем она поставлена в определенные иерархические рамки. С позиций внешней независимости и амбициозности, пожалуй, переведена в ранг «отдела пропаганды». Прежняя претензия на выполнение роли гражданского общества, независимого и неприкасаемого социального критика отставлена политико-административной элитой и конвертирована в инструмент обслуживания власти.

Наблюдаемые изменения в конфигурации политических элит России во многом связаны с отходом от периода революционной романтики начала 1990-х гг. и прагматизацией политического управления. Эпоха экономических поисков, политических проб и ошибок не оставила новому поколению политиков практически никаких ресурсов, кроме административных.

Отмеченные тенденции российского элитогенеза и его социального контекста позволяют говорить о специфичных от-

ношениях властвующих элит и общества, которые сформировались в России. Они, в свою очередь, свидетельствуют не только о развивающемся процессе ретрадиционализации общественных отношений, но и о тенденциях авторитаризма, которые свойственны для развития российских элит на всех уровнях.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы сущность и идейное содержание «элитологического» подхода в политологии?
2. На какие две большие группы можно разделить все теории элит в политологии? Охарактеризуйте их.
3. Какие особенности формирования современной российской политической элиты вы можете выделить?
4. Что представляет собой современная политическая элита в России?
5. Проведите сравнительный анализ советской и постсоветской политической элиты и выявите степень общего и различного.
6. Чем была обусловлена необходимость усиления административных механизмов во властвовании российских политических элит в начале 2000-х гг.?
7. Каково место российской интеллектуальной элиты в конфигурации межэлитных отношений?
8. Что такое элитократия?
9. Каковы основные методологические принципы элитологии и их содержание?
10. Как соотносится концепция бюрократии с теорией элит?
11. Каковы рациональные основания элитистского и эгалитаристского подходов к обществу и его политическому устройству?
12. Можно ли с позиций элитологического подхода, парадигмы интерпретировать основные политические процессы и отношения?

Рекомендуемая литература

1. *Ашин Г. К., Понеделков А. В., Старостин А. М., Кислицын С. А.* Основы политической элитологии. 3-е изд., доп. М.: URSS, 2015. 520 с.
2. *Грамли А.* Избранные произведения. Т. 3. М., 1957. 211 с.
3. *Кочетков А. П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. 2011. № 5. С. 8–20.
4. *Лапина Н., Чурикова А.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999. 192 с.
5. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. 224 с.
6. *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959. 844 с.
7. *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
8. *Московичи С.* Век толп. М., 1998. 482 с.
9. *Понеделков А. В.* Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. 512 с.
10. *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1998. 120 с.
11. *Прохоров А. П.* Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал “Эксперт”», 2002. 376 с.
12. *Розов Н. С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С. 29–41.
13. *Старостин А. М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. 424 с.
14. *Хигли Д.* Демократия и элиты // Полития. 2006. № 2 (41). С. 22–31.

Глава 3. НОВЕЙШИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.1. Политическая коммуникативистика

Изначально понятие «коммуникация» употреблялось только в технических сферах и военной терминологии, но стремительная информатизация общества, последовавшая за появлением технических средств массовой передачи сообщений (радио, развитая печатная пресса и т. д.), а затем и применение этих новых возможностей в политической сфере привели к возникновению нового термина «политическая коммуникация» и быстрому росту исследований в этой области. Результатом углубленного изучения влияния политической коммуникации на массовое сознание людей стало переосмысление закрытых, казалось бы, вопросов. Так, широкое распространение получила работа К. Дойча «Национализм и социальная коммуникация», где автор наносит решительный удар по примордиалистской концепции нации и доказывает исключительное значение коммуникации в формировании национальной идентичности¹.

Под *массовой политической коммуникацией* следует понимать процесс производства, передачи и восприятия информации в политике, вовлекающий в коммуникативное взаимодействие большое количество участников. Как правило, для достижения этой цели требуется применение разнообразных технических средств (печатная пресса, радио, телевидение, Интернет), называемых средствами массовой информации, а также коммуникативных политических технологий (PR, реклама, пропаганда, агитация).

Зарождение процесса научного изучения политической коммуникации обычно относят к периоду Первой мировой

---

¹ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 62–71.

войны. Вторым значимым импульсом для развития этой отрасли знаний стала Вторая мировая война. Военные нужды подталкивали правительства воюющих государств вкладывать средства в сферу изучения прикладных особенностей ведения психологических войн, пропагандистских кампаний с целью усиления эффективности предпринимаемых действий, повышения лояльности граждан правительству. Первая половина XX в. даровала политической коммуникации как научной отрасли имена исследователей, которых принято считать пионерами, основоположниками. Это Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902–1978), Уолтер Липпман (1889–1974), Поль Лазарсфельд (1901–1976) и Карл Ховланд (1912–1961).

Начальный этап изучения массовой коммуникации основывался на бихевиористской логике «стимул – реакция», согласно которой средства массовой информации способны склонить граждан к любой точке зрения. В литературе данный подход называют теорией «магической пули»: сообщения массмедиа принимаются членами аудитории одинаково, а точка зрения, распространяемая СМИ, как магическая пуля, способна попасть из одной головы в другую при помощи специально подобранной информации (системы стимулов)¹. Эдвард Бернейс, находясь под влиянием теории «магической пули», писал: «...Всеобщая грамотность дала человеку не разум, а набор штампов, смазанных краской из рекламных слоганов, передовиц, опубликованных научных данных, жвачки желтых листов и избитых исторических сведений – из всего чего угодно, но только не из оригинальности мышления. У миллионов людей этот набор штампов одинаков, и, если на эти миллионы воздействовать одним и тем же стимулом, отклик тоже получится одинаковый»².

Как мы видим, начальный этап изучения массовой коммуникации отличался крайне пессимистическим взглядом на роль медиа и СМИ. Гарольд Лассуэлл, которого принято счи-

---

¹ Бакулев Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 37–40.

² Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. С. 14.

тать основоположником теории «магической пули», полагал, что даже самая грубая пропаганда способна оказывать сильное воздействие на сознание среднего человека. Однако позднее ученый сам отказался от этого утверждения. Новая теория Лассуэлла предполагала, что для успешного воздействия на массовое сознание требуется детально разработанная длительная стратегия, которая осторожно внедряла бы и культивировала новые идеи и образы. Результатом данной кампании должно быть то, что Лассуэлл называл «коллективными» или «эталонными» символами, которые будут ассоциироваться с сильными эмоциями. По его мнению, эти символы, если их правильно использовать, могут привести к масштабным массовым действиям.

Гарольд Лассуэлл также предложил первую знаменитую пятиступенчатую коммуникационную модель: КТО – ЧТО говорит – по КАКОМУ КАНАЛУ – КОМУ – с КАКИМ ЭФФЕКТОМ. Таким образом, Лассуэлл выделил пять компонентов коммуникационного акта: коммуникатор, сообщение, технические средства, аудитория, результаты, которые заслуживают пристального изучения и рассмотрения, поскольку каждый из них способен повлиять на процесс коммуникации. Данную модель ученый позже дополнил следующими элементами: «кто, с какими намерениями, в какой ситуации, употребляя какую стратегию, достигает какой аудитории, с каким результатом»¹. Подход Лассуэлла критиковали за отсутствие в цепочке цели коммуникации, а также за ее императивную направленность – недооценку обратной связи.

Разработанная Лассуэллом модель коммуникативного акта неоднократно дополнялась и развивалась. Так, в конце 1940-х гг. К. Шеннон и У. Уивер, специализировавшиеся прежде всего на технических аспектах коммуникации, предложили следующую модель: коммуникатор создает сообщение, которое поступает в передатчик, где принимает форму сигнала для приемника. Последний восстанавливает сообщение из

---

¹ *Панарин И. Н.* СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012.

полученного сигнала, и затем оно достигает адресата. Важно отметить, что ученые ввели еще один элемент коммуникационного процесса – шум (помехи), который искажает переданный сигнал. В 1970 г. Мелвин Дефлер усовершенствовал схему Шеннона – Уивера и тем самым ликвидировал одну из главных претензий к модели: добавил обратную связь, которая реализуется с той же последовательностью (коммуникатор – передатчик – канал – приемник – адресат) при возможном воздействии шума на каждом этапе¹.

Лассуэлл, как и Липпман, считал, что познавательные способности среднего человека весьма невысоки, поэтому необходимо участие интеллектуальной элиты в процессе управления обществом. Эта технократическая элита должна была отделить вымысел, ложь, вредную информацию и помочь гражданам принять правильные решения.

Уолтер Липпман внес существенный вклад в коммуникативистику тем, что ввел в научный арсенал понятия «стереотип» и «повестка дня». Хотя Липпман не был первым исследователем, который заявил о существовании неких «когнитивных карт», направляющих поведение человека, именно его работа «Общественное мнение» стала причиной более интенсивных исследований этого явления. Более того, У. Липпман предложил термин «стереотип», который впоследствии был широко принят в научных кругах. Согласно Липпману, стереотипы – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Липпман выделяет следующие характеристики стереотипа:

1. Стереотипы позволяют упрощать сложную реальность, те процессы, явления, которые требуют больших мыслительных усилий, очень просто могут уложиться в уже готовый «шаблон» в сознании индивида.

---

¹ Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 1999. № 1.

2. Стереотипы живучи.

3. Все стереотипы в той или иной мере ложны, согласно Липпману.

4. Наконец, четвертая характеристика, на которую стоит обратить особое внимание, – это то, что стереотипы формируются не сами по себе, а под влиянием репрезентативных групп и СМИ¹.

С именем Уолтера Липпмана связано и понятие «повестка дня». В первой главе своей работы «Общественное мнение» он пишет, что «СМИ являются основным связующим звеном между событиями в мире и людьми, и они определяют, как эти события будут отражены в умах общественности»². Далее теория повестки дня была развита такими исследователями, как М. Маккомбс, Д. Шоу, Б. Коэн и др. Аккумулируя все эти идеи, мы можем выделить следующие важные для нашего анализа моменты:

1. Повестка дня конструирует общественную осведомленность и обеспокоенность.

2. СМИ не передают реальность и действительность, а формируют ее.

3. СМИ выбирают наиболее важные проблемы, концентрируют на них внимание общества.

Несмотря на значительный прогресс в изучении теории повестки дня (*agenda-setting*), до сих пор остаются открытыми вопросы: как долго СМИ могут представлять те или иные события как чрезвычайно важные? Где проходит та самая красная линия, когда аудитория становится немой относительно той или иной информации, предлагаемой в СМИ?

Эффекты воздействия медиа на аудиторию изучал доктор философии из Вены Поль Лазарсфельд, который своими эмпирическими исследованиями опроверг логику «теории магической пули». Результаты многочисленных изысканий, проведенных Лазарсфельдом, показали весьма ограниченный

---

¹ Липпман У. *Общественное мнение*. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. С. 95–138.

² Там же. С. 27–53.

эффект от медиавоздействия. В частности, одно из исследований продемонстрировало, что 53 % избирателей сделали свой выбор еще до начала активной предвыборной кампании; 24 % сделали предсказуемый выбор и остались ему верны; 15 % долго не могли определиться, поддерживали то одного кандидата, то другого, но в конце все-таки вернулись к первому варианту. Лишь 8 % респондентов, участвовавших в научном проекте, связанном с наблюдением за политическим поведением избирателей, изменили первоначальную точку зрения и политическую позицию¹. Более того, по мнению Поля Лазарсфельда, на большинство «неустойчивых» избирателей повлияли не сообщения СМИ, а другие люди, которые казались более компетентными и сведущими, чем участники проекта. Основываясь на этом, Лазарсфельд разработал свою теорию «лидеров мнения», оказавшую сильное влияние не только на дальнейшие исследования в этой области, но и на работу СМИ (газеты и радио) того времени. Таким образом, итогом исследования стало выявление среди реципиентов информации двух групп: лидеров мнений и последователей мнений. Этот вывод стал основой идеи о двухступенчатой модели передачи информации: первичная (референтная) группа воспринимает сообщение медиа и затем влияет на последователей, которые при этом находятся или на той же ступени социальной лестницы, что и лидеры мнений, или ниже. Также Лазарсфельд утверждал, что эффект лидеров мнения распространяется на все сферы и уровни общества. Лидеры мнения имеются практически в любой области и по любому вопросу, который может возникнуть в повседневной практике.

Лазарсфельд пришел к выводу, что основная миссия медиа – совсем не изменение представлений получателей информации, а укрепление их уверенности в собственной правоте. Подобные результаты относительно процесса восприятия пропагандистских сообщений получил и Карл Ховланд,

---

¹ *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. С. 134–136.

изучавший воздействие на солдат специализированных фильмов, призванных укрепить боевой дух. Общий вывод, который сделал исследователь, таков: киноленты дали много фактической информации, но слабо повлияли на установки зрителей и их отношение к войне. Ховланд разработал и реализовал программу изучения воздействия на людей коммуникационного акта при использовании переменных элементов: различных качеств источника (желание убедить, привлекательность источника, близость источника и получателя, власть источника, доверие к нему), дифференцированного содержания (понятность, число аргументов, вознаграждение внутри сообщения, увеличение или уменьшение страха, только положительные аргументы или сочетающиеся с отрицательными, порядок презентации сообщения, повтор сообщения, стиль презентации), канала (межличностный контакт или массмедиа, характеристика канала), характеристики получателя информации (ум, пол, самоуважение)¹. Итогом стал вывод о том, что сообщения, рассчитанные на всех, в целом производят незначительный эффект, в то время как дифференциация инструментария воздействия повышает его эффективность².

Карл Ховланд сформулировал еще несколько выводов, получивших широкое распространение:

«1. Источники с высоким уровнем доверия ведут к большим изменениям отношений сразу после акта коммуникации.

2. Слабое использование страха ведет к большим изменениям, чем сильная опора на страх.

3. Чисто позитивные сообщения лучше влияют на людей с низким уровнем образования. На людей с высшим образованием лучше воздействует выдача как позитивных, так и негативных аргументов (аргументов «за» и «против»).

4. Наличие в сообщении четкого вывода действует лучше, чем спрятанный вывод.

---

¹ Почепцов Г. Г. Психологические войны. С. 136–137.

² Бакулев Г. П. Указ. соч. С. 51–53.

5. Индивиды, связанные с группой, слабее подвергаются воздействию по вопросам, вступающим в противоречие с групповыми нормами»¹.

Вопросам восприятия информации в коммуникационном процессе посвящены работы Л. Фестингера, Дж. Клаппера, М. Дефлера, С. Болл-Рокич, которые обратили внимание на селекцию людьми получаемой информации в соответствии с их собственными мнениями и оценками. Человек, как показали исследования ученых, стремится избежать тех сообщений, которые не соответствуют его убеждениям. Это открытие показало, что сама по себе коммуникация еще не является достаточным фактором достижения нужного эффекта. Вместе с тем люди близких социально-демографических категорий (возраст, пол, доход, социальное положение, вероисповедание и пр.) часто придерживаются схожих точек зрения, а следовательно, выбирают одинаковое содержание в медиа, одинаково его интерпретируют и реагируют на него².

Дальнейшее исследование коммуникационных процессов сосредоточилось на изучении функций и эффектов массмедиа. Распространение телевидения, повсеместное развитие радиосети, массовая печать поставили ряд насущных вопросов, среди которых главным был следующий: каково влияние медиа на граждан (в том числе на детскую аудиторию)? Разработки Джозефа Клаппера, Уилбура Шрамма, Уильяма Стивенсона, Элизабет Ноэль-Нойманн, Джорджа Гербнера были посвящены изучению данного вопроса. Имена Роберта Парка, Хелен Макгилл Хьюз, Дениса Маккуэйла связаны с изучением новостной повестки, манипулятивных эффектов, которые они производят.

Неомарксисты – представители Франкфуртской школы (Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Юрген Хабермас) – обратили внимание на то, что массовая коммуникация стала орудием господства капитала, который подчинил

---

¹ Почепцов Г. Г. Психологические войны. С. 136–137.

² Бакулев Г. П. Указ. соч. С. 54–55.

своим коммерческим и политическим интересам весь ключевой контент массмедиа. Черты такого общества: потребительство, консюмеризм, идеологический контроль, приоритет развлечений, унификация, ослабление межличностных контактов и, как следствие, атомизация.

Торонтская школа в лице ярчайших представителей – Гарольда Инниса и Маршалла Маклюэна – исследовала эффекты информационного общества. Так, например, Г. Иннис определил взаимосвязь между технологией распространения информации и характеристиками общественного устройства. Величина империй, по Иннису, зависела не от мастерства генералов, а от возможностей медиа¹. М. Маклюэн, продолжив логику исследований Инниса, в зависимости от характера коммуникации выделил три эпохи: устную (дописьменную), письменную и аудиовизуальную («электронное общество», «глобальная деревня»). По мнению Маклюэна, с помощью СМИ общество возвращается в первобытное состояние, когда человеку свойственны естественное слухо-визуальное многомерное восприятие мира и коллективность. Массовую коммуникацию, полагает ученый, можно назвать «продолжением нервной системы человека», она меняет все сферы его общественной и психической жизни. Маклюэн пишет, что сегодня, в эпоху «нового племенного человека», доминирует миф, а с помощью СМИ, по прогнозам исследователя, скоро «можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур»².

Маклюэн – автор крылатой фразы «Содержание средства коммуникации есть сообщение», которая подчеркивает приоритет характера медиа над содержанием сообщения.

Изучение постиндустриального (информационного) общества связано с именами Дэниела Белла, Збигнева Бжезинского, Элвина Тоффлера, которые определили приоритет информации как главного продукта и ресурса эпохи.

---

¹ Бакулев Г. П. Указ. соч. С. 124.

² McLuhan G. M. *Understanding Media*. N. Y., 1984. P. 41.

В настоящее время внимание исследователей политической коммуникации приковано к изучению влияния Интернета, новейших средств связи и компьютерных технологий в политическом процессе (С. Володенков, М. Грачев, М. Кастельс и др.)¹.

Так, С. Володенков использует в своих работах понятие «пространство политических коммуникаций в Интернете», исследователь отмечает отличие политического коммуникационного пространства в Интернете от традиционной медиареальности. Объясняя свою позицию, Володенков пишет: «Несмотря на то, что практически каждый ресурс в интернет-пространстве, по сути, является медийным, тем не менее, особенности формирования представлений о политической реальности в общественном сознании определяются сегодня не столько медиаконтентом, как это свойственно традиционному медиaproстранству, а теми механизмами, технологиями и моделями коммуникации, которые имеют сегодня свое собственное политическое значение и содержание, во многом определяющее восприятие медиаконтента конечными пользователями»².

Таким образом, XX–XXI вв. стали эпохой интенсивного научного изучения коммуникации. В силу развития информационных технологий можно прогнозировать углубление и интенсификацию такого рода исследований. Ключевой задачей ученых – специалистов по теории коммуникации является нахождение формулы повышения эффективности воздействия

---

¹ *Володенков С. В.* Виртуальное пространство современной публичной политики и его особенности // *Обозреватель (Observer)*. 2011. № 6; *Грачев М. Н.* Политика: коммуникационное измерение. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011; *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004; *Потупчик К., Федорова А.* Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Алгоритм, 2014.

² *Володенков С. В.* Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления. М., 2015. С. 101.

медиа на людей. От абсолютизации силы медиа в рамках «теории магической пули» за столетие исследовательский вектор сместился к поиску конкретных приемов и технологий, позволяющих добиться необходимого эффекта.

Особенностью настоящего момента является смешение множества близких понятий, используемых в политической коммуникативистике – науке, изучающей процессы информационного взаимодействия в политике. Наиболее важными из этих определений являются пропаганда (от лат. *propaganda* – «подлежащее распространению»), агитация (от лат. *agitatio* – «приведение в движение»), паблик рилейшнз (от англ. *publicrelations* – «связи с общественностью»), политическая реклама (от франц. *reclame*, от лат. *reclamo* – «выкрикиваю»), которые мы объединяем в качестве коммуникативных технологий политического менеджмента. Чем похожи эти технологии и чем они отличаются друг от друга?

Пропаганда, PR, реклама и агитация – весьма близкие явления, и нередко между ними очень сложно провести разграничительную линию. Главное, что их объединяет, – ориентация на управление процессами массовой коммуникации в интересах заказчика. Принципиальным различием является дифференцированный инструментарий достижения необходимого результата.

В реальной жизни пропагандой, агитацией, PR и политической рекламой нередко занимаются одни и те же люди, хотя в мире неоднократно предпринимались и предпринимаются попытки развести эти профессии. Так, например, в некоторых странах рекламным агентствам нельзя заниматься PR-технологиями, а пиарщикам – рекламой. Но всегда ли можно разделить обязанности пропагандиста, пиарщика, агитатора и рекламиста в деятельности какой-то отдельной фирмы, политической структуры или небольшой общественной организации? Думается, что нет.

Ограниченные штатные возможности множества партийных и общественных организаций довольно часто приводят на практике к выполнению работы по агитации и пропаганде

своих ценностей, политической рекламе и паблик рилейшнз специалистами одного отдела, а то и одним человеком. Может быть, это не всегда эффективно, но в этом нередко есть определенная необходимость и логика. Российские практики просто используют разные технологии донесения нужной заказчику информации. В одних случаях в ход идут обычные рекламные средства, в других – средства PR, в третьих – агитационно-пропагандистские приемы. Например, отечественные специалисты по массовой коммуникации и взаимодействию с прессой часто оплачивают те материалы, которые информационными поводами не являются, но нужны заказчику. Это могут быть разнообразные интервью, разговоры без особого повода или на ту тему, поднимать которую журналисты не хотят, т. е. пиарщики используют инструментарий рекламы. Но при этом, применяя технологии PR, создают и новостные события, в которых журналисты заинтересованы и которые они готовы освещать бесплатно. Тем самым специалисты, занимающиеся взаимодействием с прессой, настраивают журналистов внимательнее относиться к «настоящим» новостным событиям организации, являющейся рекламным партнером.

Однако, несмотря на такую, нередко вынужденную, интеграцию на практике, между PR, рекламой, агитацией и пропагандой существуют заметные различия. Начнем с условий существования каждого из этих направлений. Политическая реклама и PR могут в полной мере существовать только в условиях демократического общества или по крайней мере там, где есть хотя бы зачатки демократических институтов: свобода слова и печати, регулярные альтернативные выборы, политический плюрализм и, как следствие, политическая конкуренция. Если агитация и пропаганда возможны и в государствах с авторитарным режимом, то PR и политической рекламе там практически нет места. Технологии политической рекламы и PR получают существенно больший простор для деятельности там, где есть выбор (даже если этот выбор мнимый, например среди представителей различных политических партий, нахо-

дящих консенсус по базовым идеологическим или политическим принципам, но расходящихся в незначительных деталях), где наличествует соперничество различных групп элиты за власть. Можно сказать, что политический PR и реклама – технологии более сложного, плюралистического общества, где процесс коммуникации не упорядочен одним главным актором политического процесса и является разнонаправленным.

Впрочем, это не лишает листовку, изданную в условиях авторитаризма, права называться рекламной. Так, например, советские диссиденты в 1960–1980-е гг. изготавливали в домашних условиях свои информационные материалы (печатали на машинках «самиздатовские» прокламации), которые технологически соответствовали алгоритму создания рекламных продуктов политической рекламы: на их изготовление тратились деньги, они были призваны агитировать граждан в пользу известных политических принципов и направлены против советской действительности с целью изменения политического сознания и поведения людей.

В авторитарных государствах итоги политических кампаний заранее известны, а кроме того, и «выбирать» там, как правило, не из кого. Выборы (скорее даже голосование) нередко проводятся в таких государствах на безальтернативной основе. Поэтому агитационная деятельность выдвиженцев в авторитарных государствах является лишь элементом государственной пропаганды, цель которой не борьба за голоса избирателей, а продвижение государственной идеологии, формирование соответствующего мировоззрения людей, системы их политических ценностей. Но при этом было бы заблуждением считать, что инструментарием агитации и пропаганды пользуются лишь авторитарные режимы. Демократические государства являются не менее идеологизированными, поэтому агитации и пропаганде своих ценностей уделяют не меньше внимания. Так, американский политолог Майкл Паренти, прославившийся своей разоблачительной критикой империализма Соединенных Штатов, из-за своих взглядов стал диссидентом, поскольку даже в обществах

с развитой демократической культурой есть темы, которые обсуждать не принято.

Итак, политическая пропаганда – это коммуникативная политическая технология, направленная на формирование целостного мировоззрения людей, системы их идеологических ценностей. На базе этого, например, формируется легитимность того или иного политического режима, поэтому пропаганда гораздо более жесткая, негибкая технология, которая может допускать и ложь, и фальсификации, и двойную мораль. Причина тому одна: политическая пропаганда занимается преимущественно той сферой, где цена поражения наиболее высока.

Пропаганда как технология, призванная обеспечить коммуникативную связь между властью и обществом, получила серьезный импульс к развитию во время Первой мировой войны, когда правительства воюющих государств были обеспокоены необходимостью формирования правильного отношения граждан к военным событиям. Любовь к Родине, понимание логики действий правящих элит и ненависть к врагу воспитывались за счет применения всего спектра средств, существующих в то время. На службу пропаганде были брошены все силы. Фотографы, кинодокументалисты, журналисты, радиодиджеи, священники, писатели, художники, музыкальные исполнители, скульпторы, звукорежиссеры создавали информационные продукты, которые использовались в целях защиты собственной системы ценностей. Классик теории политической коммуникации Гарольд Лассуэлл понимал пропаганду как управление коллективными представлениями (установками) путем манипулирования значимыми символами. Поэтому для такой миссии были хороши все творческие сферы.

Фактически пропаганда – это самая важная коммуникативная технология, применяемая в политической сфере. При помощи пропаганды не просто распространяется какая-то информация, а подчеркивается, что данная система ценностей, идей, взглядов, убеждений является наиболее правильной или даже единственно правильной. Так, в ходе холодной

войны между Западом и Востоком, где две противоположные идеологические системы противостояли друг другу, компромиссы относительно «вражеской пропаганды» были невозможны. Именно поэтому в СССР преследовались диссиденты, распространявшие информацию, которая подрывала основы государственного строя, а в западных странах то же самое происходило с деятелями коммунистического движения.

Борьба за умы подрастающего поколения – одна из важнейших задач информационного противостояния. Этим объясняется то, что после драматического крушения СССР многие западные фонды начали финансировать так называемые «просветительские» программы в гуманитарной сфере: обществоведении, социологии, экономике, политологии, а особенно в истории, содержательная ангажированность которых неоднократно подмечалась исследователями¹. В контексте этого следует воспринимать инициативы президента РФ Владимира Путина относительно разработки единой концепции учебника истории для школьников.

Нужно отметить, что, помимо политических задач, посредством пропагандистских приемов отрабатываются и другие – мирные и созидательные цели, например пропаганда здорового образа жизни, этического поведения, осуществляется воспитательная и разъяснительная работа среди населения. В литературе данный вектор работы называют «позитивной пропагандой».

Универсальной технологией, имеющей распространение как в авторитарных, так и в плюралистических обществах, является агитационная деятельность. Чаще всего агитацию как явление используют в литературе в тандеме с пропагандой, где последняя отвечает за трансляцию смыслов, а первая – за приведение слушателя к необходимому состоянию, решениям, поступкам. Объясняется это тем, что агитация и пропаганда – ключевые направления коммуникативной ра-

---

¹ Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

боты политических субъектов. Инструментарий для этого существует самый разнообразный: от личных бесед, докладов на партийных заседаниях, выступлений на митингах и собраниях, в печати, по радио, телевидению до проведения специальных мероприятий (акции, праздники, перформансы, демонстрации и т. д.), использования средств изобразительного искусства (плакаты, карикатуры, картины, скульптуры и т. д.), создания кинофильмов, театральных постановок, работы с интернет-средой. Агитация и пропаганда разъясняют смысл происходящих событий и мобилизуют граждан к действиям.

Таким образом, политическая агитация – коммуникативная политическая технология, задачей которой является воздействие на сознание людей с целью побуждения их к определенным действиям, необходимым заказчику.

Особняком от пропаганды и агитации стоят PR и реклама, которые, по сути, являются обособленными и своеобразными частями агитационно-пропагандистской работы. У пропаганды и агитации значительно более широкая миссия, которая имеет масштабную цель: переубедить, найти сторонников, побудить к действиям. PR и реклама же предлагают набор различных приемов для достижения вышеуказанного результата.

Чем же отличаются рекламные технологии от приемов PR? Обычно исследователи подчеркивают следующие моменты.

PR ориентирован прежде всего на правдивое, честное информирование потребителей (в данном случае граждан), а цель рекламы – выполнение заказа клиента любыми доступными способами. Последнее неминуемо ведет к возможности использования в рамках рекламных кампаний некорректной информации, лжи, манипуляций, что в PR недопустимо. Такая точка зрения отчасти справедлива. Она близка «романтикам» паблик рилейшнз, например одному из основателей PR Сэму Блэку, который считает, что PR строится исключительно на правдивом информировании.

Но при этом, наверное, каждый из нас согласится с тем, что рамки «правдивого информирования» могут быть совершенно разными. Можно сказать полную правду, а можно лишь

часть ее, умолчав о самом главном; высветить нужные моменты и прикрыть остальные. Для примера вспомним известную историю о стакане с водой, заполненном наполовину. Можно сказать, что стакан наполовину пуст, а можно, что он наполовину полон. И то, и другое утверждение будет правдивым, но акценты в этих случаях расставлены совершенно по-разному, а соответственно, и восприятие информации будет дифференцированным. Украинский исследователь Георгий Почепцов в одной из своих работ приводит другой пример: в сюжете о деятельности завода или предприятия можно показать рабочих у станков, а можно и во время перекура¹. И первое, и второе будет правдой, но соответствует ли каждый из этих роликов ожиданиям заказчиков? Когда российский гражданин выбирает отель для поездки на отдых, он пользуется информацией на официальном сайте, которую подготовили специалисты по коммуникации, ответственные за связи с общественностью. Однако для того, чтобы получить более достоверную информацию («полную правду»), часто требуется изучить материалы на туристических сайтах, аккумулирующих отзывы об отелях. Как справедливо подметил Б. Борисов, в рамках PR индивид не вправе надеяться на получение всей правды, но вправе ожидать только правду².

Другие не менее знаменитые авторы, Ф. Джефкинс и Д. Ядин, в своей работе «Паблик рилейшнз» отмечают, что создание благоприятного образа организации, полировка потускневшего имиджа – это задача не PR, а скорее рекламы и маркетинга³. По мнению указанных авторов, PR сталкивается не только с благоприятной коммуникацией, но и с необходимостью разъяснения позиции в кризисные моменты. Поэ-

---

¹ Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. С. 33.

² Борисов Б. Л. Технологии рекламы и PR: учебное пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 79.

³ Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

тому PR направлен на обеспечение понимания через донесение необходимого знания. Но давайте снова порассуждаем. Слово «понимание» изначально несет в себе позитивный оттенок. Если человек вас понимает, значит, он принимает ваши аргументы и практически соглашается с вашей правотой. Не случайно герой легендарного советского фильма Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника» написал: «Счастье – это когда тебя понимают». Поэтому PR-специалисты также выполняют заказ клиента, но при этом используют более доверительную оболочку для донесения информации.

Из этого вытекает следующее отличие PR от рекламы, часто подчеркиваемое в литературе. PR в большей степени ориентирован на взаимопонимание между создателем информационного повода и конечным получателем (СМИ, граждане), в то время как в рекламе политический (или коммерческий) расчет является основой взаимоотношений. Это утверждение во многом справедливо, и объяснением служит то, что реклама и PR используют разные техники донесения информации (об этом речь пойдет ниже). Но мы можем сказать, что плоха та реклама, которая вызывает барьер недоверия.

Многие исследователи отмечают в качестве различий коммерческий характер рекламы и преимущественно «бесплатный» подход к размещению информации средствами PR. Это отчасти так, но для полной справедливости необходимо отметить, что PR все-таки не является такой уж «бесплатной» технологией и требует определенных затрат, хотя и несколько иного профиля. Так, реклама предполагает некоторое навязывание информации, а PR ориентирован прежде всего на создание таких информационных поводов, которые были бы интересны не только заказчику, но и, например, прессе. Поэтому оплата труда («креатива») пиарщиков или нужных специалистов нередко может быть гораздо выше, чем стоимость проведения рекламной кампании.

Еще одним важным отличием является тот факт, что заказчик, применяя рекламные средства, вправе полностью проконтролировать содержание конечного информационного

продукта, чем достигается более точное выполнение изначально поставленных клиентом задач. Средствами PR такой четкости добиться практически невозможно, так как в процессе подготовки материалов (например, в СМИ), в осуществлении PR-кампании участвуют не только представители заказчика, но и независимые от него лица, в первую очередь журналисты. А это значит, что интерпретация фактов, представленных пиарщиками, может быть различной – как позитивной, так и негативной. Кроме того, PR не дает сиюминутных результатов, как реклама, и требует гораздо большего времени для получения нужного результата.

Теперь коснемся конкретных определений PR и рекламы.

Одно из наиболее пространных определений PR дал известный американский исследователь Рекс Ф. Харлоу: паблик рилейшнз – это особая функция управления, призванная устанавливать и поддерживать взаимосвязи, взаимопонимание, взаимопризнание и сотрудничество между организацией и ее публикой; осуществлять управление процессом разрешения проблем или спорных вопросов; помогать руководству в изучении общественного мнения и реагировании на него; определять и подчеркивать ответственность руководства в вопросах служения общественным интересам; помогать руководству эффективно изменяться в соответствии с требованиями времени; выступать системой заблаговременного предупреждения, помогая предвидеть тенденции развития; в качестве своих основных средств использовать научные методы, основанные на этических нормах общения¹.

Но, наверное, даже этого масштабного толкования недостаточно для того, чтобы завершить споры вокруг определения сути PR, учитывая, что трактовок PR в исследовательских работах насчитывается более 500. При помощи дифференциации определений по категориям можно понять разницу между ними.

---

¹ *Королько В. Г.* Основы паблик рилейшнз. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.

Российский исследователь PR, генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб» Александр Чумиков выделяет три группы подходов к PR¹:

– альтруистический, сторонники которого (например, упоминавшийся ранее Сэм Блэк) подчеркивают стремление специалистов по PR к «общественной гармонии», «служению интересам общественности» и т. д.;

– компромиссный, приверженцы которого (например, Эдвард Бернейз) признают как наличие интересов заказчика, так и необходимость учета мнения общественности;

– прагматический, где подчеркиваются прежде всего управленческие функции PR.

Наверное, не стоит чересчур идеалистично смотреть на технологии PR. Специалисты в этой области такие же наемные сотрудники, которые получают деньги за свою работу. И вряд ли мы найдем много примеров того, чтобы руководители расходовали средства не для удовлетворения своих интересов, а во имя абстрактных потребностей аудитории. Тем более что «эффективная коммуникация» в интересах общественности очень часто может противоречить интересам предприятия или организации. С другой стороны, PR – гибкая технология управления. И без учета потребностей общественности, анализа ее настроения сложно осуществить эффективное управление. В связи с этим под политическим PR мы будем понимать коммуникативную политическую технологию, направленную на установление взаимопонимания между политическим субъектом и общественностью с целью реализации политических интересов заказчика.

В трактовках термина «политическая реклама» также есть существенные различия. Так, авторы пособия «Политическая реклама», изданного Центром политического консультирования «Никколо М», рассматривают ее в качестве формы непрямой политической коммуникации, элементами которой явля-

---

¹ Чумиков А. Н. Связи с общественностью: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2001. С. 12–14.

ются источник сообщения, средства его доставки и адресат¹. Галина Пушкарева считает, что политическая реклама – это способ (канал) передачи информации в политических кампаниях, предполагающий использование материальных носителей и технических средств, оплачиваемых руководством политической кампании. Эти исследователи подчеркивают обязательное наличие медиатора – посредника между отправителем рекламного сообщения и адресатом. Тем самым под действие данных определений не попадает, например, устная реклама, передаваемая в процессе межличностной коммуникации.

Многие отечественные исследователи коммуникативных процессов (например, Т. Э. Гринберг, С. Ф. Лисовский, Е. Г. Морозова и др.) соглашались с определением термина «реклама», которое было сформулировано французским специалистом А. Дейяном: «Реклама – платное, однонаправленное и неличное обращение, осуществляемое через средства массовой информации, другие виды связи, агитирующее в пользу какого-либо товара, марки, фирмы, какого-либо предприятия, кандидата, правительства»². Данное понимание рекламы, на наш взгляд, справедливо лишь в случае выделения в качестве обособленных коммуникативных технологий со схожими задачами таких явлений, как директ-маркетинг (здесь используются личные обращения), стимулирование сбыта (построено на применении различных форм поощрений «правильного» поведения) и личные продажи (в этом случае отсутствуют СМИ и «другие виды связи»). Это отмечают далеко не все авторы, в силу чего многие аспекты рекламной деятельности оказываются за рамками данного определения.

В одном из проектов федерального закона «О политической рекламе», который не принят до сих пор, приводится следующее толкование: «Политическая реклама – реклама политических партий (объединений), органов государственной власти,

---

¹ *Егорова-Гантман Е., Плешаков К.* Политическая реклама. М.: Никколо Медиа, 2002. С. 40.

² *Лисовский С. Ф.* Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000.

государственных и общественных организаций и принимающих участие в политической деятельности отдельных граждан; их действий, идей, программ и отношения к каким-либо организациям, событиям, гражданам, идеям»¹.

Российские законодатели, разрабатывавшие ФЗ «О рекламе»², также не стали детализировать рекламную деятельность и выделять в тексте закона отдельные ее направления, исходя из характера воздействия. Они обобщили в своем определении весь комплекс возможных приемов коммуникативного влияния на население. Таким образом, с точки зрения нормативного понимания сути явления реклама – это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»³.

В связи с этим и мы будем придерживаться расширенного толкования политической рекламы как коммуникативной политической технологии, осуществляемой, как правило, на платной основе с целью агитации в пользу какого-либо политического субъекта или против него, изменения политического сознания и поведения людей в соответствии с интересами заказчика.

Таким образом, пропаганда, агитация, политические PR и реклама – родственные явления. Они призваны управлять сознанием и настроениями граждан. Эти технологии тесно переплетены, дополняют друг друга и часто используются одновременно для достижения необходимого заказчику эффекта. Рассматривать их в отдельности друг от друга нерационально. Однако необходимо отметить, что политическая пропаганда и агитация являются технологиями более масштабными как

---

¹ Цит. по: *Ольшанский Д. В.* Политический PR. СПб.: Питер, 2003. С. 121.

² Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ от 13.03.2006.

³ Там же.

по своей миссии, так и по «цене вопроса». PR и рекламные кампании заказывают чаще, поскольку число субъектов, нуждающихся в подобных технологиях, шире; кроме того, по времени они проходят, как правило, быстрее и, соответственно, требуют относительно скромных затрат. Иными словами, PR и рекламные кампании являются более «повседневными», «массовыми» технологиями.

Среди исследователей политической коммуникации принято выделять три способа информационного воздействия на массовое сознание: коммуникацию через СМИ (телевидение, радио и т. п.), через политические организации (например, политических партий) и неформальные контакты (слухи, сплетни, анекдоты). Последний способ обычно считают неуправляемым и стихийным, а его результат – непредсказуемым, такая коммуникация обычно сильно развивается в условиях «информационного голода» и жесткой цензуры в качестве компенсации и удовлетворения потребности человека в информации и свободе слова. Подтверждением этого может служить резкое снижение значения политического анекдота в России по сравнению с советским периодом.

Рассмотренные выше способы коммуникаций, на наш взгляд, не являются единственными. Важным способом коммуникации является символический акт. Весьма удачная дефиниция символического акта (политического символа) предлагается в учебнике «Политология» под редакцией М. А. Василка: «Политический символ – это знак, выполняющий коммуникативную функцию между личностью и властью». При этом политическому символу как способу политической коммуникации свойственны активизация эмоций, способность не просто скрыть, приукрасить или исказить реальность, но приблизить ее, сделать более понятной и привлекательной для общества.

Другую классификацию каналов политической коммуникации предлагает Г. В. Пушкарева, выделяя четыре основных канала политической коммуникации: 1) официальный, который регулирует движение информационных потоков от политических организаций, учреждений; при этом распространяе-

мая информация носит институционализированный характер, она фиксирует принятие политических решений, доведение их содержания до сведения граждан (государственные нормативные акты, приобретающие после опубликования силу закона, а также официальные заявления, обращения, программы политических организаций, которые принимаются населением к сведению, и т. д.); 2) персональный, предназначенный для передачи политической информации конкретными участниками политических событий, лидерами политических организаций и государственных органов и предполагающий выражение последними их собственного мнения, своей позиции, индивидуальных качеств (выступления политика перед аудиторией, в печати, на радио и телевидении, личные контакты с людьми); 3) опосредованный, когда информация исходит не от собственно политических структур или политических и государственных деятелей, а от посредников, которыми могут быть СМИ, научно-исследовательские и социологические центры, иные свидетели и интерпретаторы политических событий; 4) анонимный, т. е. лишенный достоверно известного источника информации, основанной на слухах, которые нередко распространяются в печати и других СМИ.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие идеи и события больше всего повлияли на интенсивное развитие политической коммуникативистики?
2. Каков предмет политической коммуникативистики?
3. Сформулируйте основное утверждение теории «магической пули».
4. В чем заключается основная критика теории «магической пули»?
5. Какие коммуникативные политические технологии вы можете назвать?
6. Можно ли утверждать, что понятия «агитация» и «пропаганда» тождественны?
7. Чем PR отличается от рекламы?

8. Каковы основные способы воздействия и каналы политической коммуникации?

Рекомендуемая литература

1. *Бакулев Г. П.* Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. *Бернейс Э.* Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010.
3. *Володенков С. В.* Виртуальное пространство современной публичной политики и его особенности // Обозреватель (Observer). 2011. № 6.
4. *Володенков С. В.* Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления. М., 2015.
5. *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 1999. № 1.
6. *Грачев М. Н.* Политика: коммуникационное измерение. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011.
7. *Джефкинс Ф., Ядин Д.* Паблик рилейшнз: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
8. *Егорова-Гантман Е., Плешаков К.* Политическая реклама. М.: Никколо Медиа, 2002.
9. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
10. *Королько В. Г.* Основы паблик рилейшнз. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
11. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004.
12. *Лисовский С. Ф.* Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000.
13. *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
14. Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

15. *Ольшанский Д. В.* Политический PR. СПб.: Питер, 2003.
16. *Панарин И. Н.* СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012.
17. *Потупчик К., Федорова А.* Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Алгоритм, 2014.
18. *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
19. *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
20. *Чумиков А. Н.* Связи с общественностью: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2001.
21. *McLuhan G. M.* Understanding Media. New York, 1984.

3.2. Политический менеджмент

Человеческий социум является мегасистемой, которая, в свою очередь, состоит из множества подсистем, сообществ, обладающих разным набором противоречивых интересов, целей, ориентиров, черт. Нация, политическое объединение или общественная организация, расовая или религиозная группа, этнос – примеры таких подсистем. Ряд характерных элементов объединяют участников этих сообществ в группы с различной степенью внутреннего единства. Чувство принадлежности к общности – идентичность – одна из важных сплачивающих черт.

Социальные подсистемы, в которые объединяются люди, часто имеют разные устремления, в связи с чем обычным делом является возникновение конфликтов в процессе взаимодействия общностей. Сферой, которая занимается урегулированием такого рода противоречий, сглаживанием конфликтных ситуаций, выступает политика.

Большинство человеческих объединений, заинтересованных в развитии, занимаются продвижением собственных интересов, увеличением своего потенциала, расширением числа имеющихся возможностей. Реализовать данные устремле-

ния помогают управленческие технологии, без использования которых вряд ли какая-то общность сможет не только добиться исполнения амбициозных целей, но и попросту сохраниться и выжить.

Под термином «управление» мы предлагаем понимать функцию общества (общности), которая обеспечивает сохранение структуры, поддержание режима деятельности и реализацию программы по достижению цели деятельности¹. Следовательно, управление в политической сфере помогает реализовать самые разнообразные задачи, необходимые для сохранения и развития общностей.

Ключевую роль в данных процессах выполняет коммуникация, позволяющая управлять любым сообществом через поддержание взаимосвязи ее участников, трансляцию правил игры, санкций за их несоблюдение.

Украинский филолог Г. Г. Почепцов пишет, что коммуникация как процесс осуществляется с прикладной целью: стимулировать другого к выполнению того или иного действия². Следовательно, задачей коммуникатора является управление поведением реципиента сообщения.

Нередко считается, что политическое управление – сфера ответственности власти. Но справедливости ради следует заметить, что власть весьма разнообразна. Она обладает разными характеристиками и использует дифференцированные технологии управления. Власть государственная, власть партийного начальства, власть авторитетного человека, лидера, власть в семейном клане очень отличаются друг от друга. Конечно, власть государства выделяется на фоне других способов управления. По справедливому суждению Макса Вебера, главное ее отличие от остальных – возможность применять

---

¹ *Ацюковский В., Ермилов Б.* Краткий политологический толковый словарь. М., 2003. С. 37.

² *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2003. С. 15.

легитимное¹ насилие, т. е. определять общеобязательные правила игры, применять санкции к нарушителям. Это позволяет организовывать общество, достигать поставленных целей. Подобная деятельность никак не признак деспотий, поскольку даже в самых открытых политических системах присутствуют элементы управления общественным поведением. Государственная власть стимулирует нужные ей образцы поведения, поощряет «послушных» участников сообщества и карает тех, кто не соблюдает установленные правила игры.

Какие виды управленческих отношений встречаются в политике? Галина Пушкарева приводит следующую классификацию²:

1. Во взаимодействии между госорганами и населением (гражданами государства) возникает уже рассмотренное нами *государственное управление*. Властные компетенции и санкции за несоблюдение установленных властью правил игры – важные опоры данного типа управленческих отношений. Государство вправе наказать любого члена сообщества, не соблюдающего законодательство, например обложить его штрафом или изолировать в места лишения свободы. Подобные действия со стороны любых других субъектов политического процесса (политические партии, политики, движения и организации) сложно себе представить в качестве легитимных.

2. В рамках организации работы и исполнения любого поручения осуществляется *управление по служебной иерархии*. Возникает этот вид управленческих взаимоотношений в работе государственных и политических подразделений, которые, как и коммерческие организации, практикуют взаимодействие по линии начальник – подчиненный. В рамках

---

¹ Легитимное принуждение (либо легитимное насилие) – действия власти по принятию обязательных для исполнения решений, признаваемые гражданами законными и оправданными.

² Пушкарева Г. В. Политический менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2002. С. 15–16.

управленческой структуры руководство определяет объем и направление необходимой деятельности, а нижестоящие организуют исполнение. Таким образом, происходит управление коллективом. Суть данного типа организации работы – подчинение на основе некоего предварительного договора, за компенсацию, заработную плату или поощрение. Лучшие работники поощряются, неэффективные могут быть исключены (уволены) из системы служебных взаимоотношений.

3. В политике существует еще один тип управленческих отношений, который не предполагает ни принуждения, ни служебных взаимоотношений. Ни один политик или партия, общественная организация в современном обществе не могут принять решение о том, чтобы граждане были обязаны подчиняться их воле и исполнять порученное (например, голосовать за них на выборах, обязательно вступать в организацию, поддерживать ее своими действиями и пр.), если данные решения не подкреплены государственными полномочиями. Но это не значит, что эти субъекты лишены управленческого инструментария.

Авторитет и управленческий потенциал данных политических субъектов строится на том, насколько их уважают граждане, поддерживают избиратели. Поэтому инструменты данного вида управленческих отношений, который предлагается именовать *политическим менеджментом*, – аргументированность, привлекательность, убедительность, авторитетность. Ключевая особенность этого типа управленческих взаимоотношений – использование взаимовыгодного сотрудничества, стимулирования и поощрения вместо иерархического соподчинения или государственного понуждения.

При помощи технологий политического менеджмента реализуются задачи по запуску и продвижению политических проектов (электоральные кампании; формирование паблисити политических партий и их выдвиненцев, работа по поиску и изменению числа сторонников; корректировка имиджа политиков, органов власти, партий, организаций и учреждений; пропагандистские акции и т. д.).

Следует отметить, что государство также использует технологии политического менеджмента. Нужные результаты не всегда могут быть достигнуты при помощи одних лишь технологий государственного управления. Известный флорентийский мыслитель Н. Макиавелли писал, что власть держится не только на силовых приемах, но и на признании подданных. А это говорит о том, что любой политик или управленец должен быть обеспокоен вопросом завоевания добровольного согласия граждан подчиняться¹.

В современном мире роль технологий политического менеджмента чрезвычайно возрастает. Связано это с тем, что общество, в котором мы живем, стремительно усложняется, а вместе с этим меняются и технологии управления. Как справедливо заметил Владислав Сурков, современное общество постепенно переходит к более мягким и изощренным технологиям самоорганизации: от принуждения к технологиям убеждения, от подавления к сотрудничеству².

Американский политолог Джозеф С. Най выделил два типа политической власти: жесткая власть (*hardpower*) и мягкая власть (*softpower*)³. Жесткая власть предполагает использование факторов экономической мощи, власти материальных факторов, принуждения, построенного на благосостоянии и милитаристской мощи. А мягкая власть – это власть, построенная на факторах привлекательности, убедительности. По мнению множества авторов, причиной поражения Советского Союза в холодной войне стала недооценка технологий мягкой власти, что предопределило итог военно-идеологического противостояния. Предотвратить падение СССР и социалистического блока не помогли ни огромное количество вооружений, ни достаточно высокий уровень экономического и социального

---

¹ Политическая имиджелогия / под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 90.

² Сурков В. Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. М.: ЛЕНАНД, 2006.

³ Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: ФСПИ «Тренды», 2006. С. 26.

развития. Американское правительство неоднократно подчеркивало важность работы в идеологическом поле с мягкой властью. Так, Р. Никсон обосновывал необходимость расходов на пропаганду тем, что доллар, выделенный на пропаганду, работает более эффективно, нежели десять долларов, потраченные на военные нужды. Первое направление работает постоянно, а результат трат на второе направление вряд ли вообще будет использоваться по назначению¹. Выводы в этом смысле нужно сделать и российской политико-идеологической машине, работающей на постсоветском пространстве. Спонсирование экономик бывших стран СССР, скидки на газ, нефть, товары российского производства, льготный доступ товаров на российский рынок дают гораздо меньший эффект для поддержания чувства сплоченности, роста привлекательности России как примера для подражания или партнера во взаимоотношениях, чем работа в символическом, идеологическом пространстве. Иными словами, политический менеджмент – важное и неотъемлемое направление работы в современном политическом мире. Профессионалы – политические менеджеры, безусловно, будут востребованы на рынке труда, поскольку современные тенденции говорят о том, что роль такого рода технологий будет только возрастать. В качестве аргументов в пользу этой точки зрения можно указать следующее.

Ключевой тенденцией мирового политического процесса (С. Хантингтон²) является *демократизация*, которая предполагает включение граждан в общественно-политические отношения в качестве субъекта принятия решений. На смену монологу в политике приходит диалоговая форма коммуникации, где слышна не только власть, но и граждане. Меняется роль масс в политическом процессе (Х. Ортега-и-Гассет). От мнения избирателей зависит состав правительств, парламентских органов власти, граждане высказывают свои позиции на раз-

---

¹ Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. С. 120.

² Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

нообразных референдумах. Следовательно, партии, движения, политики вынуждены работать с гражданами, формировать благоприятное отношение к собственным проектам, лидерам, расширять электоральную базу поддержки и число сторонников, создавать интересные и привлекательные программные и идеологические продукты. Эти направления – свойства современной политической жизни, без которых невозможно себе представить полноценную работу субъектов политики. Работа с мнениями людей – забота политических менеджеров, поэтому сфера применения такого рода технологий будет только увеличиваться.

При демократизации политического процесса расширяется число его участников. Конкурирующие между собой политические партии, движения, лоббистские группировки, общественные организации, СМИ, использующие все преимущества открытого общества – свободу слова, самоорганизации, право смены власти на альтернативных и регулярных выборах – заметно усложняют политический ландшафт, расширяют состав политических практик.

Информационные революции принципиально изменили характер взаимодействия в мире. Известная фраза, приписываемая Ротшильду, «Кто владеет информацией – владеет ситуацией в мире» ярко описывает суть протекающих процессов по повышению статуса тех граждан, которые информированы о происходящем. Каждая волна информационной революции все больше расширяла число граждан, вовлеченных в политический процесс через познание. Возникновение устной речи, письменности, печатания книг, всеобщей грамотности, появление массовых тиражей газет и журналов, телеграфа, радио, телевидения, а затем и Интернета – все это вело к расширению когнитивного диапазона граждан, с помощью чего особенности политического процесса становились более понятными, а соответственно, информированность подталкивала к более активной роли в общественной жизни. Нынешний этап развития коммуникаций, доступность интернет-среды привели к тому, что любой гражданин получает возможности не

только становиться реципиентом информации, но и осуществлять ее индивидуальную обработку, массовое распространение своей точки зрения в социальных медиа, выступая информационным источником. Любые оценочные суждения, отбор политически окрашенной информации (фотографии, тексты, комиксы, видео, графика и пр.) превращают любопытного читателя в канал распространения тех или иных взглядов, точек зрения, интерпретаций. Более того, современные возможности интернет-коммуникации, скорость передачи информации обуславливают то, что содержание политики все чаще подвергается искусственному моделированию со стороны заинтересованных лиц. Привычной нормой уже стали искусная фабрикация фактов, создание иллюзий, имитаций происходящего, что приводит к возникновению параллельной реальности. Виртуализация политических (и не только) событий, порой ставящая под сомнение настоящие факты и события, – особенность современного периода. Реальность, демонстрируемая медиа, ныне имеет большее значение, чем реальные события. Поэтому недостаточное внимание к медиа может приводить к тяжелым управленческим кризисам.

Таким образом, волны информационных революций, которые происходили благодаря совершенствованию массовой коммуникации, становятся еще одним важным двигателем технологий политического менеджмента. Последние тесно связаны со смежной дисциплиной – политической коммуникативистикой, суть которой рассматривалась в предыдущем параграфе.

Современные политические менеджеры – специалисты в области *массовой коммуникации*. Любая сфера, будь то информационное сопровождение работы небольшой общественной организации или отделения партии либо представление интересов государства на национальном или глобальном уровнях, требует профессионального подхода к организации эффективного коммуникативного взаимодействия между управляющими и управляемыми с целью достижения необходимых целей.

Следовательно, в политическом менеджменте коммуникация занимает ключевую роль в процессе управления любой общественной структурой (от государства до небольшого клуба единомышленников). Недооценка коммуникативных технологий, бездумное использование силы без подкрепления ее мягкой властью могут привести к негативным и даже плачевным результатам.

В чем разница между технологиями политического менеджмента и политического маркетинга?

В литературе часто можно встретить мнение¹, согласно которому электоральное поведение гражданина в момент голосования походит на поведение обычного потребителя, выбирающего товары в магазине. В связи с этим достаточно распространенным стало употребление понятия «политический рынок». «Покупателем» на данном «рынке» является гражданин, который пришел на избирательный участок для того, чтобы выбрать своих представителей во власти. Он рассматривает свойства «политического товара» (кандидатов на выборные должности, политических программ, партийных предложений) и покупает то, что нравится, за имеющуюся «денежную единицу» – свой голос. Кажущаяся схожесть сценариев поведения подсказала исследователям мысль о том, что на политическом рынке можно применять технологии, аналогичные используемым на рынке товаров и услуг. Подобный подход в научной литературе получил название «политический маркетинг».

Исследователи политического маркетинга раскрывают суть данной сферы деятельности таким образом. Фархад Ильясов пишет, что «политический маркетинг – это основанная на изучении избирателей система “личностного” (“создание” и выдвижение кандидатов), “программного” (разработка про-

---

¹ Странники данного подхода опираются на теорию рационального выбора, которая говорит о том, что все люди – индивиды, исходящие из соображений пользы, и во всех своих действиях они стремятся максимизировать собственную выгоду. Это научное направление развивали американские исследователи Энтони Даунс, Кеннет Арроу, Гэри Беккер и др.

граммных, идеологических и других документов) и информационного (реклама, паблик рилейшнз) воздействия на избирателей с целью получения власти»¹. Многие авторы российских учебных пособий цитируют определение французского политолога Д. Линдона, понимающего политический маркетинг как совокупность теорий и практических методов, которыми пользуются политические институты и структуры власти с двоякой целью: определить свои задачи и повлиять на поведение электората². Заметим, что оба исследователя устанавливают такой порядок работы политических маркетологов: в первую очередь изучение потребностей аудитории, а только после этого формирование политического предложения. Российский автор Ирина Недяк в своей книге «Политический маркетинг. Основы теории» пишет: «Маркетинг начинается задолго до того, как у компании появляется свой продукт. Теория и технологии маркетинга направлены на *создание* продукта, максимально отвечающего нуждам и ожиданиям потребителей/избирателей, и лишь затем – на его продвижение»³. Но данный подход порой противоречит сложившейся практике. Политический продукт (программная установка, цель) часто возникает в качестве принципиальной политической позиции, которая вряд ли будет меняться из-за политической конъюнктуры. Более того, как правило, граждане в своих предпочтениях ориентируются на имеющееся политическое предложение и нередко не в состоянии сформулировать конкретные параметры своих ожиданий от действий политиков.

Далеко не все решения в политике основаны на изучении мнения граждан, но это не отменяет необходимости сопровождения деятельности политиков со стороны профессиональ-

---

¹ *Ильясов Ф. Н.* Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000. С. 10.

² *Борисов Б. Л.* Технологии рекламы и PR: учебное пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 207.

³ *Недяк И. Л.* Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008. С. 17.

ных специалистов по политической коммуникации: пиарщиков, рекламистов, политтехнологов. Вместе с тем нам представляются слишком оптимистичными утверждения о том, что «каждая организация... осуществляет маркетинговую деятельность»¹, даже если мы признаем, что «все организации озабочены тем, как выглядит их “товар” в глазах определенных “потребителей”, и стремятся к приобретению “инструментов”, позволяющих добиться увеличения спроса на него»².

Можно найти большое количество примеров того, когда рекламная или пиар-деятельность осуществляется без использования маркетингового инструментария, основанного на предварительных исследованиях мнения граждан, их ожиданий и перестройке политического предложения под их нужды. Например, когда задача, поставленная политическим заказчиком, состоит в том, чтобы проинформировать население об уже сформулированной политической позиции. В этом случае политические менеджеры используют не маркетинговый инструментарий, а суггестивный (от англ. suggestion – «предложение») подход. Данная методика работы основана на использовании в коммуникации механизмов внушения³. Суггестивное направление в психологии коммуникационной деятельности изучается и используется уже не один десяток лет, и его представители являются столь же авторитетными, как и сторонники маркетингового подхода.

Изучающие политический маркетинг часто упоминают о ситуации некоего выбора, который должен сделать гражданин или избиратель. Но политические структуры далеко не всегда находятся в состоянии конкурентной борьбы, а устанавливать связи с общественностью и продвигать свою деятельность можно не только с целью продажи «политического

---

¹ Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008. С. 34.

² Там же.

³ См., например: Лебедев А. Н. Две исторические проблемы психологии рекламы // Реклама и жизнь. 1999. № 3–4; Ольшанский Д. В. Механизмы массовой психологии. СПб.: Питер, 2001. С. 70–88.

товара» в конкурентной среде. Так, пиар-поддержка работы большинства государственных структур не направлена на стимулирование выбора, а оплаченные информационные материалы о деятельности органов власти (таких как, например, парламент), в которых речь не идет о политических фракциях и группах, различиях между ними, также могут быть лишены маркетинговой составляющей. А следовательно, не все политические кампании можно назвать маркетинговыми.

Вместе с тем, когда политическая ситуация позволяет использовать маркетинговые технологии, их применение дает эффективные результаты. Британский исследователь Даррен Дж. Лиллекер пишет: «Фактором, стимулирующим использование средств маркетинга в политике, является падение лояльности избирателей, в результате которого партиям приходится отказываться от простого предложения своего “продукта” (который некоторые называют “предложением”) и надежды на то, что оно вызовет интерес избирателей, и начинать продавать себя, подобно ходовым товарам широкого потребления»¹. При этом Лиллекер отмечает, что любая политическая организация не может ограничиваться лишь продвижением своего бренда и удовлетворяться краткосрочной выгодой при помощи маркетингового инструментария, поскольку без понимания долгосрочных целей и определения правильного курса можно дойти до уровня деградации политики и банального популизма².

Политический маркетинг незаменим в случае ориентации политика на мнения граждан, их потребности, стремления к «производству доверия» и удовлетворению ожиданий избирателя посредством адаптации политического товара к их чаяниям. Маркетинг позволяет находиться в контакте с потребителями, отслеживать необходимые изменения их потребностей и модернизировать товар. При этом нужно понимать, что обратной стороной «осовременивания» политического товара

---

¹ Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный Центр, 2010. С. 212.

² Там же. С. 212–215.

при помощи маркетинговых технологий являются выхолащивание содержания политического предложения, упрощение, чрезмерная манипулятивность, политические спекуляции, основанные на предпочтениях избирателей.

Особенностью политического товара, созданного при помощи маркетингового инструментария, является возможность его «продажи как бы самого по себе», без агрессивных и дорогостоящих форм продвижения. Стилль кампании, имидж партии и ее лидеров, предвыборная программа, созданная при помощи маркетинговых технологий, не вызовут у граждан отторжения и возможного «послевкусия» после победы¹. Учет данных диагностики политического рынка и исследований – принципиальный момент в разработке идеологии кампании.

Нужно подчеркнуть, что увлечение маркетинговым инструментарием негативно сказывается на судьбе классических идеологий (либерализм, консерватизм, коммунизм, социал-демократия, национализм) как суммы идей, руководящих поведением политических субъектов. Идеологии предопределяют политическое поведение, а в условиях ориентирования на вкус и предпочтения избирателей идеологический догматизм политика может привести к невостребованности. Поэтому частым явлением нынешнего времени становятся неидеологизированные партии и политики, кредо которых – «политический консюмеризм», или колебания в угоду настроениям избирателя.

Из вышесказанного мы можем заключить, что термин «политический менеджмент» шире, чем «политический маркетинг», поскольку миссия первого значительнее. Усилия менеджеров сконцентрированы на организации процесса управления, а маркетологи озабочены лишь его оптимизацией. Безусловно, методика работы политических менеджеров в коммуникативной сфере в ряде случаев будет использовать маркетинговые подходы. Более того, в современном мире роль и значение маркетинговых подходов возрастают на фоне не-

---

¹ Недяк И. Л. Указ. соч. С. 30.

обходимости для политических субъектов сохранять и увеличивать степень своей поддержки в конкурентной среде, а также при ослаблении привязки избирателей к голосованию за конкретную политическую силу на протяжении долгих лет. Таким образом, технологии политического маркетинга дополняют работу менеджеров, делают ее более эффективной и востребованной потребителем политического товара. Политические маркетологи способны подсказать лучшую модель позиционирования политического товара, оптимизировать процесс донесения информации до потребителя, но при этом они будут действовать по той логике, которую определит менеджер кампании.

Каковы структурные элементы технологий политического менеджмента? В научной литературе обычно выделяют следующие позиции¹.

Субъекты политического продвижения, или, иными словами, заказчики политических кампаний (государства, политические сообщества, органы государственной или муниципальной власти, политические партии, организации, движения, группы, кандидаты на разнообразные выборные должности и т. п.). К ним можно отнести и технологов, непосредственно осуществляющих весь комплекс работ по воздействию на политическое сознание и поведение *объектов политической кампании* (граждане того или иного государства, избиратели, электоральные группы, лица, принимающие политические решения, и т. д.) при помощи *предмета продвижения* (политические идеи, программы, личности лидеров, образы партий и пр.).

Понятно, что объекты и особенности предмета продвижения меняются в зависимости от *целей и задач заказчика*.

---

¹ Гринберг Т. Э. Политические технологии: PR и реклама: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 52–54; Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб: Питер, 2003. С. 135; Политическая психология: учебное пособие / под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 716–779; Чуев С. В. Коммуникативные технологии политического менеджмента. Курс лекций. М.: Издательские решения, 2016; и др.

Самые очевидные из них – это воздействие на общественное мнение, формирование благоприятного паблисити, получение электоральной поддержки, победа на выборах, приход к власти, приобретение сторонников, расширение членской базы организации. Но данным перечнем не исчерпывается весь набор целей заказчика.

Средствами политического продвижения является весь набор приемов воздействия на объект кампании: это разнообразная печатная продукция (листовки, плакаты, буклеты); сюжеты, клипы, ролики, передачи в электронных средствах массовой информации и сети Интернет; публикации в газетах и журналах, интернет-изданиях, блогах; сувенирная продукция; наружная реклама (билборды, транспаранты, брендмауэры, растяжки); непосредственные контакты (встречи с избирателями, массовые мероприятия); специальные слухи и пр.

В политических кампаниях большую роль играет еще один структурный элемент – *прямые и обратные связи*, т. е. электоральные предпочтения, массовые настроения, политические симпатии и антипатии, данные социологических опросов в отношении субъектов политического продвижения, их взглядов, позиций и пр. Наличие прямых и обратных связей позволяет политическому менеджеру не работать вслепую, наугад. Такие связи помогают оценить эффективность прилагаемых усилий, скорректировать некоторые подходы и действия в соответствии с конкретными данными, полученными в результате соответствующих исследований. Таким образом, политическая кампания с учетом прямых и обратных связей становится динамичным, живым организмом, который может меняться в зависимости от ситуации.

Технологии политического менеджмента выполняют целый ряд общих функций:

– *когнитивную, или информационную*, – ознакомление аудитории с политическим товаром: количеством участников политического процесса, их взглядами, содержанием политических программ, разнообразием личных качеств лидеров и т. д.;

– *аффективную* – передача или формирование соответствующего эмоционального отношения к предмету политического продвижения;

– *регулятивную* – побуждение к конкретным политическим поступкам: участию в выборах, массовых мероприятиях или, наоборот, их бойкотированию, противодействию; голосованию за ту или иную партию (кандидата). Месседж кампании должен приводить избирателя или гражданина в действие, нужное заказчику;

– *коммуникативную* – установление информационного взаимодействия между субъектами и объектами политической кампании;

– *убеждающую* – использование логических доказательств правоты субъекта политического продвижения;

– *социально-ориентирующую, или идеологическую*, при помощи которой происходит выделение «своего» политического субъекта, среди других, подчеркивание особенностей его идеологических взглядов;

– *функцию привлечения внимания*, без которой транслируемое нами сообщение может оказаться незамеченным.

Что собой представляет политическая кампания – ключевой продукт, осуществляемый руками и головой политических менеджеров?

Полноценный процесс управления имеет следующие элементы:

– *субъект управления* – тот, кто управляет (власть, политические элиты, партии, общественные организации и т. д.);

– *объект управления* – кем управляют (граждане, избиратели, электоральные группы и пр.);

– *цель и задачи управления* – чего хотят добиться (выиграть выборы, получить поддержку населения и т. д.).

Целями субъектов управления в политике традиционно являются завоевание, удержание и реализация власти и властных полномочий, а управленческие задачи весьма разнятся. Например, некая политическая команда пришла к власти на какой-либо территории под флагом преодоления транспорт-

ной проблемы. С целью укрепления своего авторитета в качестве профессиональных управленцев и, соответственно, своей власти этой команде необходимо будет не только найти финансовые и технические средства улучшения ситуации на транспорте (отремонтировать дорожное полотно, построить новые дороги, развязки, внедрить новые транспортные решения и пр.), но и решить ряд задач в области коммуникативного воздействия (разъяснить населению суть предпринимаемых шагов, в том числе непопулярных; аргументировать необходимость отказа от каких-то других проектов в пользу транспортного; нивелировать недовольство граждан, ждущих сиюминутного результата, подобрать для этого нужные слова, визуализацию, убедительных ораторов, эффективные каналы донесения информации и т. д.; отразить действия дискредитирующего характера, осуществляемые оппонентами). Заметим, что работа политических менеджеров включает не только знание технологий донесения информации, но и значительную творческую составляющую по формулированию информации, поиску приемов ее подачи и т. д.

В последнее время для того, чтобы более эффективно и прозрачно достигать исполнения управленческих целей (не только в политической сфере, но и в экономике, науке, инновационной, производственной областях), все чаще используется проектный подход. Под политическим проектом следует понимать содержательный алгоритм действий по достижению какой-либо конкретной цели, стоящей перед субъектом политического управления, по созданию или приобретению еще не существующего состояния. Цель, как правило, определяется исходными данными и ожидаемыми результатами (показателями эффективности), которые обуславливают способ ее достижения. Проектом является не набор случайных событий в политике, а система спланированных и организованных мероприятий, направленных на достижение итоговых показателей. Политический проект может состоять из одной или нескольких сюжетных и содержательных линий, связанных общей логикой и направленностью. Такие самостоятельные

цепочки действий и мероприятий, осуществляемых с целью реализации обозначенных проектных ориентиров, называют в научной литературе *политической кампанией*¹. При этом следует различать цель заказчика как политического субъекта, цель политического проекта и цель той или иной кампании.

Например, один из политиков определил для себя в качестве цели стать президентом страны. По его заказу политическими менеджерами разработан проект как последовательная система взаимосвязанных мер, предполагающая создание новой влиятельной политической партии, которая смогла бы объединить вокруг себя большое количество граждан для достижения политической цели заказчика, ее возглавляющего. В рамках политического проекта вырисовываются некоторые очевидные задачи. Для их решения разрабатываются кампании с самостоятельными целями:

- строительство партии (поиск заинтересованных политиков и сторонников, создание разветвленной партийной структуры, разработка ее идеологического кредо, партийный брендинг, реализация набора знаковых мероприятий, осуществление агитационно-пропагандистской работы и т. д.);

- работа с имиджем политика (повышение узнаваемости, коррекция существующего имиджа, его оптимизация, защита от неблагоприятного воздействия со стороны оппонентов и т. д.);

- работа с элитами, конкурентами и оппонентами (договоренности, выстраивание отношений, нейтрализация, минимизация неприятия среди элиты, привлечение на свою сторону, дискредитация несговорчивых и т. д.);

- избирательная кампания (от выдвижения кандидата в президенты до работы на избирательном участке и подсчета голосов).

Очевидно, что каждая из кампаний разбивается на ряд задач, которые также имеют параметры оценки эффективности.

---

¹ Володенков С. В. Управление современными политическими кампаниями. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 48.

Политические кампании могут быть реализованы как одновременно, так и последовательно, друг за другом в рамках одного проекта, если результаты одной будут обуславливать целесообразность начала последующих. Например, если строительство политической партии забуксовало и не дало должного эффекта массового вовлечения, а узнаваемость политика среди населения за какой-то промежуток времени так и не достигла желаемых параметров, то вступление в избирательную кампанию может быть нецелесообразно.

Любой политический проект имеет показатели эффективности, разрабатывается и существует в уникальных политических условиях. При достижении показателей проект завершается либо переходит на другой уровень реализации. Неэффективная работа может привести как к изменению проекта, так и к смене команды политических менеджеров, отвечающих за его осуществление.

Политическая кампания – это система действий, рассчитанная на достижение каких-то конкретных целей в политике. Ее разработка и осуществление традиционно включают несколько ступеней. Начальным этапом является постановка первичных целей, определение замысла кампании. Как справедливо пишет Галина Пушкарева, «политическая кампания не возникает сама по себе. Нужен толчок в виде намерения политического актора достичь желаемой цели и его готовности предпринимать для этого соответствующие шаги»¹. В этот момент политик или политическая партия определяют в том, чего бы они хотели от кампании.

Проверить жизнеспособность первичной цели, ее достижимость можно при помощи следующего этапа реализации – диагностики политического рынка, анализа политической конъюнктуры и ресурсного обеспечения кампании. Этот этап предполагает использование маркетинговых технологий изучения рынка. Его реализация осуществляется при помощи целого спектра приемов: анализа статистики (в том числе электро-

---

¹ Пушкарева Г. В. Указ. соч. С. 67.

ральной), социологических данных, исследований предпочтений СМИ, электоральных групп, выявления характеристик территории, основных проблем округа и т. д. Анализ имеющихся у инициатора политической кампании и его предполагаемых оппонентов ресурсов (или, проще говоря, изучение всех имеющихся возможностей, которые позволяют достичь поставленной цели или препятствуют ее достижению) может существенно скорректировать исходную цель кампании, сделать первоначальные замыслы более реалистичными или даже привести к отказу от них.

Кроме того, в ряде случаев этап диагностики политического рынка может предшествовать постановке первичных целей. В этой ситуации исследования помогают определить, например, свободную политическую нишу, альтернативный способ решения той или иной задачи, подтолкнув к выводам о возможном участии в кампании новых субъектов.

Аналитическая информация позволяет получить необходимые сведения для разработки стратегии и тактики политической кампании. Российские исследователи политтехнологий Евгений Малкин и Евгений Сучков проводят разграничительную линию между стратегией и тактикой. К стратегии они относят содержательную часть политической кампании, а к тактике – технологическую: «Стратегия отвечает на вопрос: что нужно сказать избирателям; какую информацию необходимо довести до них, чтобы они проголосовали за соответствующего кандидата (партию), а тактика – как сказать; как, в какой форме и в какой последовательности довести необходимую информацию»¹. В рамках разработки стратегии кампании осуществляются поиск центральной идеи кампании («месседжа») и сюжетных линий, актуализирующих ее; выявление целевых групп и их сегментирование; определение своих действий в отношении оппонентов, иными словами, формулируется идеологическое содержание планируемых действий. Тактическое направление работы предполагает создание конкретного

---

¹ Малкин Е. Б., Сучков Е. Б. Политические технологии. М., 2006. С. 41.

плана мероприятий проведения кампании (в том числе медиа-плана), разработку агитационных материалов, концепции их распространения. Подробности политических процессов, детали событий основному слою избирателей кажутся скучными, неинтересными, очень сложными, поэтому важна форма подачи политического содержания. Крайне значимы в современных политических кампаниях краткие тексты, выдающие идеологическую позицию политика в концентрированном и упрощенном виде: уникальное политическое предложение, месседж, слоган, лозунги, девизы кампании, используемые мемы, крылатые фразы и пр.

Этап реализации предполагает непосредственное управление процессом осуществления намеченных действий, воплощение в практику стратегии и тактики кампании: взаимодействие со СМИ, работу в Интернете, печать агитационных материалов, реализацию всего спектра «полевых» технологий (обходы избирателей, агитационные мероприятия, распространение агитпродукции, проведение публичных акций, наблюдение в день голосования и т. д.).

Финальным этапом политической кампании является подведение итогов проекта, т. е. анализ наиболее результативных решений, а также выявление ошибок и неудач кампании.

В научной литературе все чаще можно встретить точку зрения, отражающую необходимость непрерывного проведения политических кампаний, причем это касается как политиков, которые находятся у власти, так и оппозиционеров. Такой подход позволяет на протяжении длительного времени вести интенсивную работу с избирателями, объектами политического воздействия, и, соответственно, формировать более стойкие убеждения, доказывать свою состоятельность реальными делами, корректировать свои действия и имидж в угоду господствующим предпочтениям, а также обеспечивать сохранение и укрепление узнаваемости.

Часто говорят, что избирательная кампания начинается в тот момент, когда завершаются предыдущие выборы. Политики, которые активно взаимодействуют с медиа на протяжении

всего периода работы, с большей легкостью проходят через выборы. В связи с этим следует различать официальные сроки проведения избирательной кампании (как правило, несколько месяцев – с момента официальной публикации решения о назначении выборов до подведения итогов и предоставления отчетов) и сроки, необходимые для полноценной подготовки. В кампаниях локального масштаба минимальным периодом активной работы политика на электоральном поле является несколько месяцев, в более крупных кампаниях – около года и более. Отметим, что интенсивная работа политика только на финишной прямой часто дает эффект, преимущественно в электоральных слоях с «плавающими убеждениями», которые обычно определяют свои предпочтения прямо на выборах, в последний момент. Таких избирателей еще называют «болото».

Вышеуказанная последовательность действий – лишь очень общее представление об основных этапах политических кампаний. Сроки их проведения зависят от масштаба поставленных задач, поэтому политические кампании могут реализовываться как в течение нескольких дней, так и на протяжении многих лет.

Современное развитие медиа делает труд политических менеджеров, способных конструктивно управлять коммуникативными процессами, крайне востребованным. Как справедливо писал еще в начале XX в. классик PR Эдвард Бернейс, «если какое-либо сообщество считает, что открыло важную истину, то распространение ее является не привилегией, а обязанностью»¹. Таким образом, политический менеджмент становится одной из ключевых дисциплин современности. А его технологии выступают тем инструментарием, при помощи которого осуществляется работа в важном секторе управленческих взаимоотношений в политике.

---

¹ Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. С. 15.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите подходы к пониманию политического управления.
2. К какому типу управления относят политический менеджмент?
3. В чем состоят различия между политическим менеджментом и государственным управлением?
4. Дайте краткую характеристику приведенным в параграфе видам политического менеджмента.
5. Какие основные технологии политического менеджмента выделяются в современной литературе?

Рекомендуемая литература

1. *Ацюковский В., Ермилов Б.* Краткий политологический толковый словарь. М., 2003.
2. *Бернейс Э.* Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010.
3. *Борисов Б. Л.* Технологии рекламы и PR: учебное пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
4. *Володенков С. В.* Управление современными политическими кампаниями. М.: Изд-во МГУ, 2012.
5. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: PR и реклама: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005.
6. *Ильясов Ф. Н.* Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000.
7. *Лебедев А. Н.* Две исторические проблемы психологии рекламы // Реклама и жизнь. 1999. № 3–4.
8. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный Центр, 2010.
9. *Най Дж. С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: ФСПИ «Тренды», 2006.
10. *Недяк И. Л.* Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008.

11. *Ольшанский Д. В.* Механизмы массовой психологии. СПб.: Питер, 2001.
12. *Ольшанский Д. В.* Политический PR. СПб.: Питер, 2003.
13. Политическая имиджелогия / под ред А. А. Деркача, Е. Б. Перелыгиной и др. М.: Аспект Пресс, 2006.
14. Политическая психология: учебное пособие / под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
15. *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002.
16. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2003.
17. *Пушкарева Г. В.* Политический менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2002.
18. *Сурков В. Ю.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. М.: ЛЕНАНД, 2006.
19. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
20. *Чуев С. В.* Коммуникативные технологии политического менеджмента. Курс лекций. М.: Издательские решения, 2016.

3.3. Экономическая политология

История экономической политологии как научного направления и учебной дисциплины в России очень короткая, можно утверждать, что она берет начало с 2005 г., когда по инициативе Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД было открыто отделение экономической политологии. Магистерская подготовка по профилю экономической политологии проводится в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также в Высшей школе экономики. За рубежом дисциплины, изучающие схожие проблемы взаимодействия государства и бизнеса, существуют под названиями Politics of Business и Government Relations.

Причины введения новой дисциплины в научный оборот объясняются ее разработчиками востребованностью новых подходов к изучению взаимоотношений бизнеса, общества и власти в связи с проводимым государством модернизационным экономическим курсом в контексте дальнейшего совершенствования демократического режима управления.

Однако экономическая политология как научное направление еще находится на стадии концептуализации научного знания, накопленного в области пересечения экономической и политической систем общества¹. По данной научной дисциплине можно назвать единственный учебник для бакалавров под редакцией профессора А. Д. Богатурова «Экономическая политология. Отношения бизнеса с государством и обществом», вышедший в 2017 г. в издательстве «Аспект Пресс». Если рассматривать проблематику экономической политологии более широко, то можно отметить вклад преподавателей Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Под редакцией доктора экономических наук, профессора В. Ф. Уколова в московских издательствах «Проспект» и «Экономика» в 2008–2011 гг. вышел целый ряд научных работ по теории и технологиям взаимодействия власти, бизнеса и общества таких как «Взаимодействие власти, бизнеса и общества». Кроме того, защищен ряд диссертаций по проблемам государственно-частного партнерства (О. И. Леховицера, В. В. Кнауца и Э.К. Бараблиной). Значительный вклад в изучение проблем GR и PR-менеджмента своими научными разработками внесли преподаватели факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, например А. В. Павроз: «GR как элемент социального управления», «GR: принципы и механизмы эффективного взаимодействия с институтами государственной власти», «Группы интересов и лоббизм в политике».

---

¹ Анохин М. Г. Концептуализация взаимовлияния политики и экономики в эпоху глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 102–109.

Научный интерес к проблематике был также обозначен на Пятом Всероссийском конгрессе политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», который был организован в ноябре 2009 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и Российской ассоциацией политической науки. В рамках секции «Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации и взаимодействия» с докладами выступили российские исследователи в этой области: С. П. Перегудов, Г. П. Рогочая, И. С. Семененко, Г. Л. Тульчинский, Л. Е. Ильичева, В. А. Ачкасова, Е. В. Галкина и др.¹ Фондом «Сколково» совместно с Российской ассоциацией по связям с общественностью (РАСО) ежегодно проводятся Летние школы коммуникативных технологий. Основными темами секций были заявлены вопросы выработки эффективных форматов коммуникаций участников инновационной деятельности с органами государственной власти и общественными объединениями Российской Федерации.

Каждая наука или научная дисциплина в рамках выбранной парадигмы должна ответить на следующие вопросы: что является предметом ее изучения, в чем особенность ее методологии, какими методами она предполагает изучать свое предметное поле, каково ее место среди других наук, объединенных общим объектом исследования?

Понятие экономической политологии

А. Д. Богатуров дает такую трактовку: «Экономическая политология – наука об общих закономерностях отношений бизнеса, государства и общества и специфике этих отношений в любых странах, которые могут интересовать бизнес с точки зрения политических условий для его активности»².

---

¹ *Зобнин А. В.* GR-менеджмент на новом этапе развития // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 81.

² *Экономическая политология. Отношения бизнеса с государством и обществом.* М.: Аспект Пресс, 2017. С. 12.

Г. А. Колобова предлагает следующее определение: «Экономическая политология – это область политологии, направленная на изучение политических условий функционирования национальной экономики, анализ участия ведущих политических сил государства в принятии и реализации политических решений в экономической сфере и оценку механизмов их воздействия на экономику»¹.

В. В. Галкин так формулирует предмет исследования данной субдисциплины: «Экономическая политология – это научная дисциплина, изучающая в неразрывном единстве политику и экономику, как одно влияет на другое и в какие реальные действия выливается экономическая политика внутри страны и за ее пределами»².

К предметному полю экономической политологии относят: экономический анализ политических явлений; различные аспекты взаимодействия бизнеса и власти, бизнеса и общества; механизмы воздействия бизнеса на государство; экономическую политику государства.

Экономический анализ политических явлений предполагает использование экономических подходов применительно к политическим явлениям и процессам. Прежде всего это использование теории рационального выбора, методологии неокорпоративизма, приемов SWOT-анализа, методов кейс-стади (case study) при интерпретации политических и электоральных процессов.

Экономическая политика государства как предмет исследования представляет собой совокупность политико-административных норм и практик, регулирующих экономическую сферу жизни общества, куда могут быть отнесены федераль-

---

¹ Колобова Г. А. О предметном поле экономической политологии // Власть. 2016. № 12. С. 158.

² Галкин В. В. Политэкономия и экономическая политология [Электронный ресурс]. URL: <http://vadim-galkin.ru/politics/ekonomicheskaya-politologiya/politekonomiya-kak-nauka-i-prakticheskaya-disciplina/> (дата обращения: 01.11.2017).

ные законы, экономические стратегии, федеральные целевые программы. Государство в современных демократических режимах уже не выступает единственным субъектом принятия решений в экономической сфере, рассматривающим бизнес как объект управления, а выстраивает сложную систему партнерских субъект-объектных отношений соуправления.

В качестве самостоятельного направления исследований можно также указать на механизмы воздействия бизнеса на государство, такие как лоббирование, PR и GR. Понятие GR (англ. government relations) рассматривается в нескольких значениях: как взаимодействие с органами государственной власти представителей коммерческих и некоммерческих организаций; как коммуникация негосударственных организаций с органами государственной власти; как система отношений с органами государственной власти. PR (англ. public relations) в широком значении термина означает «связи с общественностью».

Взаимодействие бизнеса и общества конкретизируется через экономическое направление деятельности структур гражданского общества: политических партий, некоммерческих (неправительственных) организаций, профсоюзов, организаций государственно-частного партнерства.

Место экономической политологии среди других наук

Как и любая субдисциплина, экономическая политология пересекается в своем предметном поле с родственными дисциплинами: политологией, политической философией, экономикой, политической экономией, а также субдисциплинами: политическим PR и GR. Каково же ее место среди наук с общим объектом исследования, в чем уникальность экономической политологии, открывающая дальнейшие перспективы ее институционализации и практической востребованности ее научного и прикладного потенциала?

Экономическая политология как гибридная субдисциплина является составной частью политической науки. Политическая

наука, накапливая теоретическое знание в области властных отношений, активно развивает исследования в сфере политико-административного регулирования экономической деятельности. В соответствии с требованиями Болонской системы образования и по решению Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet), Европейского консорциума политических исследований (ЕСРР) в предметную область подготовки бакалавров-политологов в европейских учебных заведениях должно входить государственное управление. Востребованность экономической политологии как учебной дисциплины, дополняющей перечень предметов, изучающих различные аспекты государственного управления, объясняется тем, что у России есть своя исторически сложившаяся специфика взаимодействий в области публичной политики, значительно отличающая ее от общемировой и конкретно европейской практики в этой сфере. Основное отличие – сохранение области неинституализированных отношений между бизнесом и властью, государством и обществом, порождающее различные девиации в социальных и политических отношениях.

С политической философией экономическую политологию объединяет научный интерес к проблемам соотношения индивидуального и общественного в политике, взаимодействия власти, общества и личности, а разъединяет метод исследования: если у политической философии это прежде всего философская рефлексия, то у экономической политологии – методы, заимствованные из арсенала экономической науки.

От политической экономии, с которой чаще всего путают экономическую политологию, ее отличает в первую очередь прикладная направленность. Если политическая экономия изучает общественные отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, распределения и потребления материальных благ, то экономическая политология как составная часть политической науки в качестве приоритета рассматривает закономерности взаимосвязи политики и экономики, хотя касается тематики классовых взаимоотношений в обществе, понятия справедливого распределения доходов, политической

конкуренции, идеологической ориентации деятельности бизнеса. Термин «экономикс» в западной литературе постепенно вытесняет термин «политическая экономия», он обозначает отрасль экономической науки, изучающую законы ведения бизнеса на макро- и микроуровнях. С экономической политологией его объединяют научный интерес к формированию экономической политики и практическая направленность.

Предметные поля экономической политологии пересекаются с такими дисциплинами, как GR (government relations) и PR (public relations). В России GR- и PR-менеджмент существуют в статусе самостоятельных дисциплин, опирающихся на значительные зарубежные исследования в области налаживания связей бизнеса и власти, а также связей с общественностью. Экономическая политология исследует все политические аспекты проблем взаимоотношений власти и бизнеса, такие как разработка органами власти экономической политики, экономических стратегий, участие бизнес-структур и организаций гражданского общества в системе управления государством, их влияние на разработку федеральных целевых программ и других экономических государственных проектов.

Методология экономической политологии

Наиболее распространенным видом методологии, применяемой в экономической политологии как научном направлении, является неоинституционализм и теория рационального выбора, что объясняется влиянием данного исследовательского подхода в Европе и США. Теория рационального выбора была заимствована политической наукой из экономики в 50-е гг. XX в., но актуализирована только в 80-е, что объясняется интересом к изучению поведения индивидов в политических процессах. «Индивидуальное поведение может рассматриваться как рациональное, поскольку оно касается основных социальных и политических обстоятельств. Таким образом, фундаментальные принципы политического поведения одинаковы в различных политических системах, несмотря на различные

конфигурации институтов и политических феноменов»¹. Однако, как показывает практика, в России, в ее переходном состоянии, в котором находится политический и экономический режим, указанные закономерности имеют свою специфику, отличающую страны с нелиберальной экономикой от стран, где укоренены либерально-демократические отношения.

Теория рационального выбора как методология исследования дает ряд преимуществ по сравнению с иными исследовательскими подходами: объясняет поведение человека в экономике и политике его интересами и потребностями; основывается на методологическом индивидуализме; исходит из рациональности поведения индивидов в социальной сфере; позволяет системно рассматривать индивидуальное поведение человека и деятельность политических и экономических институтов во взаимном влиянии; использует экономический подход к объяснению рационального поведения человека в политике; расширяет практико-ориентированные возможности политической науки.

Методы, применяемые экономической политологией, следующие: общенаучные методы, методы политического анализа и прогнозирования, моделирование поведения индивидов, экономические: SWOT-анализ, кейс-стади (case study) – метод кейсов.

Практическая значимость экономической политологии

В настоящее время экономическая политология может быть охарактеризована как практико-ориентированная дисциплина, формирующая различные управленческие компетенции, например управления политическими и избирательными кампаниями, политическими интернет-кампаниями, организации управленческих процессов на различных уровнях государственной власти; владение приемами командной работы;

---

¹ Kato J. Review Article: Institutions and Rationality in Politics. Three Varieties of Neo-Institutionalists // British Journal of Political Science. 1996. Vol. 26, № 4. P. 564.

представление интересов бизнес-структур и общественных организаций в органах государственной власти; коммуникативные практики взаимодействия с органами государственной власти; практики ведения переговоров. Данная субдисциплина призвана формировать навыки применения технологий фандрайзинга и краудфандинга, политической рекламы и PR, мониторинга, социологических опросов и интервьюирования, консалтинговые и маркетинговые технологии, навыки политического брендинга.

Экономическая политология является направлением, сочетающим подходы политологии, экономики, менеджмента в области выработки стратегий взаимодействия бизнеса, общества и власти. В качестве примера можно привести развитие института оценки регулирующего воздействия (ОРВ) при формировании и реализации государственной политики. Одной из задач ОРВ является согласование интересов органов государственного управления, бизнеса и общества посредством привлечения предпринимательского, экспертного сообщества и институтов гражданского общества к процедуре оценки. Ее рекомендации, основанные на эмпирических исследованиях, позволяют выстраивать оптимальную модель взаимодействия общества и власти.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему в настоящее время в России оказалось востребованным такое направление науки, как экономическая политология?
2. Каков статус экономической политологии: наука, научное направление или субдисциплина?
3. Когда экономическая политология институализировалась как самостоятельная дисциплина?
4. Дайте определение экономической политологии.
5. Что составляет предметное поле экономической политологии?
6. Какие основные проблемы решает экономическая политология в России?

7. Какое место занимает экономическая политология среди других наук, изучающих взаимоотношения власти, бизнеса и общества?

8. Какова основная методология, применяемая экономической политологией?

9. Какие методы применяет экономическая политология для исследования своего предмета?

10. В чем проявляется прикладная направленность экономической политологии?

Рекомендуемая литература

1. *Анохин М. Г.* Концептуализация взаимовлияния политики и экономики в эпоху глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 102–109.

2. *Анохин М. Г.* Экономическая политология в контексте общей политологии // Государство, бизнес. Общество: теории и российские реалии / под ред. Л. Е. Ильичевой. М.: Аналитик, 2012. С. 180–194.

3. *Богатуров А. Д.* Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 8–19.

4. Взаимодействие политической и экономической систем общества. Курс политологии: учебник. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 287–294.

5. *Дегтев А. С.* Отечественная политология об отношениях власти и бизнеса в России // Политическая наука. 2016. № 2. С. 247–258.

6. *Заостровцев А. П.* Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество? XV Леонтьевские чтения в Санкт-Петербурге // Финансы и бизнес. 2016. № 3. С. 138–141.

7. *Зобнин А. В.* GR-менеджмент на новом этапе развития // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 78–86.

8. Колобова Г. А. О предметном поле экономической политологии // *Власть*. 2016. № 12. С. 156–158.

9. Колобова Г. А. Экономическая политология как область знаний. Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума 26–30 мая 2016 г., г. Ялта / под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. Симферополь: АРИАЛ, 2016. С. 100–104.

10. Корпоративная социальная ответственность: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. В. Я. Горфинкеля, Н. В. Родионовой. М.: Юрайт, 2014. 570 с.

11. Сетевая модель взаимодействия власти, бизнеса и общества / под ред. В. Ф. Уколова. М.: Проспект, 2009. 59 с.

12. *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2012. 448 с.

13. *Уколов В. Ф.* Взаимодействие власти, бизнеса и общества: учебник. М.: Экономика, 2009. 621 с.

14. *Уколов В. Ф., Быстряков И. К.* Пространство взаимодействия власти, бизнеса и общества: материалы лекций [Электронный ресурс]. URL: http://www.kit.rags.ru/knowledgebase/reference_books (дата обращения: 04.11.2017).

15. Экономическая политология. Отношения бизнеса с государством и обществом / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2017. 240 с.

16. GR и лоббизм: теория и технологии: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. А. Ачкасова [и др.]; под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М.: Юрайт, 2015. 315 с.

17. GR-связи с государством. Теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учебное пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. 408 с.

3.4. Политическая концептология

Исходная проблема

Применение аналитической философии (далее АФ) к изучению социально-политических феноменов началось недавно. В аналитических дисциплинах последних лет на авансцену стала выходить политическая философия (далее ПФ)¹. Автор занимается ПФ давно², и применение философских методов для анализа конкретных объектов всегда интересовало его больше философии как таковой. В 1995 г. был получен грант по теме «Метатеория политической реальности», и до начала 2000-х гг. автор написал ряд книг и статей, посвященных анализу русской власти, главных идеологий современности, категории интереса и т. д.³ Промежуточное резюме этих исследований можно сформулировать следующим образом.

Политическая концептология (далее ПК) – это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности. В фи-

---

¹ См.: *Грязнов А. Ф.* Вступительная статья // Аналитическая философия: становление и развитие: антология / общ. ред. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

² См.: *Макаренко В. П.* Политическая философия. Ростов н/Д: Логос, 1992.

³ *Макаренко В. П.* Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы: материалы Международного симпозиума. СПб.: Петрополис, 1996. Т. 3; *Он же.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998; *Он же.* Правительство и бюрократия // Социс. 1999. № 3; *Он же.* Технократические мамелюки. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2000; *Он же.* Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000; *Он же.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М.: Высшая школа, 2000; *Он же.* Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001; *Он же.* Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001. № 12; и др.

лософии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Для конституирования ПК главной является процедура *методологического выбора*. Этот выбор предполагает *дистанцирование* исследователя от реальных политических процессов, систем, конъюнктуры и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что указанные феномены – варианты традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном и мировом измерениях.

Корпус ныне существующих политологических знаний есть комплекс пространственно-временных, властно-ситуационных и институциональных модификаций обыденных стереотипов поведения, экономического и политико-правового утилитаризма и прагматизма. Эти модификации отражены в системах международного, конституционного и обычного права, принципах государственного управления. Однако *различие* религиозных и светских идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве. Поэтому комплекс нормативно-оценочных систем есть множество разновидностей повседневного, административного, юридического и политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии анализа указанного различия.

Любая нормативно-оценочная система не является политическим фактом. Так называемая реальная политика связана с иной фактуальностью, типологическими схемами, пониманием разума, воли и интересов, нежели это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями и проектами. Институты политических экспертов и советников более-менее «пристегнуты» к политическим процессам и конъюнктуре. Поэтому политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. «Рациональность» любых политических решений, программ и действий всегда сомнительна. Систематическое рассмотрение вытекаю-

щих отсюда политических ошибок как направление исследований делает лишь первые шаги.

Если субстанциональное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру рациональности политических решений и действий? Один из распространенных способов – ссылка на интересы как конституирующий феномен социально-политической реальности. Но реализация интересов всегда ведет к «неожиданным последствиям» и порождает «замкнутый круг идеологий»¹. Ни одно государство не смогло преодолеть ни того, ни другого. Иной способ – классификация групповых интересов данного общества по степени их политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одном государстве. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали и социальных групп в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, *конфликт* между «рациональностью» и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для АФ проблема рациональности является ключевой.

Этот конфликт не может быть адекватно отражен ни религиозными (иудаизм, христианство, ислам), ни светскими классическими (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими (анархо-свободомыслие, фашизм, традиционализм) идеологиями (такую типологию предлагает Н. Боббио). В XX в. к ним прибавились национализм, регионализм, коммуитаризм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство и другие идеологические гибриды. Они существуют ныне в мире и в России в самых причудливых комбинациях. Но их связь с цивилизационными и геополитическими

---

¹ Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. 2001. № 3.

концепциями в каждом конкретном политическом решении пока не изучена.

Все формы индустриального, социально-экономического, социально-политического и культурно-исторического ове­ществления способствуют производству и трансляции квази-субъектов экономических, политических и духовных процес-сов¹. Неясно, как установить меру данной квазисубъективно-сти. Видимо, здесь не обойтись без анализа отношения между нормативно-элиминационной и конструктивно-генетической концепциями факта во всем корпусе языка социальных наук, политологии и практической политики. Для АФ эта проблема также является одной из центральных.

В методологии науки показано, что не существует инвари-антных базисных истин и единых критериев истинности для всех субъектов и объектов познания. Субъекты и объекты поз-нания мозаичны и гетерогенны. Тактика выбора базисного основания знания зависит от той или иной формы приоритета индивидуального сознания над целокупным². Но программа сбора первичных данных о политических процессах, институ-тах и решениях в контексте указанных идей пока не разрабо-тана. Неясно также, какую из концепций истины предпочесть при разработке такой программы.

Я думаю, имеет смысл исходить из того, что политические факты не зависят от опыта индивидов, участвующих в по-литических процессах. Если перефразировать Б. Рассела, то классы политических объектов сами не являются политиче-скими объектами, но классы вещей и процессов, не будучи по-литическими объектами, представляют собой вещи и процес-сы, которые не являются политическими объектами³. В этом

---

¹ См.: Макаренко В. П. Феномен квазиполитики и проблема по-литических объектов // Вестник МГУ. Серия политических наук. 1998. № 2–3.

² См.: Огурцов А. П. Аксиологические модели в философии нау-ки // Философские исследования. 1995. № 1.

³ См.: Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993. С. 19–21.

видится исходный парадокс ПК. Он выражен в дискуссии об универсальной или локальной природе социальных и политических объектов и знания о них. О каком-либо итоге данной дискуссии говорить невозможно¹.

В сформулированном парадоксе каждая из альтернатив ведет к своей противоположности. Конфликт между ними можно использовать для систематизации множества *абсурдных событий в политической истории всех стран*. По сути дела, политическая история в основном и сводится к таким событиям. Однако мне неизвестна политическая история какой-либо страны (в том числе России), написанная под таким углом зрения. Хотя возможность такой историографии уже осознана². По мере ее реализации можно строить теорию политических типов. Она не должна базироваться на субъект-объектном разделении мира, пространственно-временных характеристиках государств и культурно-цивилизационных принципах типологии, поскольку все они оспариваются. Следовательно, государства не являются субъектами социального развития или их время в качестве таких субъектов подходит к концу³.

ПК не должна базироваться также на допущении о «здоровом смысле» практических политиков и властно-управленческих аппаратов государств. Такое допущение размывает границы традиционализма и современности и не позволяет изучать *политику как мир реализованного абсурда*. Политический произвол и абсурд существуют под прикрытием «воли Бога», «государственного разума», «здорового смысла», «исторических закономерностей», «модернизации»,

---

¹ См.: *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? // Полис. 1996. № 6; 1997. № 1–2.

² См.: *Розов Н. С.* Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12; *Время мира: альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2000.

³ См.: *Чешков М. А.* Неоэватизм: мировые и локальные измерения // Полис. 1996. № 2.

«мегатенденций», «цивилизационных вызовов» и тому подобному религиозно-научному жаргону. Однако независимо от фразеологии и контекста ее употребления большинство политиков всех времен и народов вдохновляются следующими мотивами деятельности: эмпиризм, оппортунизм, волюнтаризм, идеализм, эпигонство, индивидуально-групповой и организационный макиавеллизм как господствующий тип политической этики, искусство внутренней дипломатии. Ни тирания, ни демократия не в состоянии преодолеть эти мотивы. В результате политика стала неопределенным множеством действий, в составе которого прямое насилие все более заменяется символическим насилием и манипуляцией. Большинство политиков ведут игру с общественным мнением и не способствуют разрушению указанных политических мотивов, стереотипов и иллюзий¹.

В XX в. развивались следующие тенденции: рост числа государств и властно-управленческих аппаратов; рост числа международных организаций; возможность превращения любого действия, стереотипа мышления и даже чувства в «событие» внутренней и международной политики. Ни одна тенденция не предотвратила классических и современных форм насилия и манипуляции. Следовательно, нельзя приписывать статус бытия существующим государствам. Целесообразно исходить из постоянного *колебания* между политическим бытием и небытием. Чем дольше существует то или иное государство, тем больше опасность превращения его в «онтологическую» реальность. Однако шаткость государств пока еще не стала принципом исследования политической истории и современного состояния государственности.

На данных фактах и тенденциях может строиться модель расширяющейся политической вселенной. В этой модели значимость фактов и событий устанавливается задним числом и «задним умом» политиков и их научно-религиозной obsługi. Поэтому политическая вселенная в большей степени потенци-

---

¹ См.: Макаренко В. П. Технократические мамелюки.

альна, нежели актуальна. Политическое время течет не вперед, а назад, при параллельном сужении политического пространства. Принимаемая «субъектами» политики трактовка времени-пространства непосредственно влияет на понимание ими политической ответственности. Однако теория политической ответственности (или вины) в ее уголовном, моральном, политическом и мировоззренческом измерении (проект К. Ясперса) пока не разработана¹. Для этого требуется строгое знание о способах соединения в одно целое философских, аксиологических и прагматических элементов всех политических доктрин, концепций и программ. Такого знания не существует. Классические, романтические и постклассические идеологии лишь в отрицательном смысле определяют то, каким будет вложенное в каждую из них содержание, как используются результаты осмысления эмпирии и какой последняя видится людям, участвующим в политических процессах. Следовательно, познание реальности на основе каждой из указанных идеологий (на уровне интересов, чувств и символов) остается дискуссионным².

Таковы главные итоги предшествующих исследований автора в области ПК. Что могут дать аналитические дисциплины для ее уточнения, конкретизации и развития? Для ответа на вопрос автором написаны две книги. В первой из них обобщены некоторые результаты и контекст аналитических исследований в области философии, экономической теории, социологии, политологии, права, историографии, во второй разработаны ключевые политические концепты – от свободы и политики до республики и пределов толерантности³. В этой статье дана краткая аннотация некоторых результатов первой книги.

---

¹ *Ясперс К.* Вопрос виновности // Знамя. 1994. № 1.

² *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29).

³ *Макаренко В. П.* Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002; *Он же.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005.

Базовые термины

Существуют разные понимания концептов. В философии науки под *концептом* понимается акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Концепт включает следующие параметры: полнота смысла выражения в целостном процессе произнесения; субъектность, смыслоразделительная функция и смысловое единство речи; в отличие от понятия концепт есть продукт возвышенного ума (духа), который способен творчески воспроизводить и собирать смыслы; концепт предельно субъектен и предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на вопросы и рождая диспут; память и воображение; направленность на понимание здесь и теперь; синтез способностей души: как акт памяти концепт ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее¹.

В последнее десятилетие концептология (сходные термины – концептуализм, концептивизм) используется для анализа общих проблем социо- и культуролингвистики² и рефлексии о будущем гуманитарных наук³. Для автора особое значение имеет историко-концептологический метод. Он разработан Дж. Б. Расселом для анализа физического, ментального и духовного насилия и базируется на изучении прямого, непосредственного и экзистенциального зла в христианстве и других религиях. Этот метод противостоит сравнительному религиоведению, теории архетипов Юнга, феноменологии и структурализму. Для обобщения используется материал со-

---

¹ *Неретина С. С.* Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 306–307.

² См.: *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999; *Руднев В. П.* Словарь культуры XX в. М., 1997; *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

³ См.: *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 52–65.

циологии и истории идей: «История концептов имеет двойственную цель: объяснить развитие концептов и понять сами концепты. Этот метод предполагает реальность и важность самих по себе концептов, поскольку не события беспокоят умы людей, но суждения об этих событиях. История концептов подобна традиционной истории идей, но отличается от нее по двум пунктам. Во-первых, история концептов опирается на социальную историю. Во-вторых, история концептов стремится к сочетанию высшего и низшего уровней мышления, теологии и философии, мифа и искусства, результатов сознательной и бессознательной деятельности... Концепт отличается от идеи тем, что он (1) имеет более широкое социальное и культурное основание и (2) содержит в себе не только рациональный, но и более глубокие психологические уровни»¹.

Концепт не метафизичен, не объективен и не субстанциален. Его восприятие обусловлено психологическими и социальными установками наблюдателя. Концепт – это то, что думают о нем люди. Он заключается в традиции представлений, получившей общественное признание во время их высказывания или позже. Традиция концепта включает: верность образу; развитие, усложнение и дифференциацию во времени; большое множество идей; центральную идею; постижение центральной идеи путем показа того, что традиция целиком или частично не соответствует непосредственному восприятию тех или иных концептов.

Христианство – наиболее яркий пример истории концептов: «Истина христианства будет лучше всего раскрыта не исследованием его источников, а скорее наблюдением его развития в традиции... Персонафикация зла получила наиболее полное развитие в иудеохристианской мысли... Этот метод признает важность социальной среды для формирования концепта, но самому концепту уделяет большее внимание, чем социуму»². История концептов обеспечивает: наилучшее из возможных

---

¹ *Рассел Дж. Б.* Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001. С. 50–51.

² Там же. С. 60–63.

определений зла; представление о концепте зла изнутри человеческой психологии; демонстрацию процесса развития мышления о зле; интеграцию религиозно-философских формул зла с мифологией, искусством и поэзией; связь с исторической социологией знания, глубинной психологией, феноменологией и традиционной историей идей; понимание проблемы зла и страдания¹.

Замечания не исчерпывают проблемы историко-концептологического метода. Но в соответствии с темой можно сделать следующую оговорку: физическое, политическое, ментальное и духовное насилие (которое воплощается во многих формах, включая политику) было и остается злом, едва оно выходит за рамки уголовно-правовых санкций. Историко-концептологический метод базируется на тщательном изучении истории и современной формы христианства. Поэтому религиозно-идеологическое насилие и манипуляция входят в предмет исследования. Этим объясняется отбор теорий, которые способствуют движению в таком направлении.

Теперь необходимо сказать о термине *политическая философия*. Вместо политической *философии* можно было бы использовать термин *теория* по причине распространенности представления о совпадении политической теории с политической философией. Я предпочитаю термин *философия* для акцентирования интереса к нормативной мысли. Выражение *политическая теория* означает не только нормативную, но и эмпирическую мысль, которая стремится объяснить, а не оценить любое явление. Политическая философия безоговорочно высказывает оценки на основе принятого метода исследования. Но отсюда не вытекает методологический пуризм. Наоборот, круг поставленных проблем широк. Поэтому вопрос о возможностях определенной сферы знания не менее значим для нормативных целей, нежели вопрос о реальном состоянии дел в данной сфере. Политическая философия не должна замыкаться в дискуссиях узкой группы специалистов, которые

---

¹ *Рассел Дж. Б.* Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001. С. 65.

созерцают или изучают конкретные сферы и ценности. Поэтому надо принимать во внимание вклад разных научных дисциплин (аналитической философии, экономической теории, социологии, политологии, правоведения, историографии) в политическую философию.

Если речь идет о *политической* философии, то ее цель состоит в определении типов политических институтов, которые необходимы для эффективного функционирования и динамики данного общества. Но в обычных обстоятельствах такие институты несвободны от многообразной социокультурной детерминации. Следовательно, политическая философия не обязана обеспечивать индивидов знанием о том, как они должны вести себя в несовершенном мире. В нем не было, нет и не будет идеальных институтов. Лица, стоящие у кормила власти, всегда используют политические институты в своих интересах. Теория не содержит указаний, которыми индивиды могут руководствоваться при решении проблемы политических обязанностей.

К тому же существует узкое и широкое понимание политических институтов. В первом случае в их состав входит избирательная система, парламент, система отбора лиц в институты исполнительной власти и т. д. Во втором случае в состав политических институтов включаются все правовые, экономические и культурные институты, возникшие в результате политической деятельности. Мы будем руководствоваться широким смыслом термина. Отсюда вытекает, что политическая философия изучает различные политические процедуры и социальные системы, для формирования которых используется политика. Предмет политической философии – множество институтов, которые создают «базисную социальную структуру» (если применить понятие Дж. Ролза).

Теперь несколько слов об *аналитической философии*. Уже говорилось, что на протяжении последних 20–30 лет политическая философия стала главным предметом интереса аналитической философии. Правда, такой статус у нее уже был в XIX в., хотя в первой половине XX в. она его потеряла. Мы

уделяем преимущественное внимание трудам, которые появились после 1970 г. и еще не вошли в научный и политический оборот России. Просто сообщить о них коллегам (слушателям и читателям) – попутная, но важная задача. Разумеется, для обсуждения новейших концепций требуется комментарий ранее опубликованной литературы. Но эту задачу автор реализует лишь в той степени, в какой она необходима для понимания современной ситуации в политической философии.

В неаналитической традиции трудно установить современность тех или иных концепций. Неаналитическая традиция тесно связана с фигурами прошлого, и потому присутствие философского музея восковых фигур здесь ощущается на каждом шагу. Например, современный постмодернизм (особенно его французский вариант) нельзя понять без учета наследия Ф. Ницше. Постмодернисты считают его пророком, предвосхитившим указанную интеллектуальную моду. То же самое можно сказать о других фигурах, которые пока не спрятаны в запасники музея.

Наконец, политической философией занимаются представители разных научных дисциплин, ссылаясь при этом на труды, принадлежащие к разным сферам знания. В любом случае происходит концентрация на междисциплинарных проблемах. Однако дисциплинарные различия создают множество трудностей. К сожалению, здесь не место их обсуждать. Остается только надеяться на то, что коллеги заметят междисциплинарную связь политической концептологии с аналитической политической философией. По крайней мере, узнают о разных направлениях современной политической философии. А специалисты смогут ориентироваться в том, что происходит в других сферах знания.

Возрождение аналитической политической философии

В СССР политическая философия не была признана. Ситуация начала меняться в 1990-е гг., но категории и объяснительные схемы исторического материализма по-прежнему

владеют умами. Эта тенденция обусловлена множеством факторов, в том числе особенностями российского логического менталитета: многозначность и отказ от требования непротиворечивости при описании действительности; оперирование не понятиями и высказываниями, а объектами, не имеющими логического статуса¹. Для полемики с данной тенденцией целесообразно использовать аналитическую политическую философию, которая базируется на противоположных посылах.

В частности, методологический выбор возникающей отечественной политической философии пока еще задан марксизмом, неомарксизмом, экзистенциализмом, ницшеанством, феноменологией, структурализмом и постмодернизмом, сложившимися в ходе критики Просвещения.

Альтернатива и дилемма. В отличие от указанных направлений мысли и практики АФ развивает главные посылы Просвещения: разрушение аристотелевского и средневекового образа мира; переосмысление природы знания и создание новой концепции знания; универсальный процесс *расколдовывания мира* (М. Вебер); отрицание всякого религиозного и морального смысла мира; создание различных способов обоснования ценностей (мораль, разум, чувство, произвол). И хотя каждое обоснование спорно, социокультурные преобразования последних трехсот лет осуществлялись на этой основе.

АФ выдвигает идею сущностной спорности всей системы понятий социальных наук, ценностей и мировоззрений. Попутно она отвергает всю гегелевскую традицию социально-философского анализа, в том числе идею диалектики как универсального принципа познания морали и политики. Эта идея в большей или меньшей степени используется в различных вариантах отечественного и европейского постгегельянства.

---

¹ См.: Карпенко А. С. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 148–153; Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–80-е годы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 8–9, 117.

В первой книге автора были детально описаны политическое содержание неомарксизма, экзистенциализма, антигуманизма и постмодернизма, показано, что неомарксизм не является критичным, поскольку усматривает революционную способность только у тех, кто с ним согласен. Например, идея Ю. Хабермаса о том, что идеальная коммуникация должна служить достижению консенсуса, есть рафинированное обоснование экономического угнетения и политического насилия.

Экзистенциализм онтологизирует свободу, ограничивает разум и оправдывает индивидуальный и групповой произвол. Характерно, что многие сторонники экзистенциализма оправдывали сталинизм, фашизм, колониализм. Из экзистенциализма невозможно вывести конструктивную концепцию политики.

Антигуманизм подорвал философский и политический статус субъекта, отбросил тотализирующие теории, понятия свободы выбора, индивидуальной и групповой аутентичности, показал случайность и произвол любой связи знака и значения. В книге также разработаны принципы анализа политики: современный разум неотделим от институтов надзора; борьба за власть – основание всех социальных и политических институтов и дискурсов; социальная и политическая теория должна быть локальной и региональной практикой. Критика религиозного и светского гуманизма – продуктивный момент данного направления современной философии. Хотя споры по этому вопросу продолжаются.

Постмодернизм полагает критику легитимности современного разума следствием политической легитимизации современности. В политическом дискурсе воплощено тоталитарное господство над разнообразием. Разработаны концепция мышления как множества различий и принцип деконструкции. Показано также, что современное метафизическое и политическое мышление есть множество иерархий насилия, для изменения которого культивируется внутренняя и внешняя критика. Но в постмодернизме тоже нет конструктивной концепции политики. Результаты постмодернистской критики

не выходят за рамки главных направлений постпросвещенческой мысли. Позиция скептического наблюдателя равнозначна признанию *status quo*.

Все указанные тенденции можно обнаружить в советской и современной российской философии и социальных науках. Однако ни марксизм, ни экзистенциализм, ни постмодернизм не в состоянии осознать главную дилемму современности: участие в политике по-прежнему необходимо, но успех такого участия все более сомнителен.

Аналитическая пропозиция. АФ предлагает другую стратегию разработки проблем политической теории и практики – синтез философских, экономических, социологических, политологических, правовых и исторических аспектов исследования для решения данной дилеммы.

Философский анализ базируется на отбрасывании социогуманитарного знания в той степени, в которой на его предмет, структуру и проблемы повлияли Руссо, Гердер, Гегель, Маркс, Кьеркегор, Ницше (и подобные им мыслители других стран); отрицании всех стилей философской мысли, которые сложились под влиянием религии, политики, экономики, культуры и медицины. Аналитическая политическая философия – это нормативное мышление о социальных и политических институтах, необходимых для политической деятельности, а также систематизация когнитивных и социокультурных барьеров критики и преобразования социально-политических отношений и институтов.

В первой половине XX в. АФ не занималась проблемами политики. Это объясняется квалификацией ценностей как ненаучной проблемы и определением фактов как предмета эмпирических дисциплин, а не философии. В 1960-е гг. начинается применение методов и концепций аналитической философии для анализа политики. Формулируются три задачи: анализ политических воплощений ценностей свободы, равенства и демократии; изучение взаимосвязи философии и экономики; познание корреляций комплексов ценностей с политическими институтами. В начале 1970-х гг. Дж. Ролз

разработал теорию справедливости для обоснования универсальных политических ценностей современного общества и связал ее с методом *рефлексивного равновесия*. Это стратегия обоснования нормативно-оценочного мышления в целом для установления принципов справедливой организации общества. Политические институты должны соответствовать принципам справедливости.

Анализ ценностей есть поиск правильной политической позиции, он не сводится к критике культуры. Политическая позиция базируется на методах рефлексивного равновесия и контракта. Если шансы на успех неизвестны, то индивидуальный выбор консервативен независимо от социальных структур. Однако индивидуальная и социальная польза (материальное благосостояние, социальная карьера, престиж и т. п.) не оправдывают манипуляцию любым аспектом свободы.

Эти выводы Ролза подвергнуты критике теоретиками рыночной экономики, феминизма, коммунитаризма, анархо-капитализма. В итоге сформулирован вывод о невозможности реализации справедливости по ряду причин: недоступность информации; раздел современного мира на государства, включенные в международные сети торговли, права и управления; гендерное неравенство; разделение публичной и приватной сфер; ложность идеалов «свободы от ценностей» и автономного индивида; отсутствие конкретно-социологической информации обо всех фактах несправедливости; неисторичность, нереалистичность и тоталитарные тенденции теории справедливости Дж. Ролза. Одновременно высказаны продуктивные идеи: все государства аморальны, поскольку взимают налоги, применяют физическое насилие и пользуются монополией на легитимное применение силы; государство как политический институт не является гарантом права и справедливости; свобода выбора – это ниспровержение всех государств, кроме минимального; его задачи – защита граждан от насилия, воровства и мошенничества; политика должна опираться на ценности локальных обществ, а не государств; политическая теория должна разрабатываться на основе множества социологических теорий.

Новейшая аналитическая политическая теория (1980–2000-е) – это реакция на теорию справедливости. Главный предмет спора – роль контракта в установлении справедливости. В зависимости от его оценки контрактализм разделился на экономический и политический. Экономический сформулировал следующие положения о природе контракта: обоюдная польза сторон, интересы и убеждения которых сформировались до контракта; взаимные уступки для выигрыша обеих сторон; исключение обмена, при котором одна сторона влияет на другую. Политический контрактализм базируется на других посылах: контракт обязателен для сторон; он есть следствие обсуждения общих интересов; способен устоять в дискуссии; предполагает одобрение всего (или большинства) общества. Сформулированы также общие выводы: в политике интеллект значим больше, чем в экономике; наиболее предпочтителен социальный порядок, который избран в результате нейтрального диалога, – ни один индивид, ни одна концепция блага не считаются хуже остальных.

Главные сферы исследования аналитической политической теории – политическое благо и политический выбор. Теория блага есть комплекс объективных требований, которым должны удовлетворять политические ценности. Теория выбора – это принципы классификации подходов к установлению политических институтов. Главные послышки теорий политического блага и политического выбора – универсальный персонализм и ценностный солипсизм. Политическое бытие – это конфликт политических институтов и индивидов. Персонализм – это принцип, который отрицает доминирование общих интересов и политических институтов (народы, общества, государства и культуры) над индивидуальными интересами. Судьбы людей не должны быть связаны с бытием государств и других политических институтов. Политические ценности не зависят от критериев оценки. Институты должны соответствовать благу индивидов, а не наоборот. Равенство – главная ценность современности. Смысл политических институтов определяется их ценностью для индивидов. Отсюда вытекают

следствия: политические институты не имеют надындивидуального смысла; социальные привилегии индивидов не являются политической нормой; государство не есть политическое благо; политическое благо – это применение в политике принципа равенства.

Согласно принципу нормативно-оценочного солипсизма, любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. Существуют ценности внесоциальные (благосостояние, счастье, польза, негативная и позитивная свобода), социальные (культурная гармония, социальный порядок, политическая стабильность, правопорядок) и промежуточные (активное и пассивное равенство). Внесоциальные ценности (польза, негативная свобода, личная автономия, благосостояние и пассивное равенство) есть главные политические блага, критерии политической оценки и основание политических дискуссий. Демократия, правопорядок и т. д. являются ценностями лишь в той мере, в какой культивируют внесоциальные ценности.

Отсюда вытекают важные политические следствия: свойства изолированного индивида – главный критерий политических ценностей; изоляция индивидов – социальная и политическая норма; политика – это процесс доказательства большей ценности политических решений по сравнению с бытием множества индивидов; если таких доказательств нет, политика превращается в сферу абсурда; социальные и промежуточные ценности надо отделить от государства и других политических институтов.

Для описания отношения между политическим благом и политическим выбором аналитическая политическая теория ввела различие консеквенциализма и деонтологизма. Консеквенциализм полагает возможным и необходимым применение репрессий для обеспечения свободы. Деонтологизм считает, что обеспечение свободы может и должно обходиться без репрессий. Любая ценность может быть реализована с помощью консеквенциалистской или деонтологической стратегии. При анализе политических институтов надо учитывать различие инсти-

туционального обеспечения ценностей. Государство и другие политические институты обязаны уважать ценности в первом и втором смысле слова. Однако сложился и развивается конфликт данных стратегий. Он не преодолен ни в одном государстве мира. При функционировании государства эффективное обеспечение ценностей всегда связано с нарушением множества подзаконных актов. Поэтому административно-распорядительная деятельность государства тоже есть сфера абсурда.

Консеквенциализм и деонтологизм используются также для классификации политических теорий современности. Политический выбор может определяться как обеспечение тех или иных ценностей и как решение, независимое от них. Это различие – основа теорий политического блага и политического выбора. Политическое благо есть решение субъекта о выборе определенной ценности в пространственно-временных обстоятельствах для ее практического воплощения. Однако консеквенциализм не выработал теорию соотношения средств и целей применительно к данному месту и времени и отрицает значение ценностей в политическом бытии. Деонтологизм не снимает ответственности с человека за любой выбор. Под этим углом зрения можно рассматривать все политические взгляды, доктрины, государства и институты.

Проблема реализации выбора является центральной для *аналитической экономической теории* (далее АЭТ), которая разрабатывается в последние десятилетия и переосмысливает традиционную концепцию человеческих желаний¹. АЭТ дает новую формулировку понятий привлекательности (аттракторов), оптимальности, общего блага, политической конкуренции, демократии. Комплекс данных понятий позволяет описать возможности реализации выбора в разных социальных и политических системах, синтезировать результаты философского и экономического анализа политики и отвергнуть либеральную концепцию индивидуального выбора.

---

¹ См.: Макаренко В. П. Homo economicus и средний избиратель: парадоксы общего выбора // Общество и экономика. 2002. № 3–4.

В частности, понятие оптимальности Парето базируется на сравнении состояний мира и формулировке социальных и этических норм на основе консеквенциализма, персонализма и индивидуального выбора. Однако критерий Парето бесполезен при оценке практической политики. Существует два способа решения этой проблемы: определение оптимальности как положения вещей, которое не нуждается в улучшениях; ограничение оптимальности выбором основных правил социальной, экономической и политической игры. На этой основе возникла институциональная компаративистика как альтернатива актуальным формам рынка и политики.

Реализация выбора предполагает постоянство этических норм, дистанцию между целями и предметами выбора, отрицание этического идеализма. В результате анализа данных проблем сформулированы понятия горизонтальной справедливости и несправедливости. Все существующие системы государственных налогов и налоговой политики исключают равенство и справедливость. Политические действия/программы/институты функционируют на основе индивидуального выбора и ведут к нежелательным последствиям. Поэтому все политические решения не являются лучшими из возможных. Политика – это лавка старьевщика, для изучения которой разработана *теория поддержанных вещей*.

Рынок не может служить критерием истинности социальных теорий. Политические и экономические институты развивают социальный паразитизм. Рынок базируется на традиции мышления, в центре которой – категория явного выбора. Тем самым рынок смешивает вкусы, желания, выборы и ценности. Функционирование рынка базируется на недоказанной посылке: в каждом его звене имеет место оптимальное сочетание противоположных склонностей. В итоге действия индивидов освобождаются от этического контроля. Рынок культивирует этический нигилизм. В рыночном обществе ни один индивид не может максимально реализовать собственные ценности по причине аналогичных стремлений других индивидов. Польза не является универсальным правилом человеческого пове-

дения. Если польза считается главной ценностью, большинство общества предпочитает стабильность, твердую власть, неравенство, несправедливость и мошенничество. При таких условиях общий выбор порождает множество непредвиденных последствий.

Современная экономика базируется на постулате экономии на добродетели. Он вытекает из двух принципов: люди никогда не поступают в соответствии с интересами общества; частный интерес – главный мотив человеческого действия. Вследствие этого демократические институты не решают проблему «принципал – агент». Для ее решения надо отбросить все концепции общего блага как независимого от интересов граждан, но производного от государственных интересов. Политические институты государства обходят эту проблему, поскольку равновесие и оптимальность рынка согласовать невозможно. В результате возникает трагедия общих благ. Неэффективность рынка – это бесконечное число версий дилеммы заключенного. Нормативные соображения в пользу рынка при анализе проблемы общего блага не имеют смысла. Рациональность индивидуальных действий в пользу общего блага при господстве рынка всегда проблематична.

Указанные правила и закономерности отражаются в политике. Претензии правительств на выражение общего блага есть просвещенный деспотизм. Он всегда противостоит индивидуальным мотивациям и социальным институтам. При демократии роль правительства выполняют политические институты, которые отвергают этические нормы при принятии решений. В итоге недостатки рынка отражаются в недостатках государственной политики. Общее благо недостижимо ни посредством рынка, ни с помощью государства.

Политическая конкуренция при демократии – это комплекс следующих свойств: имеет место связь общего выбора с политической формой; модель среднего избирателя базируется на постулате, согласно которому если позиции избирателей соответствуют одному спектру политических взглядов, то политическая конкуренция двух (и более) партий дает результа-

ты, близкие к центру данного спектра; однако политическая конкуренция вынуждает партии двигаться к идеалу среднего избирателя; если результаты выборов соответствуют модели среднего избирателя, они не оптимальны; партии обычно отказываются от программных целей; в итоге возникает постоянная политическая нестабильность.

Демократия – это запрограммированная инерция политических процессов и институтов. Выборы порождают проблему нестабильного большинства. Нестабильность – следствие политических процедур демократии, при которых избиратели голосуют за бесполезные и вредные для общества решения. Принцип большинства и ссылка на общие интересы населения в избирательных кампаниях потеряли смысл. Демократия не решает проблему общего блага. Поэтому при любом вмешательстве государства в рынок обостряется проблема реализации выбора. Если государство вырабатывает и реализует экономическую политику, все решения в данной сфере надо анализировать с помощью описательной, а не нормативной модели политики.

Теория общего блага не дает адекватного описания обязанностей правительства. Альтернативная теория государства предполагает описание главных и побочных аспектов неэффективности правительств и аппаратов управления. В настоящее время в экономике используется негероическая теория человеческого поведения. Она стала элементом экономического дискурса и подменяет описание оценкой человеческого поведения. Следовательно, постулаты и выводы либеральной экономической теории не выполняют дескриптивной функции. А наличные социальные и политические институты воплощают идею о худшем из возможных миров.

Для исследования этого мира применяются *социологические методы*¹. В частности, сравнительный анализ концепций Э. Дюркгейма и М. Вебера позволяет сделать общие выводы:

---

¹ См.: Макаренко В. П. Социология и политическая философия // Социс. 2004. № 8.

концепция Дюркгейма несвободна от ряда недостатков. Главные из них относятся к проблемам политических свойств, отношению морали и государства, отношению социальной структуры и морали. На деле вторичные социальные группы представляют собой множество клик, свободных от обязанностей перед государством. Их существование не является необходимым условием государства. У Дюркгейма нет строгого определения критериев политического общества. Цели государства невозможно вывести из знания о том, чем оно реально занимается. Количественный и качественный рост государственных функций порождает множество абсурдных ситуаций. Функционирование государства порождает проблему классификации видов политического абсурда. Сильное государство не нужно для развития индивидуальной морали. Наоборот, стойкость индивидуальной морали проверяется отсутствием государственной поддержки. Без социологических исследований трудно понять, оценить и улучшить социальную мораль.

С другой стороны, Вебер пренебрегает различием конструктивной и деструктивной харизмы. Смешивает политическую инновацию и стагнацию с харизмой и бюрократией. Не дает строгого определения политической инновации. Бюрократизация характерна не только для социалистических (как считал Вебер), но и для капиталистических стран. Политики не всегда стремятся к социальным изменениям, а бюрократия не всегда им сопротивляется. Нет этически нейтральных фактов и успешно действующих менеджеров.

И все же Дюркгейм и Вебер поставили один вопрос: могут ли социологические методы и информация служить основанием выбора социальных и политических альтернатив? Дюркгейм отвечал на него положительно, Вебер – отрицательно. Если стоять на почве фактов, то социальные изменения XX в. (от революций до реформ) были делом лиц, в наименьшей степени способных их осуществить. Для предотвращения этой тенденции в первой трети XX в. в некоторых странах начало складываться взаимодействие социальных реформаторов и политиков

с социологией и политической философией. Политическая философия выполняет функцию неявных посылок – принципов и постулатов философской аргументации. В этом контексте поставлены проблемы соотношения благ и социального контекста, социальности и нейтральности, аутентичного общества, тенденций и оценок. Процесс их изучения в 1980–1990-е гг. показал, что методологический индивидуализм пренебрегает фоновыми убеждениями и практиками. Взаимопонимание – свойство общества, а не его отдельных членов. Социальные блага несводимы к индивидуальным благам. Трактовка социальных благ как индивидуальных фиксирует их каузальную и логическую зависимость от социального контекста.

Согласно либеральному шаблону, политические институты свободны от детерминации конкурирующими сторонами, а идеал нейтральности государства воплощает определенные ценности. Такой подход порождает проблемы, которые либеральное государство не может решить. Нейтральность воплощает конфликт социальности с мерой ее воплощения в политических институтах. Чувство социальной принадлежности, тождество индивида с обществом и социальной ролью – случайные характеристики индивида. Он обладает разными идентичностями при достижении конкретных целей в пространственно-временных обстоятельствах, от которых зависит чувство социальной принадлежности. Если оно конституирует идентичность, различие случайных и необходимых свойств исчезает. Поэтому следует исходить из конфликта чувств социальной и государственной принадлежности.

Аутентичное общество – это мера независимости граждан от государства и воспроизводство общины на уровне политической рефлексии. Для достойной жизни надо принимать участие в делах общества, а не государства. Социальные изменения, которые осуществляются недовольными индивидами, одновременно усиливают и уменьшают социальные чувства остальных членов общества. Общие цели и ценности возникают только в аутентичном обществе. Однако его бытие должно быть доказано методами, более достоверными по сравнению с психологией.

При выборе политических решений/программ/ценностей неявные послышки обычно не выступают в качестве предметов эмпирических исследований. Это порождает бесконечную дискуссию о специфике современного общества, в которой смешиваются дескриптивные и нормативные аспекты поведения людей. Для прекращения данной дискуссии надо учитывать специфику суждений о тенденциях. Число факторов изменения социальных тенденций бесконечно. В политике изменение суждений о тенденциях есть следствие изменения индивидуальных убеждений для приспособления к изменившимся обстоятельствам. Эти изменения выражаются в политических оценках, взглядах, теориях и аргументах. Истинность суждений о тенденциях всегда проблематична. Публичный аргумент от тенденции может быть началом ее изменения и распада. Открытие тенденции нередко меняет политические убеждения. Строгой методики анализа таких изменений не существует.

Таким образом, индивидуальный выбор не является основанием социальных ценностей, а социальные и политические институты не воплощают данный выбор. Такой выбор невозможно реализовать на практике. Требуется пересмотр принципов справедливости и суверенитета, сложившихся в Новое время и до сих пор легитимизирующих государственный произвол.

Аналитическая политическая наука изучает распределение власти и отношение между намерениями властвующих и социальными последствиями, к которым они привели¹. Намерения закрепляются в политических структурах и обретают самостоятельную жизнь, ограничивая другие способы осуществления власти. Социальные и политические структуры – продукты множества случайных следствий, проистекающих из деятельности множества субъектов. Этим определяется главная проблема аналитической политической науки: как человеческие действия воплощаются в жизнь

---

¹ Макаренко В. П. Намерения и последствия: когнитивные аспекты демократии // Полис. 2002. № 4.

с помощью структур, в которых реализованы предшествующие уклады социальных сил? При ответе на вопрос надо учитывать феномен шаткости демократии. Он выражается в невежественности избирателей, безответственности элит, недостатках политического рынка и несоответствии модели взаимных услуг реальной политике. Большинство людей не выполняет функцию гражданина.

Отказ от участия в выборах – наиболее рациональный способ индивидуального поведения. *Демократия полагает нормой незнание избирателей. Избиратели руководствуются чувствами, а не разумом.* Поэтому институт выборов нерационален и потерял смысл. При демократии существует безответственное отправление власти политическими элитами. Циклы внутренней политики определяются воспроизводством больших структур на разных уровнях власти. В этих структурах сконцентрирован выбор группы лиц и организаций, власть которых не зависит от демократических процедур. Поэтому диспропорция (а не равновесие) власти – универсальная закономерность демократии. Она усиливается структурной властью среднего избирателя и отношением между центром и периферией внутри страны и на международной арене. В результате демократия воспроизводит колонизацию внутри страны и за рубежом.

Демократический политический выбор есть иллюзия, которая базируется на недоказанных посылах: партии предлагают гражданам действительный социальный и политический выбор; каждая партия выполняет программные и избирательные обещания. Однако движение партий к центру (при двух- и многопартийной системе) показывает, что они не предлагают гражданам никакого выбора. Ни одна партия не преодолела рационального незнания избирателей и даже не стремится к этому. Возникла монополия партий на решение определенных социальных проблем. Но после победы на выборах партии не выполняют своих обещаний. Политическое участие характерно для парламентариев и политических элит, а не для граждан.

Для устранения этих явлений политика должна приобрести совещательный, а не обязательный характер. Политика как сфера свободной публичной критики предполагает независимость населения от групп интересов и политических партий. Но механизмов такой независимости не существует. Электоральные кампании отличается случайностью и произволом. Принцип большинства ведет к порочному кругу и исключает общий выбор. Способы решения этого парадокса (процедура голосования, последовательность индивидуальных политических выборов, структура политических институтов) уменьшают, но не исключают вероятность порочного круга.

Реализация политического выбора предполагает согласие граждан по вопросам единства нации, общеобязательности политического выбора и правил политического дискурса и отражения в политическом выборе индивидуальных выборов. Такое согласие в принципе невозможно, поскольку оно связано с унификацией мнений по вопросам, относительно каждого из которых существуют конкурирующие теории. А политические институты демократии не отражают индивидуальные выборы. Отсюда вытекает *противоположность* намерений и следствий политических действий при демократии. Она не в состоянии преодолеть влияние власти в организациях на достижение определенных политических результатов, бюрократизацию организационных структур, иллюзию доверенного исполнителя, институциональные интересы и бюрократическую модель вневедомственных соглашений. Логика организационных структур противоречит демократическим институтам. Не менее значимо вмешательство государства в экономику по следующим причинам: из-за неспособности рынка дать необходимое количество социальных благ; различного отношения граждан к экономическому и политическому выбору; рыночного распределения как результата распределения власти. В конечном счете, любое вмешательство блокирует социальное равенство. Связь экономики и политики – главная причина авторитарных социальных тенденций. Экономика и политика – различные сферы эксплуатации.

Демократия воплощает надежду на смягчение экономической эксплуатации и политического угнетения путем регулярной смены правительств и парламентов. Социализм воплощает надежду на справедливое распределение доходов и богатства. В XX в. обе эти надежды рухнули. Носителями неравенства при социализме оказались лица и группы, политически ответственные за обеспечение равенства. А нормативная теория демократии не учитывает случайного социально-исторического характера прав и свобод. Для развития дескриптивной теории демократии надо соединить критику теории прав человека с критикой конкретных обществ и социальных ситуаций и отбросить любые варианты авторитаризма. Этот политический строй соединяет свойства экономической эксплуатации и политического угнетения под маской «развития экономики».

Чтобы противодействовать авторитаризму, следует отвергнуть идею и процедуры социального и политического консенсуса. Реальные демократии воплощают политический торг – раздел добычи и трофеев между старыми и новыми элитами и кликами. Политика способствует трансляции прежних элит и клик в новые условия. Консенсус возможен только при решении проблемы пределов политики. Для ее анализа сформулировано понятие конструктивного безумия. Оно означает преодолимость всех барьеров, всеобщность возможного мира и легитимизацию экономических и политических кризисов и революций. Эти социальные феномены открывают новые направления социальных изменений и потому не являются абсолютным злом.

Нормативное политическое знание включает легитимизацию, критику и делегитимизацию всех политических фактов, тенденций и систем. Эти цели частично реализуются в *аналитическом правоведении* и *аналитической философии права*¹. Оба направления изучают природу и легитимность

---

¹ *Макаренко В. П.* Аналитическая философия права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2002. № 6.

государства как источника права, а также конкурирующие концепции природы права и юридические аргументы при выборе, интерпретации и применении законов. Выводы современных концепций политического реализма, экономического, критического и феминистского анализа права состоят в следующем: уголовное судопроизводство и конституционное право неэффективны; гражданское судопроизводство зависит от материальных интересов индивидов и групп; установленные и фактически исполняемые законы отождествляются; невозможно строго определить цель, эффективность и политические последствия любого закона и законодательства в целом; на процессы применения права влияют лица, группы и организации; правовой формализм невозможно воплотить в социальную жизнь и юридическую практику; юристы смешивают правовую идеологию и социальную реальность; юридические дискуссии не решили ни одной социальной и политической проблемы; определение границ свободы порождает юридическую казуистику; любой закон обладает одновременно положительным и отрицательным политическим и социальным содержанием; чем больше государство и политика довлеют над правом, тем ниже его эффективность; правовое регулирование социальных отношений неэффективно; перспективы юридического регулирования социальных отношений зависят от меры противостояния права государству и политике.

Интересные результаты получены в *истории политической мысли* (далее ИПМ). Здесь сложилась парадоксальная ситуация: историки скептически оценивают значение исторических исследований для современной политической мысли, но вносят важный вклад в анализ классических проблем ПФ; философы используют классические тексты для решения проблем современного общества, но полагают невозможным освобождение политической мысли от детерминации историей культуры. Позитивисты высоко оценивали значение ИПМ для анализа современности. Аналитические историки в 1960-е гг. начали обсуждение вопроса, действительно ли

классические тексты политической мысли бесполезны при решении сегодняшних проблем?

В результате дискуссии сформулированы методологически важные положения. Главная проблема традиционной политической мысли – распределение и производство благ. В XX в. решением этой проблемы стали заниматься правительства. Политическая мысль оторвалась от политической практики, а экономическая вошла в альянс с правительствами. Но критика утилитаризма привела к отказу от интереснеэффективного сравнения пользы при создании теории человеческого поведения. Проблема человеческого страдания была исключена из поля зрения экономической теории, а трудовая теория стоимости заменена понятием справедливого обмена. Современная экономика базируется на равенстве как главной норме социальной морали (принцип Парето). Эта норма тождественна принципу самосохранения, но не является аксиологически нейтральной.

На протяжении первой половины XX в. в социальных науках сложилось две тенденции: оценки не являются продуктом рационального мышления; граждане должны принимать решения о моральных основаниях политики. Эти тенденции доминировали в ИПМ первой половины XX в. Классические произведения рассматривались как способ передачи гражданам комплекса «вечных ценностей», на которые надо опираться при выборе. Одновременно в период господства позитивизма сложилось убеждение в истинности разделения фактов и ценностей и объективности политической науки. Большинство политологов и политических философов отвергают вывод о ложности политической теории. Но поскольку проблема социальных ценностей неразрешима в рамках индивидуального выбора, статус политической науки остается неопределенным.

АПФ определяет философскую рефлексию как активность, которая не отличается от других действий исторических субъектов. Классические тексты – это социально-исторические действия. Корпус классических текстов ИПМ образует наслед-

ство общества и материал, без овладения которым невозможно объяснение и понимание. В его состав входят *языки, стереотипы и парадигмы*, которые надо извлечь из забвения. Традиционная ИПМ считает, что из классических текстов следует извлекать политические ценности. Критика традиционной ИПМ идет в двух направлениях: использование результатов АПФ для квалификации ИПМ как элемента историографии; неопределенность и противоречивость современных политических теорий объясняются на основе исторических источников. В этом контексте дихотомия позитивной и негативной свободы теоретически оправданна, но на практике негативная свобода воплощает форму правления, которая отвергает элементарные права индивидов. Из классических текстов извлекаются три основных категории: ответственность индивида; понятие общества как непредвиденного следствия человеческих действий; доверие как основа нормативно-оценочных систем и общественных отношений. Эти категории обладают описательным и нормативным смыслом одновременно.

С учетом данных выводов изучается контекст политической мысли и формулируется идея множества историй. У политических понятий нет строго определенного и постоянного пространственно-временного и социального смысла. Нет пока и удовлетворительного объяснения причин обращения философии к историческим исследованиям. По крайней мере, оно должно учитывать общее положение: не существует социального эквивалента индивидуальной пользы памяти. Способ функционирования социальных институтов скрывает историю определенных идей. Ее реконструкция необходима для осмысления непонятных обычаев и убеждений. История идей связана с социальной, политической и лингвистической историей. Поэтому классические тексты ИПМ имеют большее значение, чем история социальных и политических институтов. Проблема изменения контекстов становится центральной для политической философии. При ее изучении можно исходить из методологического кредо: государство не является постоянным, независимым и объективным бытием. Под таким

углом зрения можно рассматривать социально-политические изменения рубежа XX–XXI вв.

Результаты аналитических исследований здесь далеко не исчерпаны. Но нетрудно убедиться, что они предлагают определенную политическую теорию, которая включает анализ философско-мировоззренческих, экономических, социологических, политических, юридических и исторических измерений социального бытия. Проблема субординации данных результатов для построения непротиворечивой теории, а также их применение для анализа и оценки постсоветской реальности остается открытой.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит исходная проблема политической концептологии?
2. Дайте определение политической концептологии.
3. В чем суть проблемы методологического выбора?
4. В чем состоит специфика рассмотрения политики как мира реализованного абсурда?
5. Назовите базовые термины политической концептологии.
6. Каковы методологические особенности познания мира политики с позиций аналитической политической философии?
7. Раскройте различия между консеквенциализмом и деонтологизмом.

Рекомендуемая литература

1. Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
3. *Время мира: альманах.* Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2000.

4. *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29).

5. *Грязнов А. Ф.* Вступительная статья // Аналитическая философия: становление и развитие: антология / общ. ред. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

6. *Зиновьев А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 2000.

7. *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (I) // Полис. Политические исследования. 1996. № 6.

8. *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. Политические исследования. 1997. № 1–2.

9. *Карпенко А. С.* Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999. № 9.

10. *Макаренко В. П.* Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002.

11. *Макаренко В. П.* Аналитическая философия права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2002. № 6.

12. *Макаренко В. П.* Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000.

13. *Макаренко В. П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования (статья первая) // Социс. Социологические исследования. 1996. № 11.

14. *Макаренко В. П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования (статья вторая) // Социс. Социологические исследования. 1997. № 7.

15. *Макаренко В. П.* Кавказ: концептологический анализ // Социс. Социологические исследования. 2001. № 12.

16. *Макаренко В. П.* Намерения и последствия: когнитивные аспекты демократии // Полис. Политические исследования. 2002. № 4.

17. *Макаренко В. П.* Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы: материалы Международного симпозиума. СПб.: Петрополис, 1996. Т. 3.

18. *Макаренко В. П.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005.

19. *Макаренко В. П.* Политическая философия. Ростов н/Д: Логос, 1992.
20. *Макаренко В. П.* Правительство и бюрократия // Социс. Социологические исследования. 1999. № 3.
21. *Макаренко В. П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М.: Высшая школа, 2000.
22. *Макаренко В. П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.
23. *Макаренко В. П.* Социология и политическая философия // Социс. Социологические исследования. 2004. № 8.
24. *Макаренко В. П.* Технократические мамелюки. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000.
25. *Макаренко В. П.* Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001.
26. *Макаренко В. П.* Феномен квазиполитики и проблема политических объектов // Вестник МГУ. Серия политических наук. 1998. № 2–3.
27. *Макаренко В. П.* Номо еconomicus и средний избиратель: парадоксы общего выбора // Общество и экономика. 2002. № 3–4.
28. *Неретина С. С.* Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.
29. *Огурцов А. П.* Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования. 1995. № 1.
30. *Рассел Дж. Б.* Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001.
31. *Розов Н. С.* Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12.
32. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX в. М., 1997.
33. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
34. Суверенитет / сост. Н. Гараджа. М.: Европа, 2006.
35. Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–80-е годы. М.: РОССПЭН, 1999.

36. *Хиршман А.* Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. Социологические исследования. 2001. № 3.

37. *Чешков М. А.* Неоэтанализм: мировые и локальные измерения // Полис. Политические исследования. 1996. № 2.

38. *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: НЛЮ, 2004.

39. *Ясперс К.* Вопрос виновности // Знамя. 1994. № 1.

40. *Макаренко В.* Samotna wspolnota: wprowadzenie do filozofii politycznej. Rzeszow: Wydawnictwo wyzszej szkoly pedagogicznej, 1999.

Учебное издание

СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Редактор	<i>И. А. Ивахина</i>
Корректор	<i>И. А. Ивахина</i>
Компьютерная верстка	<i>О. В. Наскаловой</i>